

Очерки

ЛОГИКИ

ИСТОРИЧЕСКОГО

ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. А. ГРУШИН

ОЧЕРКИ ЛОГИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

(процесс развития
и проблемы его научного
воспроизведения)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
Москва — 1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые читателю очерки — часть лекций специального курса «Проблемы логики исторического исследования», прочитанного автором в 1958/59 учебном году для студентов-старшекурсников философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Подготовка к чтению этого курса еще раз выявила то обстоятельство, что логические вопросы исторической науки — область, крайне мало разработанная с точки зрения марксистской философии и почти не исследуемая советскими философами. Это во многом определило содержание и общий характер лекций.

В подобных условиях речь могла идти не столько об ответах на вопросы, сколько о формулировании самих вопросов. Задача состояла не в том, чтобы дать развернутое решение проблемы, но прежде всего в том, чтобы выявить самую проблематику и наметить хотя бы в общих чертах пути ее решения. Отсюда и понятные недостатки исследования: известная неполнота в рассмотрении проблемы (часть вопросов оказалась совсем незатронутой, другая — обрисованной лишь вчерне), множество недоработок в характеристике деталей, в терминологии, неизбежные повторы и т. д.

Здесь представляется уместным отметить следующие моменты, которые необходимо иметь в виду при чтении работы.

1. Современное историческое исследование — исследование, воспроизводящее процессы развития сложного объекта как системы связей. Решение этой задачи осуществляется мышлением с помощью диалектического метода. Поэтому анализировать логическую структуру

современной исторической науки — значит заниматься рассмотрением диалектического метода, анализировать его структуру.

Но логика исторического исследования — только часть диалектической логики. Диалектический метод как метод научного исследования не сводится только к приемам и способам воспроизведения в мышлении **развития** объекта. Он является также методом рассмотрения внешних и внутренних связей объекта, его зависимостей, его противоречий и т. д. Приемы и способы исследования, с помощью которых воспроизводятся эти стороны в «жизни» объекта, неразрывно связаны с приемами и способами воспроизведения процессов развития объекта. И, вообще говоря, чтобы до конца правильно понять эти последние приемы и способы, необходимо рассмотреть их связь с первыми.

Однако на определенном этапе исследования анализ целого должен быть предварен анализом отдельных его составляющих. В частности, исследованию диалектического метода в целом необходимо должно быть предпослано исследование отдельных его сторон. В предлагаемой работе рассматривается как раз одна сторона диалектического метода — та, которая связана с воспроизведением в мышлении исторических процессов развития объекта. Это не значит, конечно, что другие стороны диалектического метода опускаются вовсе (полностью отвлечься от них при всем желании, видимо, невозможно). Это лишь значит, что привлечение этих сторон к анализу обусловлено рассмотрением непосредственного предмета исследования и что там, где об этих сторонах идет речь, они специально не рассматриваются ни с точки зрения их содержания, ни с точки зрения их логической структуры.

2. Круг наук, которые сегодня без оговорок могут быть названы историческими, достаточно широк. Это — история общества и эволюционная биология, языковедение и историческая геология, политическая экономия и история науки, звездная космогония, геоморфология, антропология и т. д. Каждая из них дает более или менее обширный эмпирический материал для исследования логической структуры исторического знания.

Мы в своей работе обращались главным образом к политической экономии К. Маркса. И не только потому,

что с этой наукой студенты-философы, для которых читался курс, знакомы полнее всего. Тут были и более веские основания.

Науки развиваются крайне неравномерно. Если взять конкретно область исторического знания, то здесь одни из них (например, история общества) берут свое начало в седой древности, другие (например, политическая экономия и эволюционная биология) связаны с новым временем, третьи (например, звездная космогония) рождаются буквально у нас на глазах. Но дело не только во времени возникновения, т. е. в относительной старости или молодости науки. Дело в темпах, которыми развивается наука, в скорости решения ею задач по воспроизведению своего предмета.

Политическая экономия как историческая наука относительно молода. До Маркса она только становилась на ноги. Зато в «Теориях прибавочной стоимости» и «Капитале» — благодаря разработанному и блестяще примененному Марксом методу — она сразу же приняла характер классического образца исторического исследования, воспроизводящего процессы развития сложного объекта.

Напротив, большинство других исторических наук, вступив на путь диалектического исследования своих объектов, до сих пор сталкивается с задачами, не разрешенными в рамках этих наук — и не разрешенными очень часто именно из-за отсутствия необходимых логических средств.

Об этом говорят признания представителей этих наук. Приведем некоторые из них. **Геотектоника и литология:** «Исключительно интересные и важные вопросы направления развития осадочной оболочки Земли находятся в самой начальной стадии исследования»¹. **Космогония:** «Делались и делаются попытки создания пространственно-временных представлений о вселенной в целом и ее отдельных формаций, но эти попытки не приняли еще определенного направления и не представляют пока еще единственно правильной исторической линии развития нашего познания звездных систем»². **Историческая**

¹ В. В. Белоусов. Основные вопросы геотектоники, М., 1954, стр. 325.

² Б. В. Кукаркин. Исследование строения и развития звездных систем на основе изучения переменных звезд, М.—Л., 1949, стр. 11.

геология: Задача по созданию земной истории не решена еще до сих пор, потому что «нет единого метода, с которым можно было бы подойти к изучению развития земли в целом»¹. **Языкознание:** Вопросы методики исторического изучения языка «продолжают оставаться одною из отстающих областей нашей науки»². **Геоморфология:** «Установление законов зарождения и преобразования форм земной поверхности и составляет главную задачу современной геоморфологии. К решению этой задачи, однако, современная наука приступила только недавно и далека еще от завершения своей работы»³ и т. д. Картина будет неполной, если к этому не прибавить, что даже такая отрасль знания, как **история науки**, которая никак не может быть названа новичком в сфере исторического знания, тем не менее также до сих пор часто не справляется с задачей воспроизведения действительного развития своего объекта (ср., например, грубейшие ошибки методологического характера в книге Г. Ф. Александра «История западно-европейской философии»).

Из такого положения вещей ясно: то, что для политической экономии Маркса является вчерашним днем, для многих других исторических наук — только сегодняшней и даже завтрашний день. Понятно поэтому, что для нас, анализирующих логические средства решения задач исторического исследования, «Капитал» Маркса не мог не выступить на первый план.

Впрочем, в одном отношении между материалом политической экономии и других исторических наук мы не видели никакой разницы — речь идет о способе обращения с этим материалом. Предполагая у читателя знание основных положений и категорий рассматриваемых наук, мы не могли сколько-нибудь подробно касаться самого их положительного содержания. Последнее раскрывается лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания нашей собственной проблематики. Широкое же описание содержания наук в философской работе ведет не только к увеличению объема работы, но и к опасности

¹ А. Н. Мазарович. Историческая геология, М.—Л., 1938, стр. 403.

² Б. В. Горнунг. Предисловие к книге А. Мейе «Сравнительный метод в историческом языкознании», М., 1954, стр. 3.

³ Я. С. Эдельштейн. Основы геоморфологии, М.—Л., 1947, стр. 28.

подмены собственного предмета исследования. Хорошо сказал академик Н. М. Страхов: в исследовании проблем метода мышления очень важно четко отделять вопросы изготовления орудий для работы от вопросов самой работы этими орудиями.

3. Наконец, последнее из предварительных замечаний. Оно касается, так сказать, технической стороны дела — терминологии и символики.

Поставленные перед необходимостью проводить множество новых различий в материале исследования, мы столкнулись прежде всего с серьезными трудностями терминологического порядка. Перед нами встал вопрос о разработке новой терминологии, соответствующей структуре рассматриваемой проблемы, и в решении его мы шли как по линии применения новой терминологии, так и по линии использования терминологии старой, уже существующей. Что касается первого пути, то, полностью отдавая себе отчет в большой недоработанности многих терминов, мы, тем не менее, считаем, что читатель, связывая эти термины с обозначаемыми явлениями и понятиями, сможет воспользоваться ими без труда. Другое дело — использование старых терминов, с которыми у каждого читателя могут быть связаны свои собственные, отличные от наших, представления. Здесь необходимо внимательное отношение к тем терминологическим различиям, которые проводятся в работе и которые могут быть не замечены сразу со стороны.

Еще большие трудности возникли в связи с разработкой символики — вещью совершенно необходимой, когда исследуется логическая структура тех или иных процессов мышления.

Уже существующая в логике символика, созданная для изображения связей типа конъюнкции, импликации и т. д. и оперирования ими, оказалась непригодной для изображения и оперирования мыслительными зависимостями, связанными с воспроизведением сложнейших исторических отношений объекта. Пришлось вводить символику самостоятельно. При этом введение так называемой оперативной символики на данном этапе исследования оказалось вещью преждевременной и невозможной. Нужно было сначала схематически изобразить мыслительные процессы, а затем уже ставить вопрос о механизме их внутренних связей.

В результате всего этого в символике имеется еще большая недоработанность, нежели в терминологии. Сознавая это, при подготовке лекций к печати мы стремились к максимальному сокращению символики. Но мы не могли отказаться от этой формы выражения вовсе; даже в «сыром» виде она не только во многом облегчает и сокращает изложение и понимание материала, но и позволяет наглядно представить те приемы научного исследования объекта, строгий и безукоризненный механизм которых еще только предстоит разработать логике.

Автор.

Март 1960 года.

Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению вопросов логики исторического исследования, необходимо, очевидно, установить смысл понятия «историческое исследование», или, точнее «современное историческое исследование», ибо занимающаяся рассмотрением исторических процессов развития объектов наука история сама претерпевает длительный и крайне сложный процесс развития; в ходе этого процесса меняются сферы приложения исторической науки и ее содержание, меняются задачи науки и способы исследования.

1. ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Возникнув применительно к рассмотрению человеческого общества как некоего аморфного, «неразобранного» целого, историческая наука в течение многих столетий сохраняла верность этому единственному объекту. Лишь в новое время происходят серьезные перемены. Некогда единое, человеческое общество распадается в глазах исследователя на ряд сфер. На месте архаически-синтетической истории Геродота и Фукидида появляются «частные» истории: культуры, науки, экономических отношений, политических отношений и т. д.

Этот процесс дифференциации изначального объекта имел, безусловно, огромное значение (теперь стало возможным значительно более внимательное и всестороннее рассмотрение жизни человеческого общества, раскрытие внутренней структуры каждой из его сфер). И тем не

менее, когда мы говорим о развитии науки истории по линии объекта, необходимо иметь в виду не только этот процесс.

Почти до середины прошлого века историческая наука существовала и развивалась исключительно на базе изучения человека и человеческого общества во множестве их проявлений (и то не всех: языкознание, например, долгое время оставалось неисторической наукой — ср. филологическая и рациональная грамматика). Применительно к естествознанию она встречалась так же редко, как двуголовые люди, и при этом неизменно имела полу- или совершенно фантастический вид (например геогения — наука о возникновении Земли). О каком-либо развитии во времени непосредственно данных исследователю «естественных» объектов, как правило, не было и речи; самое большее, до чего доходила человеческая мысль, — это отдельные гениальные гипотезы, не находившие своей конкретной разработки и остававшиеся, по существу, доктринами (например, гипотеза Канта-Лапласа в космогонии, которая в момент появления, по словам Энгельса, «казалась... простым курьезом»¹; необычайно смелые мысли Б. Жюссье в биологии и т. д.). И еще О. Конт утверждал, что исторический метод — удел только социологии и никак не может быть применен в биологии с ее методом сравнительного изучения в целях классификации.

Такое положение вещей объяснялось двумя основными причинами: 1) господством метафизического антиисторического мировоззрения, опиравшегося на ограниченную социальную базу и отсутствие конкретного эмпирического материала по истории земной коры, органического мира и большинства других естественных систем, и вследствие этого 2) отсутствием соответствующих методов исследования, позволяющих воспроизводить закономерности развития сложных объектов.

Картина резко меняется с тем бурным развитием науки, которое приходится на XIX век. Сильнейшая струя историзма врывается в такие области доселе безраздельного господства антиисторических концепций, как геология, биология, позднее — космогония и др. «Основы гео-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в 2-х томах, т. II. Госполитиздат, 1948, стр. 354.

логии» Ч. Ляйеля увязывали в единый процесс факты и явления прошлого и настоящего Земли. «Происхождение видов» Ч. Дарвина впервые последовательно и всесторонне объясняло современную систему органического мира из процессов ее исторического развития¹. Проникая все глубже в мир, научное мышление открывало исторический характер таких объектов, которые от века представлялись ему неизменными, лишенными всякого развития. Этот процесс был блестяще описан К. А. Тимирязевым в его «Историческом методе в биологии» (особенно 1 и 2 главы). Суть процесса состояла в том, что от антиисторического анализа, от задач по классификации, систематизации и сравнительного описания естествознание переходило к исследованию изменения объектов во времени.

Начавшись стихийно, процесс расширения сферы приложения исторической науки получил дополнительные стимулы и начал становиться всеобъемлющим в связи с возникновением научной диалектики К. Маркса. Гениальный мыслитель блестяще синтезировал во всесторонне разработанном им диалектическом методе достижения науки, в частности естествознания XIX века, и революционную практику самого передового класса современности — пролетариата. Он создал законченную теорию развития объективного мира и его познания и тем самым придал принципу историзма недостающую ему научность, сделал его господствующим в научном мышлении.

Современный этап развития научного знания характеризуется рядом специфических черт. И, может быть, самая яркая из них — именно исторический подход к изучаемому объекту. Историзм как общий принцип исследования буквально пронизывает современное научное мышление. Причем процесс, начавшийся в середине прошлого века, идет и по сей день. Историческая наука, т. е. наука, исследующая процессы развития объекта, стремительно развивается в ширь, включая в сферу своего рассмотрения все новые и новые области объективной действительности. В результате рядом с историей общества (наукой историей в узком и привычном смысле этого слова) возни-

¹ В переписке К. Маркса и Ф. Энгельса 1854—1860 гг. о Дарвине говорится: «...до сих пор еще не было такой грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 468).

кают или уже возникли другие, новые «науки истории»: земной коры, органического мира, языка, наук и т. д.

«Мы знаем только одну единственную науку, науку истории»¹, — говорили в свое время Маркс и Энгельс. И то, что сто с лишним лет назад было лишь преувеличением, гениально схватывавшим важнейшую тенденцию в развитии науки, сегодня — становящийся факт. Объект современной исторической науки — уже не только «история людей», но и «история природы».

2. ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

И «старые» и «новые» объекты исторической науки отличаются крайней сложностью. Бесчисленны по количеству и качественному многообразию их внешние составляющие — эмпирически данные факты, явления, события, лежащие на поверхности и воспринимаемые людьми непосредственно. Сложна внутренняя структура каждого объекта, также насчитывающая множество составляющих и связей между ними, которые уже не воспринимаются непосредственно, а вычленяются с помощью научного анализа. Еще более сложной внутренней структурой характеризуется сам процесс развития объекта.

Понятно, что историческая наука (как, впрочем, и всякая другая) не может, говоря словами В. И. Ленина, «охватить=отразить=отобразить» свой объект сразу, в целом, полностью, в «непосредственной цельности» его внешних и внутренних форм². Поэтому для нее характерно развитие не только вширь, в смысле распространения на все новые сферы объективной действительности, но и вглубь объекта, в смысле переходов в процессе проникновения в объект от явлений к сущности, от сущностей первого порядка к сущностям второго порядка и т. д. В соответствии с этим процессом историческая наука на каждом этапе воспроизводит разные стороны жизни своего объекта, или, иначе, один и тот же объект представляется нам в ходе развития науки понятием различным. Значит, речь должна идти об изменении не только объекта науки, но и ее непосредственного предмета. Внешним образом этот процесс выражается в смене тео-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 16, примечание.

² В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 173.

ретических задач, которые выдвигаются и решаются наукой.

Если говорить конкретно об истории общества, то в течение очень длительного времени эта наука существовала в качестве сугубо «описательной». Непосредственным предметом ее исследования были внешние события человеческой истории, следующие друг за другом во времени. Наука начиналась (а по существу и кончалась) там, где занимались эмпирическими фактами и отношениями действительности и где эти эмпирические факты и отношения рассматривались исключительно в хронологическом ряду. Хронология, понятая как строгое, безупречное следование временной последовательности в рассмотрении явлений, была богом и царем исторической науки. И, как таковая, она приводила к ползучему эмпиризму, к простому перечислению и описанию фактов, видимых и находимых на поверхности, без малейшей попытки раскрыть в них сущность и строение рассматриваемого объекта. При этом вопрос о структуре объекта не ставился настолько, что изучавшие историю исследователи буквально не могли сказать, историю чего они изучают!¹. Характеризуя эту науку, В. И. Ленин писал: «...Накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»²; в лучшем случае... лишь описание этих (общественных.— Б. Г.) явлений, подбор сырого материала³.

Затем историческая наука приступает к вычленению элементов и связей внутренней структуры человеческого общества. За бесконечной массой фактов и явлений, лежащих на поверхности исторического процесса, обнаруживаются «производительные силы», «производство», «социальный слой», «класс», «борьба классов», за массой эмпирически случайных отношений и ситуаций — постоянные, прочные связи между различными сферами жизни общества. Любопытно, что этот процесс, пережитый историей общества давным-давно, в более молодых исторических науках (например, историче-

¹ Классическим образцом исторической науки подобного рода является «История греко-персидских войн» Геродота (V век до н. э.). Но было бы явным преувеличением считать, что мы не найдем аналогичного подхода к объекту у многих историков нашего времени...

² В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 40.

³ С м. т а м ж е, т. 1, стр. 122.

ской геологии) начался совсем недавно. Так, например, академик Н. М. Страхов отмечает, что в истории науки каждая дисциплина, имеющая дело с классификацией событий во времени, неизбежно проходит две стадии: 1) стадию искусственных подразделений (когда в основу кладутся чисто внешние признаки) и 2) стадию естественных подразделений (когда исходят из существенных свойств самих изучаемых объектов); историческую геологию Н. М. Страхов относит к первой стадии¹. Еще более определенно высказывался профессор М. М. Тетяев: «В представлениях об истории развития земли теряется самое содержание этой истории... В сущности говоря, то, что мы понимаем сейчас под исторической геологией, есть не что иное, как хронология, где мы имеем разделение на периоды, разделение во времени, которое отмечается изменениями в органическом мире. Внутреннее содержание различных периодов отсутствует так же, как процесс и законы развития... Поэтому мы можем сравнить современное понимание истории земли с теми прежними представлениями об истории человеческого общества, когда она изображалась как смена царей, династий, войн и т. д., то есть, когда указывались чисто внешние признаки проявления, а внутренние законы развития человеческого общества не были еще осознаны»².

Только в новое время наука история впервые ставит вопрос о раскрытии внутреннего строения (механизма) самого исторического процесса. И эта ступень в развитии предмета науки внешне ознаменовывается появлением таких понятий, как «процесс», «движущая сила процесса», «фактор процесса», «взаимодействие факторов» и т. д.

Мы не можем останавливаться (и это не входит в задачи данной работы) на рассмотрении проблемы перехода мышления от эмпирически данных, внешних составляющих объекта к его сущностным отношениям, к его внутренней структуре и от поверхностных хаотических отношений исторического потока к глубинному механизму действительных исторических связей. В практике кон-

¹ Н. М. Страхов. Задачи и методы исторической геологии, М.—Л., 1932, стр. 43.

² М. М. Тетяев. Основы геотектоники, М.—Л., 1934, стр. 33.

кретного исследования эта задача чрезвычайно сложна, она оказалась непосильной даже для Гегеля.

Справедливо выступая против плоского, постыдного для разума эмпиризма, борясь за построение внутренней «схемы» исторического процесса, Гегель, в полном соответствии со своей общей идеалистической доктриной, сам впал в худший вид мертвящего все живое схематизма. Его концепция истории, отличавшаяся крайне произвольной и абстрактной конструкцией, не могла овладеть конкретным эмпирическим материалом, не могла объяснить его. Ведь по Гегелю между внешними, эмпирически данными фактами, событиями, относящимися к миру явлений, и сущностными, внутренними отношениями, относящимися к миру закономерностей, лежит непроходимая пропасть. Поэтому его попытки перейти от первых ко вторым и объяснить первые вторыми с самого начала были обречены на неудачу. Гегелевская философия истории, отмечает Ф. Энгельс, ставя вопрос о внутренних движущих силах исторического процесса, «...искала эти силы не в самой истории; напротив, она привносила их туда извне, из философской идеологии.

Так, например, вместо того чтобы объяснять историю древней Греции из ее собственной внутренней связи, Гегель просто-напросто объявляет, что эта история есть не что иное, как выработка «форм прекрасной индивидуальности», осуществление «художественного произведения» как такового. По этому случаю он делает много прекрасных и глубоких замечаний о древних греках, но тем не менее нас в настоящее время уже не удовлетворяют подобные объяснения, представляющие собой одни только фразы»¹.

Столь же неудачными оказались и другие попытки воспроизвести закономерный процесс развития человеческого общества (независимо от конкретной формы их проявления) — исторические концепции натуралистического типа (например, Гердер), «социально-психического» (например, Лампрехт), географического (например, Гельмольт) и т. д. Не случайно, характеризуя историческую науку до Маркса, Энгельс говорил об отсутствии в ней исторического взгляда на вещи².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 372—373.

² См. там же, стр. 355.

Качественно новый этап в развитии науки истории общества начинается тогда, когда она превращается из эмпирического описания фактов и исследования отдельных, частных сторон исторического процесса в форму раскрытия и воспроизведения закономерного процесса развития объекта в целом. Элементы такого подхода к обществу (или отдельным его сферам) мы встречаем у многих историков второй половины XIX века (Морган, Гизо и др.). Но подлинная революция в науке истории связана с творчеством К. Маркса и Ф. Энгельса.

Всесторонняя разработка материалистического понимания истории, подход к развитию общества как к «естественно-историческому процессу», открытие общественно-экономических формаций и закона смены одной формации другой, обоснование того положения, что со времени разложения родового строя вся история человечества была историей классовой борьбы и т. д., — все эти бессмертные идеи, составившие здание новой науки, **исторического материализма**, были выдвинуты классиками марксизма, и их одних уже было более чем достаточно, чтобы историческая наука встала, наконец, на подлинно научную основу. Но К. Маркс и Ф. Энгельс не ограничились этим. Они дали гениальные образцы применения принципов исторического материализма в практике конкретно-исторического исследования, они на деле показали, что и как должна исследовать наука история.

«Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», 8, 11, 12, 13, 24 главы I тома, 20, 47 и др. главы III тома «Капитала», «Теории прибавочной стоимости» К. Маркса, «Крестьянская война в Германии», «Развитие социализма от утопии к науке», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса — все эти работы, оставаясь произведениями историческими, принципиально отличались от того, что знала до сих пор историческая наука. За всей хронологией, за всеми эмпирическими фактами теперь вскрывалось самое главное, самое существенное — структура объекта (непосредственно не данные элементы и отношения, образующие эту структуру, их связи и изменения) и процессы развития этой структуры. Перечисленные работы К. Маркса и Ф. Энгельса (а к ним нужно прибавить также многие произведения В. И. Ленина, прежде всего «Развитие капитализма в России») —

это история. Но это такая история объекта, где и для всего объекта в целом, и для каждого фиксированного его состояния ясны его строение и закономерности функционирования и развития.

Исторические произведения классиков марксизма убедительно показали, что, подобно другим наукам новейшего времени, современная история имеет предметом своего рассмотрения объективные системы связей и призвана воспроизводить в мышлении исторические процессы развития своих объектов именно как органических систем¹.

Правда, характер воспроизводимого и воспроизведенного в мышлении объекта (системы) может быть весьма различным (даже в рамках изучения человеческого общества). Он может представлять собой простую систему (например, экономические отношения общества); научно воспроизвести историю такого объекта возможно, исходя из анализа только его самого, т. е. без исследования других систем и без решения вопроса о связи исследуемого объекта с другими. Это может быть зависимая система (например, область философии, литературы, искусства, религиозных отношений, не имеющих, по словам Маркса, самостоятельной истории, и т. д.); научное воспроизведение истории такого объекта предполагает уже исследование другой (или других) системы, от которой зависит исследуемая, и выяснение самого характера этой зависимости. Это может быть сложная (синтетическая) система (например, общество в целом, в рамках какой-либо формации или отдельной страны); научное воспроизведение истории такого объекта предполагает предварительное исследование истории множества частных (простых и зависимых) систем и решение проблемы структурной и исторической связи их друг с другом. Но во всех случаях современное научное воспроизведение истории объекта будет означать раскрытие закономерно-го процесса его развития как системы.

Что это значит? Подробный ответ на этот вопрос дается ниже, в ходе анализа логической проблематики

¹ К этому же выводу, хотя и другим путем, пришли и естественные науки, вставшие на путь исторического исследования своих объектов.

исторической науки. Здесь же в самом сжатом виде его можно сформулировать следующим образом.

Это значит, во-первых, что воспроизводится процесс развития системы, т. е. что исследователь, имеющий дело с объектом, характеризующимся сложным внутренним строением (его составляющими являются **элементы, связи** этих элементов и связи этих связей, **зависимости**), обязан воспроизвести этот объект не в отдельных его составляющих, а во всей совокупности структурных зависимостей между ними, т. е., как органическое, внутренне связанное и функционирующее целое. При этом, поскольку речь идет об историческом исследовании, такое строение объекта должно быть воспроизведено не однажды, не только, например, для его современного состояния, а многократно, для каждого фиксированного во времени состояния объекта.

Это значит, во-вторых, что воспроизводится процесс, т. е. что имеющий дело с составляющими объекта, расположенными последовательно во времени и внешне не связанными друг с другом, исследователь должен раскрыть и воспроизвести всю совокупность исторических связей между этими составляющими.

Это значит, в-третьих, что воспроизводится процесс развития объекта, т. е. что речь идет о раскрытии не просто любых изменений объекта, наблюдаемых во времени, а изменений качественных, изменений в структуре системы в целом.

Наконец, это значит, что воспроизводится закономерный процесс, т. е. что историк должен раскрыть и воспроизвести не только ряд качественно различных исторических состояний в жизни объекта, но и сами законы перехода от одного исторического состояния к другому историческому состоянию.

Таковы задачи, стоящие перед современной наукой истории. Таков предмет этой науки.

3. ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Вопрос о формах существования исторической науки — вопрос новый, связанный с успехами мышления за последние 100—150 лет. Издревле все разнообразие видов теоретического научного знания о мире перекрывалось двумя наиболее широкими формами строения нау-

ки — историей объекта и теорией объекта¹. При этом в качестве единственно возможной формы существования науки, занимающейся исследованием изменений объекта во времени, мыслилась, естественно, история. Само различие теории и истории первоначально возникло с целью подчеркнуть, что теория объекта есть нечто совсем иное, нежели его история. И у Шеллинга были все основания говорить об истории и теории как о «совершенно противоположных вещах», потому что на протяжении веков эти формы знания действительно **исключали** друг друга.

Выше мы уже говорили, что занятая исключительно описанием эмпирических явлений в хронологической последовательности историческая наука долгое время не подходила к исследованию строения своего объекта и законов его развития и вследствие этого не имела ни одного пункта соприкосновения с теорией.

Напротив, науки, развивавшиеся в форме теории, представляли собой такое исследование объекта, которое относилось только к одному (практически всегда непосредственно данному) его состоянию и которое предполагало полное отвлечение от исторических фактов и отношений в жизни данного объекта. Исследование фактов и отношений только сосуществования, исключающее изучение всякой временной последовательности, — таков был решающий принцип теоретического исследования. Он приводил к тому, что вычлененные путем анализа объекта разного рода «закономерности» и «сущности» были насквозь антиисторичными, полностью исключали даже подход к раскрытию закономерностей развития объекта. В новейшее время в буржуазной науке эта особенность так называемого теоретического подхода к изучению действительности получила даже преобладающее значение. Теперь главным отличием теории от истории стал уже не столько отказ от обращения к исторически данным фактам и отношениям (обилие накопленного наукой эмпирического материала по истории объекта властно заявляло о себе), сколько проведение антиисторической концепции в понимании объекта в целом (примером мо-

¹ Уже Аристотель очень четко отличал (и практически и теоретически) созданную им историю Афинского государства от своего же систематического изложения политического строя Афин.

гут служить многие представители структуралистской лингвистики).

Конечно, для теоретической формы существования науки были характерны отдельные попытки представить исследуемый объект в качестве исторически развившегося или развивающегося (А. Смит, Гегель и др.). Но они не меняли сути дела. Что касается Адама Смита, то, несмотря на гениальные местами находки, имеющиеся в его «Богатстве народов», решающей, определяющей характеристикой этого исследования является все же рассмотрение буржуазной экономической системы как данной от века, неподвижной, не имеющей истории¹. Такого же неисторического взгляда на вещи, коль скоро речь заходила об исследовании каких-либо конкретных объектов, не был чужд и Гегель. Природа у него, отмечал Ф. Энгельс, «...не способна к развитию во времени; она может лишь разворачивать свое многообразие в пространстве, и, таким образом, осужденная на вечное повторение одних и тех же процессов, она выставляет одновременно и одну рядом с другой все заключающиеся в ней ступени развития»². Таким образом, рассмотрение только одновременно данных форм и отношений объекта и неумение открыть за ними каких-либо закономерностей развития было и оставалось главной особенностью и отличительной чертой теоретической формы существования науки для рассматриваемого периода. Заинтересованность не в том, чтобы генетически развить различные формы действительности, а в том, чтобы путем анализа свести их к единству,— так охарактеризовал эту науку К. Маркс³.

Положение вещей существенным образом меняется, когда предметом исторического исследования становятся процессы развития объектов. Понимание и воспроизведение этого предмета прямо связано с раскрытием строения объекта, с выявлением и формулированием законов его деятельности, т. е. с решением тех задач, которые всегда считались уделом исключительно «теоретического» исследования. Поэтому в новое время мы являемся сви-

¹ См. К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I, раздел В; т. II, ч. I, раздел I.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 354—355.

³ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, Партиздат, т. III 1936, стр. 365.

детелями интереснейшего двустороннего процесса: с одной стороны, принципиально меняется историческая форма существования науки (она начинает включать в себя массу новых компонентов, переплетаясь с теорией), с другой стороны, возникает и разрабатывается специфически теоретическая форма воспроизведения развития объекта.

С этой новой формой существования исторической науки мы встречаемся у Ч. Дарвина и Ч. Ляйеля (в естествознании), у Дж. Рамзэя и Р. Джонса (в политэкономии). Но, разумеется, непревзойденным образцом нового типа исторического исследования является «Капитал» К. Маркса.

Уже при первом знакомстве с «Капиталом» сразу бросается в глаза, что он насыщен историческим материалом, что буржуазные производственные отношения рассматриваются в нем как отношения изменяющиеся, развивающиеся. Сразу же можно убедиться и в том, что Маркс не ограничивается одной лишь констатацией исторического характера экономических отношений, указанием на то, например, что товар, деньги, капитал существовали не всегда, что деньги появились позже товара, а капитал позже денег, что капитализм XIX века во многих своих формах отличается от капитализма эпохи его возникновения и т. д. Для Маркса важно детально проследить и воспроизвести сами процессы развития капиталистического базиса. Поэтому в «Капитале» мы встречаем блестящий анализ процесса превращения отношений непосредственного обмена в отношения обращения товаров и процесса изменения, развития этих последних в законы и отношения капитала, анализ процессов исторического развития форм и функций денег и методов производства относительной прибавочной стоимости, процессов образования капитала и капиталистической земельной ренты, процесса изменения величины рабочего дня в истории капиталистического производства и т. д.

Формулируя задачу своего исследования, К. Маркс говорил об «открытии экономического закона движения современного общества»¹. В общем и целом такая же задача стояла бы перед нами, если бы мы хотели исследовать развитие капиталистических производственных

¹ К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 8.

отношений и в форме истории, т. е., если бы мы взяли писать историю экономического базиса буржуазного общества. Но на этом основании никому не может прийти в голову назвать «Капитал» Маркса историей в узком смысле этого слова. В том-то и дело, что, воспроизводя исторические процессы развития объекта, т. е., решая задачу, которая до сих пор была неразрывно связана исключительно с исторической формой существования знания, К. Маркс делает это в иной форме, в форме теоретического анализа предмета. Имея в виду эту форму построения и существования исторической науки, В. И. Ленин определил ее как «историческую теорию»¹.

«Капитал» К. Маркса, как и «Богатство народов» А. Смита, как и «Начала политической экономии» Д. Рикардо — это теория. Но в отличие от Смита и Рикардо, даже в противоположность им — это такая теория, где сложнейшая система буржуазных экономических отношений предстает, как живая, в исторических связях и отношениях элементов и связей, ее слагающих, в процессах ее исторического развития, т. е., где система понята и воспроизведена как исторически возникшая, где, следовательно, воспроизведены и исторически предшествующие данному состоянию системы ее состояния и закономерности (процессы) их переходов одного в другое.

Впервые за все время существования науки «Капитал» К. Маркса убедительно доказал, что проведение исторического исследования возможно не только в имманентно присущей этому исследованию форме — форме истории объекта, но и в форме теории объекта. К. Маркс и Ф. Энгельс разработали и теоретическую сторону дела, указав на необходимость различения теоретической и исторической форм воспроизведения исторических процессов развития объекта. Известно деление Марксом (в первоначальном варианте) своего политикоэкономического труда на теорию (I—II тт.) и историю (III т.)². «Осталось еще написать, — указывал он, — три главы, чтобы закончить теоретическую часть (первые 3 книги). Затем еще нужно написать 4-ю книгу, историко-литературную; это ... наиболее легкая часть, так как все вопросы разрешены в первых трех книгах, а последняя является скорее

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 175.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале». Госполитиздат, 1948, стр. 59—60, 109.

повторением в исторической форме»¹. Буквально то же говорил Энгельс в своих предисловиях ко II и III томам «Капитала», отмечая, что III том работы Маркса является «окончанием ее теоретической части»² и что в «Теориях прибавочной стоимости» в исторической форме излагаются те же вопросы, которые были позднее решены Марксом «специально и в логической связи»³.

4. ГРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Характеризуя объект, предмет и формы существования исторической науки, мы постоянно подчеркивали, что говорим о современном, новейшем этапе науки истории, начавшемся немногим более века назад. Но значит ли это, что любое появившееся за последние столетия историческое исследование может быть охарактеризовано как современное? Значит ли это, в частности, что всякое новейшее исследование воспроизводит свой объект именно с точки зрения закономерных процессов его развития? Разумеется, нет.

Говоря о современном этапе развития науки, мы имеем в виду прежде всего передний край науки, т. е. тех ее представителей, которые далее всего продвинулись в понимании объекта и исследования которых приобретают значение образца. Хронология тут не при чем. Самым ярким олицетворением современного исторического знания являются работы К. Маркса, появившиеся столетия назад. И, напротив, мы должны решительным образом отказаться в праве называться современными бесчисленному количеству исторических сочинений, вышедших после смерти мыслителя и стоящих, в лучшем случае, на уровне истории древних. С этой точки зрения к современному этапу научного мышления никак не может быть отнесена и буржуазная историческая наука новейшего времени, т. е. эпохи зарождения и развития империализма. Ведь для нее характерно открытое провозглашение возврата к тому, по сути донаучному этапу науки истории, когда только фиксировались и описывались эмпирические

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 105—106.

² К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1951, стр. 1.

³ К. Маркс. Капитал, т. II. Госполитиздат, 1950, стр. 2.

факты и не делалось никаких попыток раскрыть какие-либо закономерности исторического процесса.

Верхом пошлости и архаизма следует признать учение неокантианцев, более других буржуазных философов занимавшихся методологией науки истории. Социальную ограниченность буржуазной историографии, ее нежелание и неспособность вести действительный анализ закономерностей общественного развития, ее невладение научными методами исследования философы этой школы выдавали за естественное положение вещей и чуть ли не за добродетель. «По логической сущности своей,— писал Риккерт,— историческая наука совсем и не хочет (!) обрабатывать действительность с точки зрения общего»¹.

Введенное неокантианцами различие индивидуализирующей и генерализирующей наук, хотя и выдавалось ими за различие наук по методу исследования, на деле скрывало за собой реакционнейшую идею противоположности естествознания и истории. В век, когда единство методологической структуры естественных и общественных наук стало фактом, эта идея умаляла значение науки истории, лишала ее права быть наукой. Крохоборствующий эмпиризм представителей так называемой «исторической школы» в политической экономии (Книс, Рошер, Гильдебранд, а позднее Риссер, Шульце-Геверниц и другие); антинаучные писания позитивистов Шмоллера и Ранке, считавших, что единственным назначением истории является устанавливать «wie es eigentlich gewesen ist», и занятых исключительно собиранием анекдотов и сведением «всех великих событий к мелочам и пустякам»²; полная неспособность воспроизвести закономерности исторического процесса Эд. Мейера, этого крупнейшего, по мнению буржуазной историографии, «мыслителя», признававшего с беспримерным самодовольством, что ему в «течение многолетних исторических исследований не удалось открыть ни одного исторического закона»³ — вот результат осуществления в конкретном научном исследовании принципов, сформулированных философией Г. Риккерта и В. Виндельбанда.

¹ Г. Риккерт. Философия истории. 1923, стр. 27.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 201.

³ Эд. Мейер. Теоретические и методологические вопросы истории, М., 1904, стр. 30.

Деятельность неокантианцев относится к концу XIX— началу XX веков. Но на этой же точке зрения, отрицающей научный характер исторического исследования, стоят и многие новейшие западные историки и философы. Утверждение полной противоположности методов исторического и естественнонаучного исследований, обоснование идеи уникальности исторических фактов и, в силу этого, полной невозможности их научного понимания и воспроизведения составляют основу философских построений В. Дильтея¹ и Р. Коллингвуда². Полнейшее отрицание детерминизма и необходимой связи исторических событий³, отрицание как возможности познания законов исторического развития⁴, так и существования этих объективных законов⁵ — таковы широко распространенные идеи исторической науки эпохи империализма⁶.

Никак нельзя назвать современным конкретно-исторические и теоретические исследования и тех западных историков и философов, которые, осознав полнейшую непригодность неокантианского различения «индивидуального» (сферой которого якобы ограничивается история) и «общего» (которым занимается наука — теоретическое естествознание), в то же время упорно не желают считаться с марксистским этапом развития науки истории, с диалектическим методом К. Маркса. Конституировав в работах многих новейших историков наличие опасного разрыва между исследованием отдельных событий, фактов и исследованием «законосообразных изменений», эти ученые уже начинают говорить о возможности (но пока только о возможности!) такого научного метода в историческом исследовании, при котором различные временные состояния объекта должны быть поняты как изменения в его структуре, как части процессов, в кото-

¹ W. Dilthey. *Gesammelte Schriften*. Leipzig. 1923—1927.

² R. W. Collingwood. *The Idea of History*. Oxford, 1951.

³ См., напр., сборник F. Aliquié, R. Aron, M. Ruber et autres. *L'Homme, le Monde, l'Histoire*. Paris, 1948.

⁴ См., напр., M. Ginsberg. *The Idea of Progress*. London, 1953.

⁵ См., напр., G. Renier. *History. Its Purpose and Method*. London, 1950.

⁶ Широкою картину философии истории эпохи империализма дает И. С. Кон в своей книге «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (Соцэкгиз, 1959).

рых выступают какие-то связи элементов структуры¹. Таким образом, и эти исследования отстали от времени почти на полтора столетия. Для них вопрос стоит все еще так, как он стоял в первой трети прошлого века. Между тем наука с тех пор ушла далеко вперед. В научном творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса, в ходе бурного развития исторического естествознания все эти проблемы современного исторического исследования были успешно решены.

Говоря о современном этапе развития науки, мы имеем в виду, далее, главные, определяющие черты в ее характеристике. В частности, когда речь идет о предмете науки и говорится, что современное историческое исследование призвано воспроизводить закономерные процессы развития систем связей, имеется в виду только главная, центральная задача сегодняшней науки истории.

Разумеется, эта задача не является единственной. Современные, в том числе и самые передовые исследователи-историки, выдвигая в качестве конечной цели своего исследования раскрытие закономерностей процесса развития объекта, должны решать в ходе исследования массу других, побочных задач, хотя и выглядящих архаическими, но необходимых с точки зрения достижения этой конечной цели.

В самом деле, если говорить об исследованиях в форме собственно истории, то в работе историка неизбежно должна сохраниться так называемая описательная задача — ведь чтобы воспроизвести объект в процессах его развития, необходимо прежде всего знать тот конкретно-эмпирический материал, который должен быть подвергнут исследованию². То же и в историческом исследова-

¹ См., например, К. Бокк. *The Acceptance of Histories*. Los Angeles, 1956; М. Т. Ходжен. *Change and History*. N.-Y., 1952; Ф. Дж. Теггарт. *Theory and Processes of History*. Cambridge, 1941 и особенно *The Social Sciences in historical Study. A Report to the Committee on Historiography*. N.-Y., 1954; *The Concept of Development*. University Minnesota Press, 1957.

² Академик Н. М. Страхов, говоря о необходимости раскрытия закономерностей исторического процесса развития Земли, подчеркивает, что решению этой задачи должна предшествовать задача *описательная*, заключающаяся в том, чтобы восстановить историко-геологический процесс таким, каков он был в прошлом (Н. М. Страхов. *Задачи и методы исторической геологии*, стр. 6).

нии, осуществляемом в форме исторической теории. В «Капитале» К. Маркса можно найти огромное количество случаев вневременного исследования отдельных элементов и связей системы¹. И это понятно, ведь «анализ является необходимой предпосылкой генетического изложения, понимания действительного процесса развития в его различных фазах»².

В условиях крайней сложности и многосторонности процесса исследования решение таких задач, прямо не связанных с воспроизведением процессов развития объектов, должно необходимо вырастать до целого этапа в работе исследователя. Так, в исследовании истории языка, «чтобы выяснить причины параллельного развития и причины расхождения между языками, необходимо прежде всего, понятно, установить самые факты совпадения и различия и правильно описать их... Для этого сравнительно-историческое изучение должно воспользоваться *сравнительно-описательным* или *сопоставительным* методом, с помощью которого научно описываются факты данного языка в сравнении с соответствующими фактами другого...»³. Так и в стратиграфии, науке, изучающей горные породы, с точки зрения их хронологической последовательности и географического распространения, «этап, неизменно предвещающий стратиграфические исследования, — познание этих пород как таковых, с содержащимися в них минералами и окаменелостями. Такое изучение до определенного предела может проводиться вне времени и пространства, так сказать, в коллекционных ящиках»¹.

¹ Например, исследование заработной платы. Для выяснения сущности капиталистической эксплуатации надо отвлечься от процесса исторического изменения заработной платы, принять ее за величину постоянную, неизменную. И Маркс видит большую заслугу метафизиков-физиократов, говоривших о минимуме заработной платы, определяемом самой природой, несмотря на то, что они впадали здесь в откровенный антиисторизм. «...Это обстоятельство, — писал Маркс, — нисколько не изменяет отвлеченной правильности их выводов». (Теории прибавочной стоимости, т. I. Партиздат, 1936, стр. 30). А позднее сам Маркс в «Капитале» — этом насквозь историческом произведении — говорил о *постоянной* заработной плате, прежде чем перейти к рассмотрению реального процесса ее изменения с целью выяснения развития степени эксплуатации труда в истории капитала.

² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 366.

³ А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства, Изд. МГУ, 1955, стр. 8.

Более того, в условиях существующего в сфере научной деятельности разделения труда решение этих задач может составлять единственный предмет исследования отдельных ученых и даже целых отраслей науки (источниковедение — по отношению к истории общества, астрометрия и астрофизика — по отношению к космогонии, морфография — к генетической морфологии, сравнительно-описательная грамматика — к исторической и т. д.).

Отсюда ясно, что когда мы связываем современную историческую науку только с воспроизведением развития объектов, мы делаем это не с целью зачеркнуть или умалить значение других задач, решаемых в ходе исторического исследования. Речь идет просто о формулировании главной, центральной идеи современного исторического исследования, определяющей лицо науки в целом и ставящей все другие задачи в положение или второстепенных, или подчиненных, зависимых. А то, что эти побочные задачи исторического исследования носят теперь именно такой подчиненный, зависимый характер, — очевидный факт. Ныне исследование исторического объекта уже не может остановиться на внешнем описании объекта и его вневременном анализе. С другой стороны, решение этих задач нигде не ведется сегодня в порядке самоцели, но уже с самого начала по исходной установке анализа подчинено другой задаче — воспроизведению (в форме истории или теории) закономерного процесса развития объекта как системы связей².

¹ М. Жинью. Стратиграфическая геология. ИЛ. 1952, стр. 11. В качестве анекдотического примера писаний о диалектике людей, мало в ней понимающих, можно привести примечание, сделанное к приведенным словам М. Жинью редактором книги: «Можно с уверенностью (!) утверждать, что в пределах Советского Союза давно не существует (!) петрографов и палеонтологов, изучающих материал «вне времени и пространства» в коллекционных ящиках, *хотя бы на предварительном этапе исследования*» (!! Там же. Подчеркнуто нами.— Б. Г.).

² Представляется уместным провести здесь аналогию с развитием экономических отношений капитализма. Как известно, в ходе этого развития возникновение промышленного капитала не привело к исчезновению таких допотопных его форм, как купеческий или ростовщический капиталы. Но если раньше эти формы были господствующими и определяли лицо системы, то теперь они оказались в положении второстепенных, зависимых форм. Поэтому новый, современный этап в развитии системы связывается уже не с этими фор-

5. ЗАДАЧИ ЛОГИКИ

Как правило, представители конкретных наук, в частности истории (в том числе и самые выдающиеся среди них), ставя перед собой задачу исследовать тот или иной объект, очень редко фиксируют свое внимание на логическом анализе структуры и аппарата собственного процесса мышления. Работая орудиями исследования, они меньше всего заняты исследованием орудий своей работы. И как раз в этом находит выражение тот факт традиционного разделения труда в сфере теоретической деятельности, который «оправдывает» существование и необходимость науки логики. Именно задача этой последней — выделить в чистом виде «орудия» теоретического мышления — логические приемы и способы исследования, с помощью которых наука постигает закономерности объективного мира и воспроизводит их в мышлении. Именно задача науки логики — отточить эти «орудия», придать им форму всеобщности (разумеется, в известных границах), вооружить ими массы исследователей в сфере конкретного знания.

Таковы, в общем и целом, задачи логики и применительно к современному историческому знанию. Но, понятно, здесь требуется определенная конкретизация.

Как уже отмечалось, в советской философской и логической науке изучение проблем логики исторического исследования почти не ведется. Когда же исследователи все же обращаются к этой проблематике, в подавляющем большинстве случаев все дело сводится у них к так называемой проблеме «логического и исторического».

Безусловно, проблема логического и исторического, впервые широко поставленная Гегелем и решенная Марксом, имеет огромное философское и методологическое значение и должна всесторонне исследоваться. Но вместе с тем очевидно, что она не совпадает ни по своему объему, ни по своему содержанию со сферой философии, именуемой «логика исторического исследования». С одной стороны, далеко не все аспекты пер-

мами, хотя они и продолжают существовать, но с формой промышленного капитала — той главной силы, которая изменила и преобразовала всю систему (См. К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 345—346).

вой проблемы имеют отношение к раскрытию логической структуры современной исторической науки. С другой стороны, проблемы логики исторического исследования включают в себя множество вопросов, никак не затрагиваемых проблемой логического и исторического.

В самом деле. В марксистской философии проблема логического и исторического распадается, по крайней мере, на две различные проблемы и, следовательно, может быть рассматриваема двояким образом: как проблема отношения последовательности данного научного исследования объекта (движения исследования) к истории научного познания этого объекта (наука — история науки) и как проблема отношения последовательности данного научного исследования объекта к объективно-историческому процессу развития этого объекта (наука — история объекта). В первом случае проблема логического и исторического может быть исследована на материале любой науки, имеющей хотя сколько-нибудь длительную историю своего развития. Во втором случае эта проблема может быть исследована на материале наук, которые, имея дело с исторически развивающимся сложным целым, делают предметом своего рассмотрения сами эти исторические процессы его развития. Очевидно, к интересующей нас проблематике может иметь отношение только второй аспект проблемы логического и исторического. Что же касается первого, то поскольку там речь идет не о логике истории, но об истории логики — он должен целиком выпасть из поля нашего зрения.

То же нужно сказать и о содержании перекрещивающихся проблем. В большинстве работ, касающихся проблемы логического и исторического, говорится, что сущность этой проблемы состоит в выяснении отношения последовательности категорий в научном анализе к временной последовательности явлений, отражаемых этими категориями, в объективной действительности; исследование проблемы — в рассмотрении всевозможных случаев, когда логическое совпадает с историческим и когда оно не совпадает с ним; наконец, решение проблемы — в утверждении: «логическое в общем и целом отражает историческое» (принцип единства логического и исторического). И уже отсюда можно видеть, что проблема логического и исторического, по крайней мере в ее традиционном понимании, не исчерпывает всей или даже

большей части проблематики, связанной с выявлением логической структуры современного исторического исследования.

Во-первых, проблема отношения последовательности категорий в анализе объекта к последовательности явлений в развитии самого объекта, понятно, имеет смысл только применительно к исследованиям, осуществляемым в форме исторической теории (типа «Капитала» Маркса). Бессмысленно ставить вопрос об отношении логического и исторического для собственно исторической формы исследования (типа «Классовой борьбы во Франции» К. Маркса)¹. Между тем последняя форма является господствующей в исследовании процессов развития объекта, и поэтому анализ ее логической структуры должен занимать центральное место в общей проблематике логики исторического исследования.

Во-вторых, хотя единство логического и исторического и является важнейшей закономерностью теоретического воспроизведения развития объекта, однако сама эта закономерность больше относится к структуре уже готового знания о развитии и очень мало говорит о самом процессе познания, направленном на воспроизведение развития объекта. Иначе говоря, проблема логического и исторического не включает в себе вопроса о приемах и способах воспроизведения процессов развития. Между тем этот вопрос является центральным с точки зрения конкретного исследования.

Правда, иногда исследователи проблемы логического и исторического пытаются рассмотреть принцип единства логического и исторического в качестве закономерности самого процесса анализа. Тогда они единственным приемом исторического исследования объявляют «следование» мышления за развитием объекта². Но такой подход к делу является результатом определенных иллюзий исследования и свидетельствует о полном непонимании действительных закономерностей научного мышления.

¹ Здесь действительно нет такой проблемы, поскольку сама форма исследования предполагает *совпадение* — и не «в общем и целом», а *полное* — последовательности категорий в анализе с последовательностью объективных явлений, отражаемых этими категориями.

² См., напр., В. И. Мальцев. Диалектический материализм и вопросы логики. Автореферат диссертации, М. (МГУ), 1953.

При чтении «Капитала» *post festum*, то есть после того как исследование уже проделано и процессы развития объекта уже воспроизведены, теоретическое мышление, воспроизводящее эти процессы развития, на самом деле представляется простым следованием «за» конкретно-эмпирической историей объекта. Оказывается невозможным усмотреть какую-либо разницу даже в таких движениях исследования, как «товар → деньги» и «узурпация феодалами общинных земель в XV веке → реформация и расхищение церковных земель в XVI веке». Это происходит потому, что всякое различие приемов исследования, с помощью которых воспроизводятся эти различные процессы развития объекта, стирается, делается незаметным, исчезает в результате, в итоге.

Конечно, в «Капитале» мы находим и простое следование за эмпирической историей объекта, описание этой истории (например, исследование изменения величины рабочего дня в истории капиталистического способа производства¹). Но, с другой стороны, там, где у Маркса речь идет о процессах развития, они воспроизводятся им с помощью каких угодно приемов, но только не путем простого следования «за» историей объекта.

Вот, например, процесс развития производства относительной прибавочной стоимости, где теоретическое мышление совершает движение: «простая кооперация → разделение труда и мануфактура → машины и крупная промышленность»². Ход исследования здесь в общем и целом отражает последовательные исторические ступени в развитии капиталистического способа производства. Но само раскрытие процесса развития достигается тут отнюдь не этим следованием за историей. Чтобы воспроизвести процесс развития методов производства относительной прибавочной стоимости, необходимо не только выделить и проанализировать (каждый в отдельности) такие исторические этапы, как «капиталистическая мануфактура» и «крупная промышленность», но и исследовать историческую связь между ними. При этом крупная промышленность не может быть выведена исследователем из мануфактуры без анализа сущности этой последней,

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, гл. VIII, §§ 5—7.

² Там же, гл. XI—XIII.

и, вместе с тем, этот процесс развития не может быть понят без выявления в развитой системе машин тех уже достигших высокой степени зрелости элементов, которые выросли и развились из предшествующих, малоразвитых и потому малопонятных форм.

Это несовпадение приемов научного воспроизведения процессов развития объекта с простым следованием «за» историей объекта особенно ярко видно тогда, когда эмпирически данная последовательность явлений оказывается отличной, даже противоположной действительной, глубинной последовательности процесса развития. Примером здесь может быть воспроизведение Марксом процесса возникновения капиталистической земельной ренты, когда мышление совершает движение «промышленный капитал → земельная рента».

Известно, что земельная рента появляется еще на докапиталистической стадии развития земледелия. Но капиталистическая земельная рента есть продукт, результат капиталистического способа производства; она и по происхождению, и исторически вторична в сравнении с промышленным капиталом. Это неоднократно подчеркивал сам К. Маркс. «Рассматриваемая нами форма земельной собственности, — писал он, — есть специфически историческая форма ее, превращенная воздействием капитала и капиталистического способа производства форма либо феодальной земельной собственности, либо мелкокрестьянского земледелия...»¹. И еще: «Переход от капитала к земельной собственности есть вместе с тем исторический переход, так как современная форма земельной собственности есть продукт воздействия капитала на феодальную и т. д. земельную собственность»².

Но в эмпирической истории мы видим совершенно обратный процесс, так как земледелие — первоначальная форма производства в сравнении с промышленностью. Другое дело, что такая последовательность явлений не характеризует уже капиталистический способ производства, выходит далеко за его пределы. Но ведь капиталистическая формация не отделена в своей истории резкой чертой от формации, ей предшествующей, и на земельной ренте, данной до анализа, нет этикетки: «капиталистическая», «феодальная» и т. д.

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 627.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 66.

Что бы получилось, если бы исследователь ограничился в анализе процесса возникновения капиталистической земельной ренты одним лишь обращением к эмпирической истории и последовал бы за нею? Не найдя на поверхности процесса движения «капитал → земельная рента», он пошел бы по заведомо ложному пути и не достиг поставленной цели. В лучшем случае, различив как-то капиталистическую и феодальную формы ренты, он постарался бы представить процесс возникновения первой как результат прямого развития второй. Но этот процесс также не имел бы ничего общего с действительным.

На примере с анализом ренты отчетливо видно, что наблюдаемое в истории чередование явлений подчас идет порядком не только отличным, но даже обратным их действительному, скрытому от глаз исследователя движению. И если Маркс все же воспроизводит в данном случае развитие буржуазных экономических отношений, то это делается им не путем простого следования «за» историей объекта (оно привело бы здесь к явной ошибке), но с помощью определенных приемов исследования: выяснения отношения капитала и земельной ренты, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, и анализа процесса подчинения капиталом феодальных форм земельной ренты и их преобразования в ренту капиталистическую¹.

Для доказательства нашей мысли можно привести еще бесконечное множество примеров. Но дело, разумеется, не в них. Дело в принципе. А этот принцип таков, что скольжение по объекту, его описание никогда не может заменить действительного научного анализа объекта. В частности, никогда никакое, пусть даже самое внимательное и скрупулезное следование за эмпирической историей объекта само по себе не может раскрыть ни одного, даже самого элементарного процесса развития. Достижение этой цели обеспечивается анализом структуры объекта, его исторических состояний, связей между этими состояниями и так далее, т. е. сложной совокупностью приемов исследования, имеющих свою, строго определенную логическую структуру.

¹ См. К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 221.

Задача логики как раз состоит в том, чтобы обнаружить все многообразие этих приемов исторического исследования, раскрыть их логический механизм. Логика решает эту задачу, рассматривая процессы мышления в том их виде, как они протекают в рамках того или иного конкретного исследования. Анализируя результат процесса исследования (полученная ученым картина объекта или его части, стороны) и его исходные составляющие, логика восстанавливает, реконструирует сам процесс исследования, лежащий между началом и результатом, воспроизводит его закономерности, те формы мышления, которые осуществили превращение исходных знаний об объекте в знания-результат.

Объективные процессы развития, с которыми имеет дело исследователь-историк, отличаются большим разнообразием форм и видов. В соответствии с этим столь же многообразны по своей логической структуре и те приемы исследования, которые направлены на анализ этих процессов развития и которые обеспечивают их воспроизведение в мышлении. Разумеется, в круг вопросов, рассматриваемых логикой исторического исследования, должны входить все формы, приемы исследования, стоящие на вооружении у современного исторического знания. Но, с другой стороны, было бы ошибкой считать, что логика должна описать эти приемы исследования только сами по себе, вне их связи друг с другом, что она должна изобразить историческое знание как набор таких разрозненных приемов.

Задача логики исторического исследования — воспроизвести логическую структуру процесса исторического исследования в целом, в совокупности всех его составляющих сторон. Как решается эта задача? Какие генеральные направления должны быть выбраны для синтеза? Что должно играть роль стержня, объединяющего части в целое? Для ответа на эти вопросы нам нужно снова вернуться к формам существования современной исторической науки. За различием выделенных нами двух форм скрывается различие двух способов, методов воспроизведения процессов развития системы в целом — способа, с помощью которого развитие системы воспроизводится в форме теории системы, и способа, с помощью которого развитие системы воспроизводится в форме истории системы. Логика должна исследо-

вать общие и специфические закономерности этих способов исследования. Но главное — она должна воспроизвести логическую структуру этих способов исследования (каждого в отдельности) как целостных систем, организмов, объединяющих в себе множество приемов исследования, направленных к единой цели. Именно тут находится средоточие всех проблем логики исторического исследования. Именно к этому пункту должно быть приковано внимание исследователей¹.

Правда, если иметь в виду настоящие «Очерки», то на данном этапе анализа воспроизведение логической структуры способов построения исторической науки в качестве целостных органических систем оказалось делом преждевременным. Речь могла идти только о введении некоторых основных понятий, необходимых для достижения конечной цели, прежде всего, об общей характеристике логических закономерностей мышления, направленного на воспроизведение процессов развития объекта. Что же касается самих способов исследования — их структуры и важнейших специфических особенностей, — то они очерчены только в их самом общем виде в заключительной части работы.

¹ Необходимо отметить, что в последние годы логические проблемы исследования исторических систем связей привлекают все большее внимание советских философов и логиков, особенно из молодежи. Здесь можно сослаться на работы И. Кона, М. Мамардашвили, Г. Щедровицкого и др.

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ

Важнейшее, центральное понятие современной исторической науки — понятие процесса развития объекта — является, по-видимому, и самым трудным с точки зрения его логического определения. Не случайно формулировки, приводимые обычно в учебниках и философских словарях, являются, как правило, чисто описательными и не содержат указания на основное: структуру, механизм процесса. Но дело, разумеется, не в дефинициях. Главное — содержание понятия. И если исследователи часто ограничиваются в его характеристике лишь самыми общими и поверхностными рассуждениями, то это, между прочим, проистекает из того, что о процессе развития считается возможным говорить, не исследовав ни одного конкретного типа действительного развития объекта. Между тем такое исследование является непременным условием научного анализа.

1. ТИПЫ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Известно, что всякая объективная система включает в себя элементы, связи, зависимости. И уже одно только это обстоятельство дает основание заключить, что в объективной действительности, даже в рамках одной системы, мы встречаемся со множеством форм, типов процессов развития, отличающихся друг от друга по своей структуре: очевидно, одно дело — элементарные процессы, т. е. процессы развития отдельных составляющих системы (элементов, связей), другое — процессы разви-

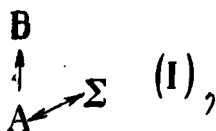
тия сложной зависимости внутри системы или системы в целом; точно так же, по-видимому, одно дело — процессы развития элемента системы, другое — процессы развития связи. Обращение к любому конкретному историческому исследованию объекта, например, к экономическим работам К. Маркса полностью подтверждает этот вывод.

Рассмотрим здесь некоторые типы элементарных процессов развития (о типах «неэлементарных» процессов — развитие системы в целом — с точки зрения логики говорить бессмысленно, так как эти процессы представляют собой сложные переплетения, зависимости элементарных процессов).

а) *Процессы возникновения элемента.*

В качестве одного из примеров таких процессов можно привести исследуемый К. Марксом процесс возникновения машины как элемента развитого капиталистического производства. Если опустить вопрос об условиях процесса, то содержание его сводится к тому, что «...средство труда из орудия превращается в машину»¹. Это значит, что существует «старый» элемент системы, характеризующий предшествующее ее состояние, — ремесленное орудие труда (*A*), и в ходе развития системы в целом он превращается в другой, «новый» элемент системы, характеризующий последующее ее состояние, — машину (*B*); причем механизм процесса состоит именно в превращении одного элемента в другой. Маркс подчеркивает: «Орудие... не вытесняется машиной. Из карликового орудия человеческого организма оно вырастает по размерам и количеству в орудие созданного человеком механизма»².

Схематически процесс превращения элемента можно изобразить как

где Σ — совокупность известных условий (изменений в структуре системы в целом), приведших к превращению

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 337 (разрядка наша.— Б. Г.):

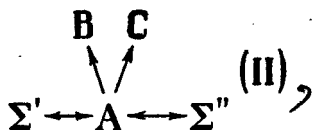
² Там же, стр. 393.

A в B^1 , знак \uparrow — знак развития, а знак \leftrightarrow — знак исторического взаимодействия.

С другим типом процесса возникновения элемента мы сталкиваемся в случае **дифференциации элемента**.

Лингвисты, говоря о дифференциации, характеризуют этот процесс таким образом: исходный пункт процесса — какой-либо элемент языка²; условия процесса — различие условий, в которые поставлен этот исходный элемент; результат процесса — два различных элемента двух родственных языков (или двух разошедшихся диалектов одного и того же языка)³. В сущности, такое же содержание вкладывается в понятие дивергенции (расхождение признаков) и биологами: развитие какой-либо биологической формы под влиянием различных условий, в которые она поставлена, в две различные биологические формы⁴.

В общем виде процесс дифференциации элемента может быть изображен как

где Σ' и Σ'' — совокупности тех различных исторических условий, которые, влияя на A , видоизменяют его в одном случае в B , в другом — в C . Нетрудно видеть, что этот процесс отличается по своему типу от рассмотренного выше: вместо превращения одного элемента в другой

¹ Σ указывает в схеме на то, что процесс развития орудия труда в машину не является процессом имманентным, процессом саморазвития, идущим при неизменных условиях, т. е., что для превращения A в B требуется целый ряд экономических и общественных условий. С другой стороны, для понимания содержания процесса возникновения B вовсе не важно знать, что собой конкретно представляют эти условия, каков конкретный механизм их связи с A . Достаточно лишь одной их фиксации как факта.

² О процессе дифференциации можно говорить применительно не только к элементам, но и к более сложным составляющим языка, а также к системе языка в целом.

³ См., например, А. С. Ч и к о б а в а. Введение в языкознание, § 26.

⁴ См., например, Ч. Д а р в и н. Происхождение видов, гл. V.

здесь мы имеем превращение одного элемента в два (или несколько).

б) Процессы возникновения связи.

К числу процессов такого рода должен быть отнесен, например, процесс развития товара в деньги, или, как Маркс именует его в общем виде, **процесс раздвоения и обособления сторон единого целого**. Классическая характеристика этого процесса содержится в «Критике политической экономии» и «Капитале». Вот как описывает его Маркс.

Всякий товар, — пишет он, — представляется с двойной точки зрения: как потребительная стоимость (предмет человеческих потребностей, средство существования) и как меновая стоимость (определенное экономическое отношение)¹. Как товар он есть «непосредственное единство» этих сторон². Для товара быть потребительной стоимостью значит быть меновой стоимостью и, наоборот, быть меновой стоимостью значит быть потребительной стоимостью.

Всякий товар является таковым «только в отношении к другим товарам»³, или, иначе говоря, всякий товар представляет собой отношение. Но это отношение таково, что стороны товара в самом отношении не только предполагают, но и исключают друг друга. В товарном отношении для товара быть потребительной стоимостью (для своего невладельца) значит не быть (для него) меновой стоимостью, и, наоборот, быть меновой стоимостью (для своего владельца) значит не быть (для него) потребительной стоимостью (Маркс говорит: быть непотребительной стоимостью). С другой стороны, в том же отношении товар, чтобы стать потребительной стоимостью, должен обладать уже определенностью средства обмена, и, наоборот, чтобы выступить в качестве средства обмена, должен являться уже потребительной стоимостью⁴. К. Маркс говорит по этому поводу: «...здесь представляется не только ложный круг проблем, поскольку разрешение одной из них уже предполагает разрешение другой, но и совокупность противоречивых требований, поскольку выполнение одного условия непосредствен-

¹ См. К. Маркс. Критика политической экономии, стр. 11.

² См. там же, стр. 28.

³ Там же.

⁴ См. там же, стр. 28—29.

но связано с выполнением другого, ему противоположного»¹.

Развертыванием и разрешением этих противоречий является сам процесс обмена товаров². Первоначальная форма его — непосредственная меновая торговля ($T-T$). Здесь товар еще не получает никакой формы стоимости, независимой от его собственной потребительной стоимости, или от индивидуальных потребностей обменивающихся лиц. Иначе говоря: меновая стоимость не получает еще самостоятельной формы, она еще непосредственно связана с потребительной стоимостью. Постепенное расширение меновой торговли, увеличение числа актов обмена и разнообразия входящих в меновую торговлю товаров развивает товар как меновую стоимость, необходимо требует образования денег³. «Появляющаяся на известной ступени развития процесса обмена необходимость полярного разделения назначений меновой стоимости и потребительной стоимости между товарами, — говорит К. Маркс, — так что один товар, например, фигурирует как средство обмена, в то время как другой отчуждается как потребительная стоимость, — эта необходимость приводит к тому, что один или даже несколько товаров, обладающих наиболее всеобщей потребительной стоимостью, ...играют роль денег»⁴. Непосредственная меновая торговля сменяется процессом товарного обращения. Простейшим актом последнего является уже не $T-T$, но товар — деньги ($T-D$).

Для правильного понимания происходящего здесь процесса развития очень важно подчеркнуть, что товар в акте $T-T$ и товар в акте $T-D$ — это совершенно разные вещи, между которыми лежит большая историческая полоса. Если в процессе меновой торговли каждый товар (будем обозначать его T') выступает как непосредственное единство потребительной стоимости и меновой стоимости, то в процессе товарного обращения он (T) является непосредственным носителем уже исключительно потребительной стоимости; в качестве обособившейся второй стороны прежнего товара фигурирует теперь осо-

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 31.

² См. там же.

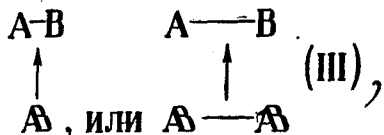
³ См. там же, стр. 38—39.

⁴ Там же, стр. 37.

бый товар — деньги, представляющие собой воплощение меновой стоимости.

Таким образом, в процессе развития непосредственной меновой торговли в товарное обращение мы имеем, собственно, не простое превращение товара в деньги, но раздвоение товара на две его противоположные формы — товар и деньги¹ или «раздвоение товара на товар и золото»². Маркс так и обозначает сущность рассматриваемого процесса. «...Противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, — пишет он, — разделяется полярным образом между обоими членами $T—D$, так что товар противостоит золоту как потребительная стоимость..., между тем как золото противостоит товару как меновая стоимость...»³. И еще: «Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этой противоположности ведет к возникновению самостоятельной формы товарной стоимости и не дает покоя до тех пор, пока задача эта не решается окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги»⁴.

Схематически этот процесс развития может быть изображен как

где знак — показывает, что обособившиеся элементы системы не изолированы друг от друга, но находятся в отношении или что результатом процесса раздвоения и обособления сторон является связь обособившихся элементов (в отличие, например, от процесса дифференциации элемента»⁵.

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 119.

² Там же, стр. 82.

³ Там же, стр. 81—82 (разрядка наша.— Б. Г.).

⁴ Маркс. Капитал, т. I, стр. 94 (разрядка наша.— Б. Г.).

⁵ На схеме отсутствует указатель Σ , и это не случайно. Процесс возникновения денег из товара является как раз классическим типом процесса имманентного, при котором «высшее» (D), развива-

С другим типом процесса возникновения связи мы сталкиваемся в случае **функционального преобразования элемента**. Примером его может быть процесс возникновения капитала (капитальной функции денег), исследованный К. Марксом в IV главе I тома его гениального труда.

Как известно, капитал представляет собой самовозрастающую стоимость, принимающую в своем движении поочередно форму то денег, то товара, является самим процессом движения этой стоимости, процессом ее самовозрастания и — как таковой — связью, определенной связью, элементы которой — товар и деньги. Взятые сами по себе, вне этого процесса, вне этой связи, отдельные формы проявления капитальной стоимости являются только товаром или только деньгами, но никак не капиталом. Точно так же не являются актами капитала и каждое из его составляющих отношений $D-T$ и $T-D'$; взятые сами по себе, они являются типичными отношениями товарного обращения. Что делает все эти формы и отношения формами проявления и актами капитала, так это именно их определенная роль в процессе движения капитала, их определенная связь друг с другом.

С другой стороны, капитал как определенная связь товара и денег, как определенная связь отношений $D-T$ и $T-D'$ не может быть объяснен в своем возникновении только из его составляющих, т. е. только из товарно-денежного обращения с его принципом эквивалентного обмена. Исторические условия существования капитала, — пишет Маркс, — «...отнюдь не исчерпываются наличием товарного и денежного обращения. Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в роли продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условие несет в себе целую мировую историю»¹. Иначе говоря, деньги развиваются в капитал в связи с историческим изменением, происходящим в товаре, приобретаемом за деньги, а именно: в связи с появлением товара особого рода — рабочей силы.

ясь из «низшего» (T), не требует для своего возникновения никаких дополнительных условий сверх тех, которые являются условиями существования «низшего» составляющего системы.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 176.

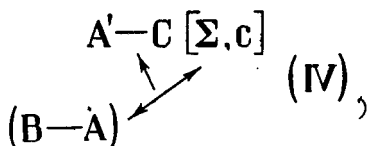
Выражая сущность объективного механизма возникновения капитала, Маркс пишет следующее: «Деньги могут быть израсходованы в такой форме (в форме капитала. — Б. Г.) лишь потому, что рабочая сила находится в состоянии отделения от средств производства... Капиталистическое отношение проявляется в процессе производства лишь потому, что оно уже существует само по себе в акте обращения, в различии тех основных экономических условий, при которых противостоят друг другу продавец и покупатель, в их классовом отношении. Это отношение вытекает не из природы денег; напротив, лишь существование этого отношения может превратить простую функцию денег в функцию капитала»¹.

Таким образом, существует старый элемент системы — деньги; появляются новые связи, отношения и элементы системы — собственность капиталиста на средства производства, отсутствие такой собственности у рабочего, рабочая сила как товар и т. д.; старый элемент системы, вступая в связь с ее новыми связями и элементами или будучи поставлен в систему этих новых связей и элементов, дает качественно новые связи в сравнении с теми, в которые он вступал до сих пор; последнее выражается внешне в приобретении старым элементом нового качества или новой функции — таков процесс возникновения капитала. Взятый с точки зрения таких его элементов, как наемный труд, этот процесс заключается, следовательно, в появлении новых связей и элементов системы; взятый с точки зрения такого его элемента, как деньги, — в функциональном преобразовании старого элемента системы, в появлении у него нового качества, новой функции; взятый с точки зрения и тех и других в целом — в образовании новой связи между старым элементом системы, поставленным в систему новых связей и элементов, и самими этими связями и элементами².

¹ К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 27—28.

² Очень важно подчеркнуть, что сущность рассматриваемого процесса состоит не просто в приобретении старым элементом нового качества — это самая поверхностная, бросающаяся в глаза определенность процесса, но в образовании *новой связи* этого старого элемента, отличной от всех тех исторически предшествующих его связей, в которые он входил в качестве члена.

Такой же, в сущности, процесс развития мы имеем и в случае изменения исторической формы собирания сокровищ. Механизм процесса тут тот же¹. Схематически его можно изобразить как .

где A — старый элемент системы, относящийся к исторически предшествующему ее состоянию (в примере с возникновением капитала — деньги), $A - B$ — старая связь этого элемента (деньги — товар), придающая ему известные функциональные характеристики (деньги как средство обращения, средство платежа и т. д.); Σ — совокупность исторических условий, характеризующих новое, позднейшее состояние системы и приводящих к появлению элемента C (товар «рабочая сила»), который образует новую связь со старым элементом A и тем самым функционально преобразует его, придает ему качественно новую функциональную характеристику (A' — деньги как форма капитальной стоимости)².

в) *Процессы преобразования связи.*

От процессов возникновения связей (появление новых связей внутри системы) следует отличать процессы изменения уже существующих связей. Типичным примером последних является анализируемое Марксом изменение связи «рабочий — капиталист» при переходе капиталистической системы от одного ее состояния (мануфактура) к другому (машинная промышленность).

Отношение между капиталистом как покупателем и рабочим как продавцом рабочей силы, совпадая с самой

¹ См. К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 122—152; К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 136—152.

² Важно подчеркнуть, что (как и при характеристике предыдущих процессов развития) в случае процесса функционального преобразования элемента нам совершенно неважно, как конкретно возникает Σ , в частности C . Процесс возникновения этих связей и элементов — самостоятельная вещь, не имеющая непосредственного отношения к пониманию механизма возникновения A' . Поэтому на схеме мы ограничиваемся лишь простой констатацией существования Σ и C , относящихся к новому, исторически позднейшему состоянию системы.

сущностью капиталистической системы, неизменно присутствует на всех этапах ее развития. Но содержание и форма этого отношения по мере развития системы в целом претерпевают изменения. В условиях исторически предшествующего состояния капиталистического способа производства — мануфактуры — связь «рабочий — капиталист» выступает как отношение видимого договора между свободными лицами. «На базисе товарного обмена, — пишет Маркс, — предполагалось прежде всего, что капиталист и рабочий противостоят друг другу как свободные личности, как независимые товаровладельцы: один — как владелец денег и средств производства, другой — как владелец рабочей силы»¹. В совершенно иной исторически специфической форме эта связь выступает в системе крупной машинной промышленности. Здесь она выглядит как связь между капиталистом, покупающим труд незрелых или полузрелых людей (детский труд), и рабочим — работником, продающим труд не только свой собственный, но и жены, и детей.

Понятно, что по своему содержанию процесс преобразования связи существенно отличается от рассмотренных в предыдущем пункте, в частности от процесса функционального преобразования элемента. Там речь шла о возникновении принципиально новой, ранее не существовавшей связи системы. Здесь — об изменении, преобразовании уже существовавшей, старой связи. Отношение «рабочий — капиталист» (обозначим его $A-B$) присуще обоим рассматриваемым историческим состояниям системы, и хотя внутри каждого из этих состояний оно имеет разное содержание и поэтому различается исследователем, это обстоятельство несколько не меняет того факта, что элементы, составляющие отношение, в обоих случаях одни и те же — A и B .

Чем же с логической точки зрения различаются связи $A-B$, относящиеся к двум историческим состояниям системы? Различными функциональными характеристиками элементов A и B . Как в условиях мануфактуры, так и при крупной промышленности связь «рабочий — капиталист» существует не как изолированная, но как входящая в систему других связей и зависимостей. И именно взаимо-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 402.

действие с ними определяет содержание связи $A—B$ для каждого исторического состояния системы. -

Преобразование формы связи при переходе системы от мануфактуры к развитому машинному производству вызывается тем, что внутри системы появляются новые элементы и новые отношения, которые, взаимодействуя с $A—B$, изменяют ее в $A'—B'$. Рабочий становится работником, т. е. выступает в новой для себя функции только в связи с появлением женского и детского труда. Возникновение же этих последних прямо связано с машиной. Выражая сущность исторического процесса возникновения $A'—B'$, Маркс писал о «вызванной машиной революции в юридическом отношении между покупателем и продавцом рабочей силы, лишившей всю эту сделку даже видимости договора между свободными лицами»¹, о том, что «машины революционизируют до основания формальное выражение капиталистического отношения, договор между рабочим и капиталистом»².

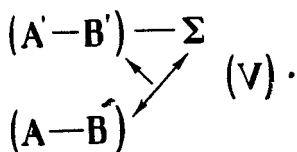
Таким образом, существует старая связь системы — капиталистическое отношение купли-продажи рабочей силы ($A—B$); возникают новые элементы и связи системы, преобразующие всю систему, т. е. приводящие к новому ее состоянию, — машина; новые элементы и связи системы, вступая во взаимодействие со старой связью системы, преобразуют ее в качественно новую по содержанию связь; последнее выражается внешне в приобретении нового качества (новой функции) обоими старыми элементами системы, образующими эту старую связь, — таков процесс возникновения отношения «рабочий — капиталист» в системе крупной машинной промышленности. Взятый с точки зрения такого его элемента, как машина, этот процесс заключается, следовательно, в появлении новых составляющих системы, взятый с точки зрения таких его элементов, как рабочий и капиталист, в видимой неизменности старых элементов системы и в действительном появлении у них новых функций, взятый с точки зрения и тех и других, в целом — в возникновении новой формы связи старых элементов системы, поставленных в ее новое состояние.

Схематически этот процесс развития можно изобразить

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 403.

² Там же, стр. 402.

как

г) Значительно более сложным по своей структуре является процесс подчинения и преобразования связи системой, он включает в себя как возникновение новой связи внутри системы, так и преобразование старой связи. Классическое описание этого процесса мы находим у Маркса, когда он анализирует образование в пределах капиталистического способа производства таких форм капитала, как товарно-торговый и приносящий процент.

«Коммерческая форма и форма, приносящая проценты, — пишет К. Маркс, — старше формы капиталистического производства, промышленного капитала, который является основной формой капиталистических отношений, господствующих в буржуазном обществе, — по отношению к которой все другие формы являются лишь производными или второстепенными — производными, как капитал, приносящий проценты; второстепенными, как капитал в особой функции (которая принадлежит его процессу обращения), как коммерческий капитал — поэтому промышленный капитал в процессе своего возникновения должен еще подчинить себе эти формы, преобразовать их в производные или особые свои функции. Эти более старые формы он застаёт в эпоху своего возникновения и своего образования. Он застаёт их как предпосылки, но не как установленные им предпосылки, не как формы его собственного жизненного процесса... Когда капиталистическое производство развито во всех своих формах и является господствующим способом производства, то капитал, приносящий проценты, подчинен промышленному капиталу, и коммерческий капитал представляет лишь вытекающую из процесса обращения производную форму самого промышленного капитала. Но как самостоятельные формы оба они должны сначала быть сломаны и подчинены промышленному капиталу. По отношению к капиталу, приносящему проценты, применяется (государственная) власть; происходит насильственное понижение размера процента, так что он уже не может диктовать условия промышленному капиталу. Но эта форма существует на самых неразвитых ступенях капиталистического производства. Насто-

ящим способом подчинения капитала, приносящего проценты, промышленному капиталу является создание свойственной ему формы — кредитной системы. Насильственное понижение размера процентов представляет форму, которую промышленный [капитал] сам еще заимствует от методов прежнего способа производства и которую он отбрасывает как бесполезную и несоответствующую цели, когда он окреп и завоевал себе положение. Кредитная система представляет его собственное создание...»¹.

Уже из приведенных слов Маркса можно видеть, что процесс подчинения и преобразования связи системой является очень сложным и многосторонним процессом. На первый взгляд он во многом совпадает с процессом преобразования связи, так как ростовщический капитал, являющийся допотопной формой существования капитала, приносящего проценты, не только продолжает существовать и в условиях развитого капиталистического производства², но и выступает теперь в качественно иной своей определенности (некоторые его старые функции исчезают, некоторые видоизменяются и т. д.). Однако сущность рассматриваемого теперь процесса не заключается только в том, что относящаяся к исторически предшествующей системе связь α сохраняется, как таковая, в исторически последующей системе и изменяется в ней под воздействием новых исторических условий в какую-то α' . Теперь мы говорим уже не только о преобразовании старой связи новой системой, но и о подчинении ее этой последней.

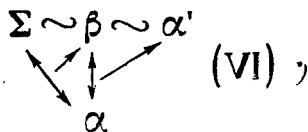
Это отличие нашего процесса от процесса преобразования связи характеризует уже и процесс изменения ростовщического капитала. (Ведь повторяющийся на базисе капиталистического производства ростовщический капитал α' не только изменен в своих функциях по сравнению со

¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 345—346.

² У народов с развитым капиталистическим производством, пишет Маркс, продолжает существовать ростовщичество как таковое. «Капитал, приносящий проценты, сохраняет форму ростовщического капитала, поскольку дело идет о таких лицах, классах или отношениях, которые исключают возможность займа в смысле, соответствующем капиталистическому способу производства...» (Капитал, т. III, стр. 614). И еще: «...Характерные формы, в которых ростовщический капитал существует во времена, предшествовавшие капиталистическому способу производства..., повторяются затем и на базисе капиталистического производства, но лишь как подчиненные формы. Здесь они уже не являются формами, определяющими характер капитала, приносящего проценты» (Там же, стр. 608).

своим одноименным предшественником α , но и занимает теперь в системе в целом подчиненное место — «не является уже формой, определяющей характер капитала, приносящего проценты»). Но самое главное в рассматриваемом процессе развития—и это многократно подчеркивал Маркс—состоит в том, что промышленный капитал в борьбе со старинными формами торгового и приносящего процент капиталов (соответственно с купеческим и ростовщическим капиталами) (α) создает свои собственные, себе свойственные, специфические формы этих капиталов—соответственно: денежно- и товарно-торговый капитал и кредит (β). Создание таких новых форм, соответствующих новым условиям и потребностям возникшего капиталистического способа производства и приходящих на смену старым докапиталистическим формам существования капитала, и означает подчинение и преобразование этих старых форм. Подчинение — потому что торговый и приносящий процент капитал «движутся впредь уже лишь на основе промышленного капитала»¹ и выступают теперь в качестве второстепенных или производных от этого последнего форм¹; изменение — потому что подобное подчинение этих капиталов промышленному связано с изменением в механизме их функций, с изменением их форм: господствующей формой торгового капитала является теперь товарно-торговый и денежно-торговый капитал (вместо старого купеческого), а капитала, приносящего процент,— кредитное дело (вместо старого ростовщического капитала²).

Схема процесса подчинения и преобразования связи системой принимает в целом следующий вид:

где Σ обозначает всю совокупность господствующих связей внутри новой системы (в нашем конкретном примере это — промышленный капитал), а знак \sim — подчинение преобразованной связи (α') связи вновь образованной (β) и этой последней — господствующему отношению Σ .

¹ К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 52.

² См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 614.

В рамках данной работы мы не ставили перед собой задачи максимально полно рассмотреть всевозможные типы элементарных процессов развития. Но необходимо отметить, что задача эта имеет первостепенное значение. И не только в том смысле, что на ее основе, путем сравнительного изучения нескольких форм процессов, можно выявить некоторые общие характеристики и закономерности всякого процесса развития вообще.

Построение моделей объективных процессов развития отдельных составляющих системы, классификация форм этих процессов, рассмотрение их в отношении субординации — все это явится дальнейшей конкретизацией принципиального тезиса диалектического материализма о развитии объективной действительности, позволит еще глубже понять закономерности объективного мира. Стоит ли говорить при этом, как важно решение этой задачи собственно для исторической науки и логики. Ведь очевидно, что, имея разработанную теорию типов объективных процессов развития, историки общества, земли, языка, науки, звездных систем, вообще любого объекта смогут значительно эффективней применять в своем творчестве диалектический метод марксизма, намного целенаправленнее и с большей результативностью вести свои исследования. С другой стороны, только опираясь на знание различных структур объективных процессов развития, логика сможет детально разрабатывать логические приемы исследования этих процессов.

2. СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ

Уже самое поверхностное сопоставление выделенных типов объективных процессов позволяет заключить о некоторых их общих чертах.

В качестве первого, крайне тривиального, но вместе с тем и очень важного соображения нужно признать, что всякий процесс может и должен быть охарактеризован прежде всего с точки зрения его с о с т а в л я ю щ и х — тех элементов, связей и зависимостей объекта, которые участвуют в процессе. Например, в процессе (I) такими составляющими являются элемент A , элемент B , зависимость Σ ; в процессе (IV) — элементы A , B , C , связи $A-B$, $A'-C$, зависимость Σ ; в процессе (VI) — связи α , β , α' , зависимость Σ

и т. д. Очевидно, сложная взаимосвязь всех составляющих процесса и образует его механизм.

Два вопроса интересуют исследователя в первую очередь, когда он характеризует содержание и механизм процесса: 1) «что развивается?» и 2) «во что развивается?». И уже в связи с ответом на эти вопросы видно, что не все составляющие процесса играют в нем одинаковую роль, что среди них сразу же необходимо различать: образующие процесса и условия процесса.

Первые составляющие как раз отвечают на поставленные выше вопросы. При этом образующие (или образующее) процесса, отвечающие на вопрос «что развивается?», являются исходными составляющими процесса, или составляющими процесса в его исходной точке (мы будем называть их исходным пунктом процесса), а образующие, отвечающие на вопрос «во что развивается?», — конечными составляющими процесса, или составляющими процесса в его конечной точке (мы будем называть их результатом процесса). В отличие от образующих под условиями процесса следует понимать те составляющие его механизма, которые обеспечивают превращение исходного пункта процесса в его результат. Например, в процессе (II) элемент A является исходным пунктом процесса, элементы B и C — результатом процесса, а зависимости Σ' и Σ'' — его условиями; в процессе (IV) — элемент A в связи $A-B$ — исходным пунктом процесса, связь $A'-C$ — результатом процесса, а зависимость Σ — условием процесса; в процессе (V) — отношение $A-B$ — исходным пунктом, отношение $A'-B'$ — результатом процесса, а зависимость Σ — его условием и т. д.

Нетрудно видеть, что при характеристике процесса роль составляющих, которые мы обозначили в качестве образующих процесса и его условий, действительно различна.

Образующие процесса являются центральными, ведущими его составляющими. Если уподобить механизм процесса совокупности разновеликих и разнонаправленных сил (взаимосвязь всех составляющих), то «отрезок прямой», связывающий «пару образующих» — исходный пункт и результат процесса, будет как раз итогом, суммой всех этих сил — кратчайшим расстоянием, наиболее лаконично выражающим суть происходящих в процессе развития преобразований в объекте, и, одновременно, вектором, указывающим направление этих преобразований. Не зафикси-

ровав «пары образующих» процесса, невозможно говорить о нем, сколь полно бы при этом ни были учтены все другие его составляющие (условия). С этой точки зрения условия процесса представляются как бы второстепенными в его характеристике. Более того, в случае процесса возникновения денег (III), а он является типичным примером имманентного процесса развития вообще, составляющие-условия отсутствуют вовсе. Здесь понятие «составляющие процесса» целиком совпадает с понятием «образующие процесса».

Из этого, конечно, не следует, что составляющие-условия процесса играют несущественную роль. Под условиями, в том их виде, как они были охарактеризованы, понимаются внутренние составляющие объекта, которые, находясь в объективной связи с образующими процесса, как раз превращают исходный пункт в результат. А это значит, что без их учета и исследования так же невозможно понять механизм процесса развития, как невозможно без исследования исходного пункта и результата процесса говорить о его сущности. Нужно только отличать условия-составляющие процесса от его «конкретно-исторических условий». Последние действительно не определяют внутреннего механизма процесса (они влияют лишь на его форму), потому-то исследование механизма процесса может идти и при отвлечении от них¹.

¹ Принципиальное отличие, с точки зрения характеристики процесса развития, конкретно-исторических условий его протекания от условий, входящих в самый механизм процесса, очень хорошо видно на примере анализа Марксом возникновения капитала (см. главы IV и XXIV первого тома «Капитала»). Этот анализ показывает, что как бы ни менялась конкретно-историческая обстановка, в которой идет процесс возникновения капитала, механизм этого процесса, и все его составляющие остаются в сущности своей одними и теми же. Такой элемент процесса, как свободная от средств производства рабочая сила, выступающая в качестве товара, образуется в разных случаях по-разному. Механизм возникновения этого элемента в различных конкретно-исторических условиях, например Англии и России, различен. Но во всех случаях этот элемент является неизменным условием процесса возникновения капитала, и механизм этого процесса в любых конкретно-исторических условиях остается одним и тем же: возникновением связи «деньги — рабочая сила» (A'—C).

Между прочим, именно это-то несовпадение условий, входящих в механизм процесса, и конкретно-исторических условий его протекания и дает исследователю возможность воспроизвести механизм процесса (учет образующих и условий процесса) при полном абстрагировании от его конкретно-исторических условий (IV глава I тома «Капитала» Маркса в отличие от главы XXIV).

3. ВРЕМЯ

Другим необходимым и не менее важным, чем составляющие, моментом всякого процесса является время. (В схемах процессов, данных в параграфе 1, оно изображается путем вертикального, одного над другим расположения символов, обозначающих составляющие объекта).

Категория времени в исторической науке так же древняя, как и сама эта наука. Но на разных этапах развития человеческого знания о мире эта категория использовалась различно. В течение многих веков время интересовало историков только в одном плане—в плане определения хронологической последовательности возникновения и чередования эмпирических событий и явлений действительности. «Когда?» — таков был главный вопрос, который задавался историками при решении проблемы времени. И, отвечая на него, они прибегали к шкале абсолютного времени с единицами измерения, равными эре, столетию, году, месяцу, дню. Вся совокупность эмпирических фактов и явлений накладывалась исследователем на эту шкалу, в результате каждый из фактов получал на ней строго фиксированное место («Аристотель родился в 384 году до нашей эры», «гуситские войны XV века», «Бородинская битва состоялась 26 августа 1812 года» и т. д.).

Задача хронологизации, фиксирования события в строго определенной и наиболее дробной временной точке (и исторически, и в каждый данный момент) является основой всякого исторического исследования. Естественно поэтому, что она остается важнейшей и для современной исторической науки. При этом имеется в виду не только «расписывание» по временной шкале фактов и событий новейшей истории, но и уточнение абсолютного времени свершения событий далекого прошлого, относительно которых до сего дня нельзя было сказать определенно, когда, в каком году, месяце они имели место.

Но в современной исторической науке, имеющей дело с процессами развития, такое обращение с категорией времени уже не может быть единственным и тем более определяющим. Во-первых, применение наиболее дробных единиц абсолютной временной шкалы (год, месяц, день), о которых мечтает историк, к внутренним составляющим объекта оказывается исключительно затрудненным и в большинстве случаев совершенно невозможным. Дело в

том, что границы существования структурных элементов объекта являются, как правило, не абсолютными, не четкими, а условными, размытыми. Сравнительно нетрудно сказать, что такое-то конкретное событие времен возникновения капитализма было в таком-то конкретном году или месяце. И совсем невозможно связать с каким-либо определенным годом или, тем более, месяцем возникновение таких составляющих капиталистической системы, как товар «рабочая сила», «промышленный капитал», «кредитное дело» и т. д. Тут временная точка возникновения явления разрастается до временного отрезка размером в несколько десятилетий и столетий.

Но дело даже и не в этом. Когда исследователь приступает к воспроизведению сущности и механизма процесса развития, его, строго говоря, вообще уже перестает интересовать абсолютное время возникновения тех или иных составляющих процесса. Конечно, это не значит, что при исследовании процессов развития объекта вопрос «когда?» (в смысле абсолютного времени) совсем снимается с повестки дня. Напротив, исследователь должен ответить и на этот вопрос, например, при выяснении времени возникновения составляющих объекта, принимаемых за образующие процесса, или при определении границ протекания процесса, его нижнего и верхнего временных порогов и т. д. Но это только при решении такого рода задач. В рамках же выяснения собственно сущности и механизма процесса этот вопрос не интересует исследователя. Например, при решении вопроса о сущности процесса возникновения машины из орудия труда и в рамках решения этого вопроса исследователя не интересует, когда, в какое время возникает и существует орудие труда, когда, в какое время возникает машина. Зато теперь ему бесконечно важно знать другое, а именно, что между составляющими объекта, условно принимаемыми им за «пару образующих» процесса, вообще протекло какое-то время.

В самом деле, составляющие процесса, являющиеся его исходным пунктом и результатом, должны включать в себя не только безусловно общие моменты (которые позволяют исследователю говорить о генетическом тождестве, родстве образующих процесса), но и моменты безусловно различные (которые позволяют исследователю говорить о генетическом различии образующих процесса, т. е. об изменении, процессе)¹. Обнаружение различия в составляю-

щих объекта, принимаемых за образующие процесса, является неизменным условием для заключения о процессе. Но не единственным. Для того, чтобы говорить собственно о процессе, исследователю нужно зафиксировать не просто различие двух таких составляющих объекта, но их генетическое различие, т. е. различие во времени, различие с учетом того, что между ними протекло какое-то время.

Иными словами, в логике исторического исследования необходимо очень четко отличать категорию «различие»¹ от категории «изменение».² Водораздел между ними лежит как раз в факторе времени. И именно от того, «включен» или «выключен» из рассмотрения момент «протекания времени», будет зависеть (*caeteris paribus*), сможет исследователь или нет подойти к объекту с точки зрения процесса его изменения.

Предположим, биолог исследует определенный вид *A* и имеет дело с рядом принимаемых этим видом форм — *A'*, *A''*, *A'''*. Вообще говоря, он может рассмотреть этот ряд двояким образом: во-первых, положив, что формы *A'*, *A''*, *A'''* следуют друг за другом во времени, сменяют друг друга во времени; во-вторых, приняв все эти формы за

¹ О генетическом тождестве и различии мы будем говорить подробнее ниже, в главе IV.

² К сожалению, это делается не всегда. Например, в своем «Введении в языкознание» А. С. Чикобава пишет: «Язык изменчив. Изменения наблюдаются во всех звеньях системы языка: в словарном составе, в грамматическом строе и так далее. Изменения в языке подмечаются, когда мы сравниваем один и тот же язык в различные периоды его существования (например, письменный русский язык эпохи Петра I, то есть первой четверти XVIII века, и современный литературный язык). Изменения в языке подмечаются и в том случае, когда один и тот же язык наблюдается в различных местностях (например, русский язык в Вологодской области и в Курской области). Изменения, наблюдаемые в разных пунктах, связанные с распространением языка на известной территории, суть изменения диалектные» (ч. I, М., 1952, стр. 60).

Очевидно, А. С. Чикобава неправ, когда рассматривает изменения диалектов наряду с изменениями историческими. Конечно, наличие двух диалектов в языке может быть результатом процесса изменения языка в целом, например процесса дифференциации языка. Но в случае сопоставления этих уже сосуществующих диалектов мы можем говорить только о *различиях*, но не об изменениях в строгом смысле этого слова. Понимание изменения обязательно предполагает исторический момент, момент *времени* (знание, например, или об исторической последовательности рассматриваемых диалектов — сначала один, затем другой, — или об их одновременном происхождении из какой-то единой пра-основы и т. д.).

данные одновременно, за существующие наряду. Первый случай будет возможен, если исследователь рассмотрит интересующие его формы в применении к одному организму данного вида — A_1 (ряд будет выглядеть как A'_1, A_1'', A_1'''). Второй случай — если он выберет несколько организмов вида — A_1, A_2, A_3 и т. д., причем каждый из них в данный момент времени будет зафиксирован в какой-то одной своей форме, например индивид A_1 — в форме A_1'' , индивид A_2 — в форме A_2''' , индивид A_3 — в форме A_3' (ряд будет выглядеть как A_3', A_1'', A_2'''). Полагая (в первом случае), что между формами A' и A'' , A'' и A''' протекло время, исследователь тем самым начинает анализировать данный ему ряд как процесс. Напротив, (во втором случае), принимая формы A', A'', A''' за одновременные, исследователь может говорить лишь о различии A' и A'' , A'' и A''' , A' и A''' , но не как не об их изменении одного в другое¹.

Аналогичный случай имеет место в III томе «Капитала» К. Маркса, при исследовании характера зависимости нормы прибыли от стоимости составных частей постоянного капитала и периода оборота капитала. Маркс решает эту задачу, фиксируя несколько «моментов» в жизни капитала и определяя каждый раз для соответствующих «постоянных» величин (стоимость составных частей постоянного капитала, период его оборота) величину «переменную» — величину нормы прибыли. Причем задача решается исследователем дважды: в первом отделе тома — так сказать с «включением» времени и во втором отделе тома — с «выключением» его. Говоря конкретнее, первый раз Маркс выбирает эти моменты применительно к жизни одного индивидуального капитала, второй раз — к жизни нескольких капиталов. В результате лишь в первом случае он имеет дело с процессом. «То, что раньше мы рассматривали как изменения, которые совершаются с одним и тем же капиталом последовательно

¹ Разумеется, и из ряда A'_3, A''_1, A'''_2 принципиально можно заключить о процессе развития вида A . Но для этого исследователь также должен будет принять во внимание *фактор времени*. Этот временной момент будет учтен им, если он скажет, что каждая из данных в настоящий момент одновременно форм соответствует определенной ступени в развитии вида A , что форма A' , например, предшествует форме A'' и т. д. Иными словами, речь здесь будет идти уже не об одновременной данности этих форм (хотя с этого начинается анализ), но об их распределении на генетической (хронологической) лестнице.

во времени, — пишет он, — теперь мы рассматриваем как одновременно существующие различия между вложениями капитала, сделанными одно рядом с другим в различные сферы производства»¹.

И в случае анализа биологических форм, и в случае анализа нормы прибыли «включение» и «выключение» в исследовании момента времени хотя и зависит от исследователя, но определяется самой объективной данностью этих форм. Так, выбирая формы A_3' , A_1'' , A_2''' , исследователь потому «выключает» из рассмотрения момент времени, что еще до его анализа оно выключено уже в самой объективной действительности (все эти формы и объективно даны одновременно). Точно так же, выбирая для анализа формы A_1' , A_1'' , A_1''' , исследователь потому «включает» в рассмотрение момент времени, что уже по самому объективному положению вещей эти формы следуют друг за другом во времени.

В исторической науке нередки и другие случаи, когда «включение» или «выключение» фактора времени зависит всецело от субъективного момента (задачи исследования). Именно о таком случае говорит, например, первая часть первой главы работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», где рассматривается период французской истории, известный под именем июльской монархии. Объективно этот период, насыщенный важнейшими экономическими и политическими событиями и явлениями (восстания 1832, 1834 и 1839 гг., всеобщий торговый и промышленный кризис в Англии, голод во Франции 1847 г. и т. д.), длится сравнительно большой отрезок времени — с 1830 по 1847 г. Субъективно же, в зависимости от задачи исследования, он может быть рассмотрен двояким образом — как с учетом этого протекания времени, так и при полном абстрагировании от него. Первый случай будет иметь место, когда исследователь поставит перед собой задачу проанализировать процесс развития французского общества за этот промежуток времени. Со вторым случаем мы сталкиваемся как раз в работе К. Маркса.

В «Классовой борьбе во Франции» мы также обнаруживаем интерес исследователя к развитию французского общества, но уже совсем в другой период времени — а именно, в период революции 1848—1850 гг.; к процессу разви-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 150 (разрядка наша.— Б. Г.).

тия собственно июльской монархии К. Маркс равнодушен. Правда, этого нельзя сказать о самой июльской монархии, как таковой, безотносительно к процессу ее развития. Напротив, ставя своей задачей проанализировать ход февральской революции, и, в частности, причины и условия ее породившие, Маркс не может не обратиться с этой целью к важнейшим событиям и явлениям периода июльской монархии. Но делает он это, абстрагируясь от течения времени и временной последовательности этих событий и явлений. Все они сжимаются им во времени в одну точку, рассматриваются как относящиеся к одному временному моменту, предшествующему тому, который непосредственно интересует исследователя. Иначе говоря, в рамках июльского периода (1830—1847 гг.) время как бы приравнивается исследователем нулю, и именно такой подход к объекту позволяет лучше всего решить задачу исследования — суммой экономических, социальных и политических событий периода июльской монархии объяснить начало и общий характер революции 1848—1850 гг.

Отличие данного случая исследования объекта от рассматриваемых выше очевидно. Там — в примере с анализом биологических форм и в примере из III тома «Капитала» — субъективный фактор играл безусловно немаловажную роль, но значение его ограничивалось только выбором той или иной объективной данности (временной или невременной). Само же «включение» или «выключение» момента времени оказывалось лишь простой констатацией той или иной данности. Здесь, напротив, речь идет о том, что одна и та же объективная данность (временная) в зависимости от задач исследования может быть рассмотрена и как временная, и как невременная.

Вместе с тем и оба первых, и последний случаи подчеркивают главное: вне объективного протекания и субъективного учета времени говорить о каком-либо процессе бессмысленно. Объективно время является необходимым условием развертывания процесса (процесс не может идти, если не протекает время). Точно так же субъективно, при рассмотрении объекта, исследователь не может говорить о процессе, если не учтен момент времени, если нет знания о том, что между составляющими объекта, принимаемыми за «пару образующих» процесса, протекло какое-то время.

Но не наоборот. Субъективно, в научном исследовании время может рассматриваться и вне всякой связи с процессами развития объекта (например, в физике). Точно так же и объективно время может протекать, причем даже в изрядных количествах, а тот или иной объект стоять в своем развитии на месте. К. Маркс, например, не раз говорил о некоторых периодах в жизни общества (Восток, эпоха феодализма), как о таких, когда время (он имел в виду, разумеется, не абсолютное время, а развитие) «останавливалось».

О нетождественности понятий «ход времени» и «процесс развития» говорит и тот факт, что в одни и те же промежутки времени различные объекты способны проходить различные «расстояния» в своем развитии. Сравнивая, например, человеческое общество на разных ступенях, нетрудно видеть, что развитие рабовладельческой формации идет более медленными темпами, чем феодальной или капиталистической, а темпы развития этих последних формаций значительно проигрывают в сравнении с социалистической. Примерно с рубежа II и I тысячелетий до VI века до нашей эры складывалось в Европе рабовладельческое общество. Такой же период понадобился для становления феодальной системы (с I—II до VIII—IX вв.). Значительно меньше времени ушло на эти цели у буржуазного общества (примерно XIV—XVII вв.). И уже совсем в фантастические, с точки зрения прежней истории, сроки сложилась система социализма — для ее становления потребовалось менее четырех десятков лет.

Совершенно очевидно, что различная степень интенсивности, с которой развиваются различные общественно-экономические формации, зависит прежде всего от внутренних свойств самих объективных систем, прежде всего от уровня производительных сил и характера производственных отношений, складывающихся в обществе, — время тут не причем. Но точно так же и вообще: развитие того или иного объекта является функцией не объективного хода времени, но жизнедеятельности самого объекта, оно — специфическое выражение преобразований, изменений, происходящих в объекте.

Каков характер этих преобразований, изменений, если мы говорим о них как о развитии объекта? К рассмотрению этого вопроса мы и переходим теперь.

4. СТРУКТУРА ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ

Категория «изменение» является, по-видимому, самой абстрактной, самой общей категорией, отражающей объективные процессы, идущие в мире. В ней стерто всякое представление о действительном многообразии форм процессов, более того, в ней совершенно исчезает вопрос о структуре процесса. Категория «изменение» фиксирует только самое очевидное, самое общее, присущее всякому процессу: наличие различий в одном и том же объекте (или его части), взятом в двух различных во времени точках.

Но всякое ли различие во времени, всякий ли процесс является процессом развития? Очевидно, нет.

Процесс изменения захватывает все стороны в жизни объекта. Меняются внутренние составляющие объекта, его существенные связи и зависимости, меняются и его внешние, непосредственно воспринимаемые стороны, его форма. В отличие от категории «изменение» категория «развитие» фиксирует не любые временные различия в объекте. Собственно о процессе развития мы говорим применительно лишь к изменениям во внутреннем строении объекта, в его структуре (совокупность функционально связанных между собой элементов, связей и зависимостей, составляющих внутреннее строение объекта). В § 1 главы это обстоятельство уже нашло свое выражение— во всех схемах процессов составляющие процесса всегда являлись структурными составляющими объекта.

Но пойдём дальше.

Возьмем, например, процесс преобразования связи (V), где речь шла о связи «рабочий — капиталист» (купля-продажа рабочей силы) при переходе капиталистического производства от одной стадии — мануфактура — к другой — машинное производство. Рассматривая этот процесс, мы уже отмечали, что суть его состояла в изменении функциональных характеристик элементов *A* и *B*, слагающих связь *A—B*. Иначе говоря, речь шла об изменениях внутренних, структурных. Но происходил ли там собственно процесс развития? Вообще: всякое ли изменение в структуре объекта может рассматриваться в качестве процесса развития? Очевидно, также нет.

Связь «рабочий — капиталист», совпадая с самой сущ-

ностью капиталистической системы, неизменно характеризует последнюю на всех стадиях ее развития. Поэтому при переходе от одной стадии к другой, в частности от мануфактуры к крупной промышленности, имея в виду эту связь, мы можем говорить не о возникновении новой связи, а лишь об изменении связи старой, уже существующей. Другое дело, если взять процесс перехода от мануфактуры к крупной промышленности в целом. По своей структуре этот процесс будет отличаться от процесса преобразования $A—B$ в $A'—B'$ существеннейшим образом, и главное в этом отличии как раз то, что процесс включает в себя возникновение новых структурных составляющих системы. В ходе этого процесса происходят такие изменения, которые затрагивают всю структуру в целом¹.

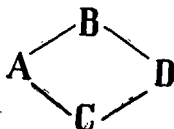
Подойдем к вопросу с другой стороны. Когда мы говорим о процессе развития, мы обычно говорим о качественных изменениях в объекте. Но что такое качественное изменение, качественное различие с точки зрения логической, т. е. в наиболее обобщенном своем выражении? Появление нового в объекте? Да. Но чего нового, какого нового? Ведь любое изменение есть уже появление нового. В частности, и в процессе (V) связь $A'—B'$ отличалась от $A—B$ рядом новых функциональных характеристик, однако мы все же не можем считать этот процесс процессом развития — и совершенно справедливо: в узких рамках преобразования связи $A—B$ никаких качественных изменений не происходит.

Под процессом развития, под качественными изменениями в структуре объекта нужно понимать, очевидно, возникновение новых структурных со-

¹ Понимание структуры процесса развития является пробным камнем в оценке исторических взглядов того или иного мыслителя. Заметим, между прочим, что именно в этом пункте Ф. Соссюр, претендующий на историзм в анализе языка, оставляет историческую почву. Признавая изменяемость элементов системы, он не признает изменяемости связей элементов внутри системы и тем самым исторической изменяемости самой системы в целом. «Никогда система не видоизменяется непосредственно, — пишет он, — в самой себе она неизменчива, доступны изменению только отдельные элементы относительно к их связи с целым» (Курс общей лингвистики. Соцэкгиз, 1933, стр. 91). И еще: «Изменения, никогда не происходящие во всей системе в целом, но лишь в отношении одного или другого из ее элементов, могут изучаться только вне ее» (там же, стр. 93).

ставляющих объекта — элементов, связей и зависимостей, слагающих его структуру.

Вообще говоря, структура объекта может характеризоваться тремя моментами: количеством составляющих, порядком их расположения и характером зависимости между ними. Так, одно дело — структура $A-B$ (двучленная), другое — $A-B-C$ (трехчленная); одно дело — $A-B-C-D$ (линейная структура), другое —

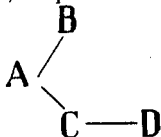

(кольцевая структура); одно дело — $A-B$ (структура, где элементы A и B «равноправны», поэтому зависимость обратима и может быть представлена как $B-A$), другое — $A \infty B$ (необратимая зависимость, где элемент B в структуре «подчинен» элементу A). Нетрудно видеть, что все это структуры разного качества, слагающиеся из различных составляющих. Переход от структуры одного качества (характеризующейся данным количеством, порядком и характером зависимости составляющих) к структуре другого качества (характеризующейся иным количеством, порядком или характером зависимости составляющих) и будет означать развитие объекта¹.

Очевидно, самым простым случаем процесса развития будет переход объекта от простейшей структуры $A-B$ к структуре $A-B-C$. Но с самого начала необходимо подчеркнуть, что суть этого перехода не состоит в одном только количественном росте числа составляющих. Вообще процесс развития нельзя изображать только как движение от структуры с n составляющими к структуре с $n+1$ составляющим. Во-первых, в процессе развития системы элементы структуры не только возникают, но и исчезают, отмирают, так что в каких-то определенных границах общее число составляющих развивающейся системы принципиально может оставаться постоянным (например переход от $A-B-C$ к $B-C-D$). Во-вторых, ка-

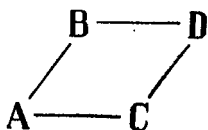
¹ Как видим, процесс развития связан не только с возникновением совершенно новых составляющих в объекте, но и с перегруппировкой и исчезновением составляющих старых. Однако этот момент относится к проблеме направленности процесса, которую мы здесь вынуждены опустить.

чественное изменение структуры, появление в ней новых составляющих может иметь место и без увеличения числа элементов, — например, переход от $A-B-C-D$ к

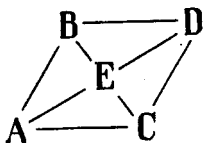

Наконец, и это самое главное, возникновение одного нового элемента в системе никогда не означает прибавление просто «одного». Ведь мы имеем дело с органической системой, а не с механическим конгломератом. И в таких условиях возникновение одного нового элемента всегда ведет к возникновению по крайней мере нескольких новых составляющих и, сверх того, сопровождается более или менее серьезным функциональным преобразованием массы составляющих системы вообще.

В самом деле. Допустим, мы имеем структуру

Затем в ней появляется новый элемент E . Если этот элемент не «второстепенный», а определяющий, если он возникает, так сказать, не на «краю», не на «границе» структуры, а в ее «центре» (примером такого элемента в экономической системе капитализма может быть машина), то он может привести к серьезному изменению структуры объекта в целом, например придать ей следующий вид:

Но это значит, что, если в первоначальной структуре объекта насчитывалось всего четыре прямых связи, то теперь, после прибавления одного элемента, их количество выросло сразу до восьми. С другой стороны, возникновение любой новой связи $A-E$,

$B—E$... не может пройти бесследно для самих старых элементов структуры A, B ... и старых связей $A—B, B—D$... Уместно допустить, что с возникновением нового элемента и новых связей старые элементы и связи структуры также претерпевают изменения.

О том, что такое рассуждение не плод абстракции, говорит анализ конкретных процессов развития. Появление в структуре товарного производства нового элемента — товара «рабочей силы», как мы видели, совпадает с возникновением ряда новых связей внутри системы (в частности, капитального отношения $D—T—D'$). В свою очередь, эти новые связи меняют функции ряда старых элементов системы (например, самих денег) и их старые связи (кредит в капиталистическом обществе существенным образом отличается от аналогичной зависимости при феодализме).

Таким образом, повторяем, процесс развития нельзя изображать в виде простого количественного изменения составляющих структуры. Процесс развития—это переход от одного исторического состояния объекта со структурой m , к другому историческому состоянию объекта со структурой n .

До сих пор (в §§ 2 и 3), характеризуя процесс развития, мы говорили об отдельных составляющих объекта, участвующих в процессе, и различали среди них образующие и условия процесса. Теперь мы должны ввести более глубокое, с точки зрения понимания структуры процесса развития, понятие — «состояние объекта» (под состоянием объекта понимается объект, взятый в определенный момент его жизни, т. е. характеризующийся определенной структурой m). При этом логика исторического исследования имеет дело с процессами развития объекта, т. е. с чередованием множества состояний объекта, отмечающих различные этапы, периоды, стадии его развития, поэтому она должна говорить не просто о «состояниях объекта», но об «исторических состояниях объекта» (под историческим состоянием объекта понимается состояние объекта, ограниченное во времени, т. е. имеющее верхнюю и нижнюю временные границы существования, за которыми начинается другое состояние объекта, с другой структурой).

Было бы неверно полагать, что понятия «состояние объекта», «историческое состояние объекта» вовсе вы-

тесняют понятие «составляющие процесса», делают его ненужным.

Конечно, в § 1 мы рассматривали элементарные формы объективных процессов развития, т. е. процессы развития отдельных составляющих системы (элементы, связи). В практике научного исследования в большинстве случаев задача стоит иначе: рассмотреть процесс развития системы в целом или ее части. Тогда в качестве исходного пункта процесса мы будем иметь уже не одно какое-либо составляющее системы, даже не отдельные ее составляющие, а целое состояние системы со сложной структурой, с массой взаимосвязанных составляющих. Такое же состояние системы будет у нас и результатом процесса. В таких случаях разговор об образующих процесса и его составляющих-условиях элиминируется анализом взаимодействия массы составляющих структуры объекта вообще. Но и здесь мы не можем обойтись без использования понятия «составляющие процесса», — напротив, только различение отдельных составляющих позволит нам осуществить переход от общей характеристики процесса к анализу его по элементам, в частности к анализу механизма процесса.

С другой стороны, очевидно, что с помощью одного только понятия «составляющие процесса» невозможно научно охарактеризовать структуру процесса развития. Главной характеристикой этой структуры является, конечно, историческое состояние объекта.

Это само собой разумеется, когда воспроизводится процесс развития сложной органической системы в целом, например буржуазной экономической системы, определенной звездной системы, языка в целом и так далее, — другими словами, когда очевидно, что процесс развития представляет собой ряд исторических состояний системы, связанных друг с другом и сменяющих друг друга во времени. Но то же самое будет иметь место и при воспроизведении процесса развития отдельных составляющих системы, например денег, отдельной звезды, элемента языка и т. д.

Понятие «состояние объекта», «историческое состояние объекта» говорит об определенном качестве структуры объекта, поэтому оно приложимо к любому развивающемуся объекту, независимо от сложности его строения. Но необходимо, чтобы объект этот был действитель-

но развивающимся, т. е. чтобы он имел подвижную, изменяющуюся структуру.

Между прочим, именно в этом пункте проходит граница, отделяющая вещи развивающиеся от неразвивающихся. Иногда приходится сталкиваться со случаями, когда категорию развития стараются применить буквально ко всему и вся. Это неверно. В практике научного исследования эта категория столь же ограничена (несмотря на всю необъятную широту своих границ!), как и все остальные. Даже в рамках органических систем существует масса составляющих, о развитии которых говорить бессмысленно¹.

Прежде всего сюда относятся простейшие элементы, которые, входя в качестве составляющих в какие-то структуры, сами никакой расчлененной структурой не обладают. Мы говорим, например, о развитии товара, но всегда при этом имеем в виду не сам товар, не элемент T , но простейшее товарное отношение $T—T$. Что же касается элемента T , то, строго говоря, он не претерпевает развития и прежде всего в силу своей бесструктурности. Самое большее, о чем тут может идти речь, это об изменении элемента, его функциональных характеристик, но это уже связано с развитием не самого T , но других структурных составляющих системы.

Точно так же нельзя строго научно говорить о развитии и тех составляющих системы, которые хотя и имеют структуру, но структура эта — по крайней мере, в исторических рамках данной системы — неподвижна. Примером такого составляющего может быть связь «рабочий — капиталист», о которой уже шла речь. Содержание этой связи, функции элементов, ее слагающих, меняются во времени, структура же связи постоянна на всех этапах развития экономической системы капитализма. Если мы все же говорим об изменении, «развитии» этой связи, то только в случае рассмотрения ее как части внутри более широкого целого, обладающего подвижной структурой. Но тогда процесс развития принимает уже принципиально иной вид: исходным пунктом его будет не связь $A—B$, но состояние $A—B—\Sigma_1$ (где Σ_1 обозначает группу составляющих, специфических для

¹ Мы говорим «даже», потому что это замечание тем более верно применительно к разного рода механическим, искусственным и другим системам.

мануфактурной стадии развития производства, включая ремесленное орудие труда); результатом же — не связь $A'-B'$, но состояние $A'-B'-\Sigma_2$ (где Σ_2 — группа качественно новых составляющих объекта, включая машину).

Итак, невозможно говорить о развитии объекта, для которого или в силу его бесструктурности, или в силу неподвижности структуры нельзя зафиксировать ряда исторических состояний. Но и наоборот: если мы говорим о развитии объекта, то, независимо от большей или меньшей его сложности, мы должны иметь дело с его историческими состояниями.

Здесь представляется уместным сделать одно маленькое отступление. В главе первой, определяя предмет современной исторической науки, мы говорили, что таковыми являются процессы развития объекта, понятого как система. Теперь, в свете сказанного о структуре процесса развития, видно, что последние слова в этом определении — «поятого как система» — являются лишними. Достаточно сказать просто о «процессах развития объекта». Ведь это определение уже включает в себя понимание объекта как системы, потому что воспроизведение процесса развития невозможно без рассмотрения исторических состояний, т. е. структуры объекта, а это и есть понимание объекта как системы.

Вернемся, однако, к процессам, рассмотренным в § 1. Все они, как отмечалось, являются элементарными: в одном случае это процессы возникновения элемента системы — (I), (II), в другом — связи системы — (III), (IV), (VI). Но, несмотря на их элементарность, все эти процессы, за исключением (V), являются по своей структуре последовательностью двух исторических состояний объекта.

Это сразу видно применительно к процессам возникновения связей, где и в начальном и в конечном пунктах процесса имеется несколько взаимосвязанных составляющих, т. е. определенные структуры объекта (понятно, что простейшую структуру объекта составляет уже связь двух элементов типа $A-B$). Так, в процессе (III) первое исторически предшествующее состояние товарного отношения характеризуется структурой $AB-AB$, второе же исторически последующее его состояние — структурой $A-B$. Эту же мысль можно выразить другими словами: в процессе (III) связь $AB-AB$ является исходным со-

стоянием, а связь $A—B$ — конечным состоянием исследуемого объекта¹. То же мы видим и в процессе (IV). Здесь связь $A—B$ ($T—D$) является исходным состоянием исследуемого объекта, а связь $A'—C$ ($D—T—D'$) — его конечным состоянием.

Несколько сложнее обстоит дело с процессами развития отдельных элементов, где и в исходном и в конечном пунктах процесса имеется всего лишь один элемент и где, поэтому, говорить о какой-то структуре, о состоянии объекта очень трудно. Правда, в большинстве случаев исследование процесса развития отдельного элемента является частью исследования развития системы в целом; тогда всякая проблема с выделением ряда исторических состояний объекта, естественно, снимается. Но иногда задача стоит именно так: проследить генетические связи изолированного элемента системы, приняв все остальные ее составляющие за общее и аморфное Σ . Именно такой подход был зафиксирован в рассматриваемых нами процессах (I) и (II).

Как же быть в таких случаях? Можно ли тогда говорить о процессе развития в строгом и точном смысле этого слова?

Решение этого вопроса зависит от характера самого рассматриваемого элемента системы, в частности от наличия у него более или менее расчлененной структуры. Почему Маркс так свободно говорит о развитии (именно о развитии) средства производства из ремесленного орудия труда в машину? Да потому, что этот элемент системы, независимо от тех структур целого, в которые он входит в качестве элемента, сам имеет подвижную расчлененную структуру, меняющую свое качество при переходе от одной стадии развития системы к другой.

Иными словами, процесс (I), как и процессы (III) и (IV), также характеризуется двумя состояниями исследуемого объекта, из которых каждое имеет свою собственную структуру. Элемент B , машина, говорит Маркс, состоит из таких структурных составляющих, как орудие, или рабочая машина (B_1), двигатель (B_2), связь между рабочей машиной и двигателем (B_3 , передаточный механизм), связь между орудием и механизмом (B_4) и т. д.

¹ Объектом исследования здесь является развивающееся товарное отношение $T—T$.

В свою очередь, среди тех элементов производства, которые могут считаться бесспорными орудиями труда, также различают собственно рабочую часть (A_1), двигатель (A_2 ; его роль часто исполняет человек), передаточный механизм (A_3), связь между рабочим орудием и человеком (A_4) и т. д. Таким образом, и в первом и во втором исторических состояниях исследуемый элемент имеет сложную структуру. Совпадая в ряде составляющих, эти состояния вместе с тем качественно отличаются друг от друга: исторически позднейшее из них характеризуется новым составляющим, отсутствующим в структуре A — им является связь между рабочим орудием и механизмом, приходящая на смену связи между рабочим орудием и человеком¹. Рельефно на схеме этот процесс развития можно представить, если ввести другие обозначения. Так, приняв такие составляющие исследуемых элементов, как A_1 и B_1 за K , A_2 и B_2 за L , A_3 и B_3 за M , A_4 за N , B_4 за P , можно видеть, что процесс превращения орудия труда в машину есть, в сущности, процесс перехода от состояния со структурой $K—L—M—N$ к состоянию со структурой $K'—L'—M'—P$ (составляющие K , L , M , берутся со штрихом, потому что в связи с новым составляющим P все они претерпевают большие или меньшие изменения).

Итак, процесс развития представляет собой ряд исторических состояний объекта в их связях. В простейшем случае это будет два состояния. Выше мы говорили о генетической паре образующих процесса. Теперь мы будем говорить о генетической паре состояний объекта («исходное состояние» и «состояние-результат»). Понятно, что при исследовании сложного, более или менее продолжительного процесса исследователь может фиксировать не два, а множество этапов, периодов в развитии объекта. Но чтобы говорить о процессе, нужно иметь по крайней мере пару исторических состояний. Да и в случае большого ряда исторических состояний исследование процесса развития практически всегда будет состоять из ряда

¹ Напомним, что Маркс, характеризуя суть происходящего здесь процесса развития, пишет: рабочая машина «...заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует массой одинаковых или однородных орудий» (К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 381—382); орудие переходит от человека к механизму.

исследований генетических переходов от одного состояния к другому (та же «пара»).

Очень важно подчеркнуть: когда мы говорим о структуре процесса развития, мы имеем в виду не просто совокупность ряда исторических состояний объекта — речь идет о связях между этими состояниями. Иными словами, само развитие понимается как определенный тип связи — тот, который обычно называют как раз связью генетической.

Любая структурная связь представляет собой связь двух или нескольких одновременно данных составляющих системы, каждый из которых характеризуется рядом не только субстанциональных свойств (элементы обладают ими независимо от связи, в которой они находятся или вступают), но и функциональных характеристик (элементы получают их именно в силу связи друг с другом); кстати говоря, по этим функциональным характеристикам исследователь только и может судить о наличии структурной связи. Важнейшая отличительная черта структурных связей — их константность: они связывают большее или меньшее, но всегда строго определенное и, главное, постоянное (в рамках данной связи) количество составляющих системы.

Другое дело — связь генетическая, связь развития.

Конечно, было бы глубоко неверно изображать ее просто как «вертикальную» связь между двумя составляющими системы (хотя именно такое понимание генетических связей часто можно встретить в литературе). Во-первых, мы видели, речь нужно вести не просто о двух составляющих, но о двух исторических состояниях объекта, а они обладают уже более или менее сложной структурой, так что, имея в виду процесс развития, необходимо говорить не только о «вертикальных», но и о «горизонтальных» связях. Во-вторых, понятие «вертикали» при характеристике связи развития является не более, как образом, и само нуждается в анализе.

Связь развития представляет собой переход от одного состояния в жизни объекта к другому состоянию. Поэтому с логической точки зрения она есть также прежде всего связь функционирования, связь структурная, хотя и особого рода.

В самом деле, развитие есть возникновение нового составляющего в структуре объекта. Это но-

все появляется в результате взаимодействия уже имеющейся суммы составляющих. В свою очередь, это взаимодействие представляет собой не что иное, как определенные структурные связи, зависимости. В отличие от «нормальных» структурных эти связи являются как раз переменными, подвижными. Здесь сам процесс функционирования связи является процессом изменения участвующих в связи составляющих. Это такая структурная связь, в которой в ходе самого взаимодействия одни составляющие исчезают вовсе, другие возникают вновь, а третьи претерпевают большие или меньшие функциональные изменения. Иными словами, состав и структура этих связей меняются со временем.

Генетическая связь, как и любая связь вообще, есть внутренняя характеристика объекта, она не дана исследователю на поверхности и может быть обнаружена только в ходе анализа. Но обнаружение и анализ связи развития идет принципиально другим путем, нежели обнаружение «нормальной» структурной связи. Здесь рассмотрением функциональных характеристик взаимодействующих элементов ограничиться уже нельзя. Здесь необходимо проведение сравнительного анализа двух структур объекта, относящихся к различным временным точкам, и исследование взаимодействия составляющих исходной структуры — взаимодействия, приведшего к образованию структуры-результата.

И, наконец, последнее замечание. Для неокантианской философии всех толков с ее противопоставлением «естественнонаучных» и «исторических» понятий характерно подчеркивание того момента, что в отличие от структурных связей, изучаемых естествознанием, обладающих свойством повторяться, воспроизводиться в повторяющихся условиях, связи генетические являются якобы глубоко индивидуализированными, единичными, неповторимыми. Однако такое различие совершенно неверно. Оно проистекает из понимания генезиса как связей в н е ш н и х, эмпирически данных составляющих объекта. Между тем последние являются лишь проекцией, отражением действительных связей развития, связей глубинных, обнимающих внутренние составляющие объекта. Рассматриваемые в таком плане, т. е. как связи «подвижного» взаимодействия структурных составляющих объекта, связи развития также обладают способно-

стью повторяться, воспроизводиться в повторяющихся условиях (под условиями процесса, как мы отмечали, понимаются прежде всего внутренние составляющие объекта, а не конкретно-исторические условия, которые, действительно, своеобразны и неповторимы). И именно эта способность связей развития является выражением объективного существования закономерностей исторического процесса, отрицаемых неокантианцами.

НАУЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ, ИСХОДНОЕ РАЗЛИЧИЕ И ОСНОВНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ

Из всего сказанного выше нетрудно видеть, что задача научного воспроизведения процесса развития объекта (в своей самой общей форме) сводится к нахождению и фиксации ряда исторических состояний объекта и раскрытию механизма перехода от одного из них к другому. Но, разумеется, это только самая общая формулировка, за которой скрывается масса конкретных задач, решаемых исследователем.

Что это за задачи?

Прежде всего ни один органический объект, ни одна система, ни одному исследователю непосредственно не дана как система, уже очерченная в своих границах и выделяющаяся из ряда других систем. «На поверхности Земли,— пишет, например, В. В. Белоусов,— всегда существуют рядом области, находящиеся в различных стадиях развития, и их пространственные взаимоотношения отражают взаимоотношения во времени»¹. И такая же картина—перед историком-космогонистом, экономистом, лингвистом и т. д. Материал, лежащий перед исследователем, всегда представляет собой массу разнообразнейших и разноряднейших составляющих, относящихся к различным, исторически следующим друг за другом системам. Понятно поэтому, что прежде чем исследовать ту или иную систему, необходимо провести ее границы, необходимо выделить ее из ряда этих одновременно данных с нею других систем (или их остатков и обломков). При этом границы нужно провести не только в пространстве, но и во времени. Для современ-

¹ В. В. Белоусов. Основные вопросы геотектоники, стр. 302.

ной исследователю системы должен быть найден нижний временной порог, отделяющий рассматриваемую систему от исторически предшествующей, для системы умершей, жившей в прошлом — нижний и верхний временные пороги.

Это определение границ исследуемого объекта, совпадающее с определением самого объекта исследования (ответ на вопрос: процесс развития чего, какого объекта собираемся мы исследовать), связано с раскрытием в структуре объекта определенной специфической зависимости—определяющего, или выделяющего, отношения. В рамках, например, капиталистической экономической системы, исследуемой К. Марксом, таким выделяющим отношением является зависимость «наемный труд — капитал» (отношение производства прибавочной стоимости). И о том, насколько трудно решение этой задачи, говорит хотя бы тот факт, что выделяющее отношение экономической системы капитализма не было найдено даже классиками политэкономии А. Смитом и Д. Рикардо, знавшими только одну экономическую систему и относившими к ней все находимые экономические формы и отношения¹.

Не менее (если не более) трудная задача исторического исследования—выделение исторических состояний объекта и их фиксирование, воспроизведение в качестве определенных структур. Историки называют эту задачу проблемой периодизации (название, видимо, не очень точное, поскольку само по себе оно акцентирует внимание только на определении временных границ исторических состояний (периодов) и не содержит прямых указаний на необходимость раскрытия их структуры). Сложность решения этой задачи связана не только с необходимостью вычленять структуру каждого состояния (периода), но и с проблемой выбора основания для исторического расчленения объекта. Ведь известно, что внутренние составляющие объекта развиваются с неодинаковой скоростью². Два различных с

¹ Разумеется, и А. Смит и Д. Рикардо были прекрасно знакомы с отношением «наемный труд — капитал» и занимались его анализом. Но одно дело знать отношение, другое — фиксировать его в определенности именно выделяющего.

² Об «отсутствии полной синхронности разнородных явлений исторического процесса», как о «значительной трудности при решении проблемы периодизации», см., например, статью Н. Дружинина «О периодизации истории капиталистических отношений в России» («Вопросы истории», 1949, № 11).

точки зрения какого-либо элемента *A* состояния объекта (включающие в себя соответственно исходное *A* и результат *B*), воспринимаются как одно и то же состояние системы с точки зрения неизменного элемента *M*. При таких условиях разговор о двух состояниях, совершенно закономерный с точки зрения одних составляющих объекта, будет выглядеть ошибочным с точки зрения других его составляющих.

Серьезные дополнительные трудности при вычленении исторических состояний объекта возникают перед исследователем (например, историком литературы, науки, искусства и т. д.), когда цель его исследования «заключается в том, чтобы показать не только общие закономерности развития, ... но и все богатство индивидуальных форм его проявления в творчестве целой плеяды ярких и выдающихся творческих деятелей».¹ Эти трудности связаны с тем, что «творческий путь отдельных выдающихся художников сплошь и рядом не укладывается в рамки определенного исторического периода. Поэтому приходится допустить известную неравномерность исторического изложения с постоянными хронологическими «забегами» и возвращениями вспять или же совсем отказаться от целостного охвата творческой деятельности наиболее выдающихся индивидуальностей и целиком «растворить» ее в общей характеристике развития...».²

Но и на решении этих проблем задача научного воспроизведения процесса развития еще не исчерпывается.

Допустим, исследователь уже вычленил какое-то состояние объекта, воспроизвел его структуру. Это состояние принципиально может быть принято за исходный пункт процесса или за результат процесса. В зависимости от этого и вопрос может стоять двояко: воспроизвести процесс собственно развития данной структуры или процесс ее возникновения. Но и в первом и во втором случаях исследователь должен найти какое-то другое состояние объекта, необходимое для построения «генетической пары» (очевидно, в первом случае это будет состояние-результат, во втором — исходное состояние). Такая генетическая пара строится исследователем первоначально, естественно, в

¹ Ю. Келдыш. История русской музыки, ч. I, М.—Л., 1948. стр. 9.

² Там же, стр. 13.

гипотетической форме, почему и сам этот этап исследования можно определить как построение первоначально-го предположения о процессе.

Затем исследователь должен превратить гипотетическое суждение о процессе в суждение категорическое. Иными словами, он должен установить, доказать сам факт существования данного процесса развития.

Следующие логические проблемы: раскрытие сущности процесса, ответ на вопрос: что за процесс имел место (дифференциация элемента, подчинение и преобразование связи системой и т. д.) и раскрытие механизма процесса, самого перехода от исходного состояния к состоянию-результату. Составляющие объекта, входящие в пару исторических состояний, непосредственно даны исследователю как внешние, не связанные друг с другом; важнейшая задача как раз состоит в том, чтобы проникнуть в механизм взаимодействия этих составляющих, тем самым объяснить всю сумму происшедших в объекте изменений и преобразований.

Следует оговориться. В процессе конкретного исследования эти задачи очень часто, если не чаще всего, не выступают в качестве самостоятельных этапов исследования, решаются в комплексе. Так, формулирование первоначального предположения может осуществляться в ходе установления самого факта процесса, а раскрытие сущности процесса почти всегда идет одновременно с анализом его механизма¹. Но каждая из этих задач исследования требует для своего решения специфических логических средств, и потому с логической точки зрения их различие и изолированное рассмотрение не только возможно, но и необходимо.

Наконец, мы должны отметить еще ряд задач по воспроизведению процесса развития объекта, связанных с анализом формы исторического процесса. Ведь необходимо помнить, что материалом, непосредственно данным исследователю, являются не элементы, не связи, вообще не внутренние составляющие объекта, но эмпирические факты, со-

¹ Почти, но не всегда. Это видно уже из тех схем процессов развития, которые мы приводили в предыдущей главе. Так, сущность процесса дифференциации принципиально может быть раскрыта (исходя из образующих процесса) и до раскрытия механизма этого процесса, т. е. без привлечения к анализу тех составляющих-условий процесса, которые участвуют в механизме и скрыты на схеме за аморфными Σ' , Σ'' .

бытия, явления. Значит, исследователь должен уметь, во-первых, вычленять в этой конкретно-эмпирической истории, так сказать, «за» ней, внутреннюю структуру процесса, а во-вторых, переходить от этого «оголенного» механизма процесса развития вновь к его конкретно-исторической форме (задача так называемой конкретизации).

В ходе дальнейшего изложения мы остановимся на большинстве из перечисленных задач. Но мы не сможем сделать этого в отношении всех задач. Цель нашего исследования — анализ логических средств (форм, приемов), необходимых для собственно воспроизведения внутренней структуры процесса развития (главным образом элементарного). Ис этой точки зрения такие задачи исторического исследования, как определение границ объекта или анализ конкретно-исторической формы процесса, не имеют прямого отношения к нашей теме. Решение первой из них является предварительным условием воспроизведения процесса развития объекта, и поэтому мы предполагаем его данным; решение второй, напротив, следует за воспроизведением структуры процесса развития, и поэтому мы оставляем ее в стороне.

Но прежде чем приступить к делу, мы должны остановиться еще на одном вопросе, который связан с определением основной логической зависимости, характеризующей процесс научного воспроизведения развития объекта.

2. СИНХРОНИЧЕСКИЙ И ПОЛИХРОНИЧЕСКИЙ РЯДЫ

Представим себе исследователя, имеющего дело с каким-либо сложным органическим объектом. Таким объектом может быть язык или современный рельеф земной поверхности, звездная система или экономический строй общества — специфический характер его для нас безразличен, важно лишь, чтобы он был сложным, т. е. состоял из множества составляющих, и внутренне цельным, т. е., чтобы все эти составляющие были связаны между собой. Перед нашим исследователем стоит совершенно определенная задача — рассмотреть данный объект с точки зрения процесса его развития.

С чего начинается такое исследование? Очевидно прежде всего со всестороннего изучения объекта с целью ответа на вопрос, что собой данный объект представляет, каковы его черты, из каких элементов он складывается и т. д. Конечно, такую работу не должен проделывать каждый исследова-

тель, берущийся анализировать процессы развития. Эта работа уже может быть выполнена в ходе развития науки его предшественниками. Но с точки зрения логической этот этап анализа является исходным.

Всякий объект первоначально дан исследователю как сложное «неразобранное целое» включающее в себя массу первоначально не выявленных и четко не зафиксированных составляющих, находящихся к тому же в видимом беспорядке, пространственном и временном. Часть этих составляющих дана исследователю непосредственно—это так называемые эмпирические, внешние составляющие целого (факты, события, явления; их можно обозначать строчными буквами латинского алфавита: *a, b, c...*). Другая часть может быть вычленена и зафиксирована только с помощью анализа, определенной «обработки» внешних составляющих — это так называемые внутренние составляющие целого. Среди последних мы различали элементы (выше было принято их обозначение прописными буквами латинского алфавита—*A, B, C...*), связи (мы обозначали их строчными буквами греческого алфавита — $\alpha, \beta, \gamma...$), наконец, зависимости (Σ).

В известном смысле различение элементов и связей внутри целого относительно. Ведь под элементами мы понимаем такие формы системы, которые входят в качестве составляющих в связи, с другой стороны, сами связи также могут входить в качестве составляющих в более сложные зависимости (в них они выступают в качестве «элементов»). И все же разница этих составляющих понятна. Элементами, в строгом смысле слова, мы называем такие составляющие, которые характеризуются не только функциональными качествами (поскольку они участвуют в связях), но и качествами субстанциональными, присущими им как отдельным единицам объективной действительности независимо от их связей с другими элементами. Возьмем, например, машину. Как и любой другой элемент сложного целого (системы), она не существует изолированно от других элементов этой системы, вне связей с ними. Найденная, например, без движения где-нибудь в сарае, машина представляет собой только грудку металла, объективно данный предмет, вещь, в высшей степени безразличную по отношению к какой-либо системе и ничем не отличающуюся от других предметов, например телеграфного столба, каменной плиты и т. д. Поэтому у исследователя никогда не воз-

никает и никогда не может возникнуть мысли рассматривать такую машину в качестве элемента капиталистического производства. Но и наоборот, поскольку исследователь рассматривает машину в качестве элемента капиталистической системы, она (машина) предстает перед ним в связи с другими элементами этой системы, именно: «в расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение посредством передаточных механизмов от одного центрального автомата», — на фабрике¹. Иначе говоря, элемент системы всегда есть элемент связанный, или элемент связи этой системы. И все же мы должны очень четко различать эти категории. Машина как объективный предмет, как вещь сама по себе характеризуется рядом свойств, никак не зависящих от тех образований, в которые она входит в качестве элемента. Эта характеристика машины как элемента системы в отличие от фабрики как связи элементов системы лучше всего обнаруживается при выявлении разнообразия форм или типов этой связи. В самом деле, приступая к анализу машинного производства, Маркс проводит «...различие между двоякого рода вещами: кооперацией однородных машин и системой машин»². Нельзя не видеть, что здесь мы имеем дело с двумя различными типами связей элементов (в случае кооперации машин: $M_1—M_1—M_1\dots$, в случае системы машин: $M_1—M_2—M_3\dots$). Но нельзя не видеть и того, что элементарной ячейкой в обоих этих случаях является один и тот же объективно данный, непосредственно воспринимаемый структурный элемент — машина ($M—M—M\dots$). Понятно, что смешение в данном случае категорий элемента и связи будет означать смешение, отождествление машины и фабрики. Но Маркс специально предостерегает нас от этого. Воспроизведя развитие машины из орудия труда, он подчеркивает, что «здесь мы имеем перед собой машину... пока еще только как простой элемент машинного производства»³. Анализ самого машинного производства, как расчлененной системы машин—фабрики, еще впереди.

Но вернемся к нашему «неразобранному целому». Первоначальной задачей исследователя является как раз «разобрать» его, представить уже не в виде некоего аморфного, но в виде строго определенного целого, состоящего из стро-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 387.

² Там же, стр. 384.

³ Там же, стр. 382 (разрядка наша.— Б. Г.).

го определенных внешних и внутренних составляющих. Какими принципами руководствуется при этом исследователь? Ведь очевидно, что, вообще говоря, такое целое можно «разбирать» с различных точек зрения — по морфологическому составу составляющих его форм, по большей или меньшей сложности их внутренней структуры и т. д.

Обращение к практике конкретных исторических наук, имеющих дело с процессами развития объектов, показывает, что все они без исключения придерживаются одного, специфического для них принципа «разбора» лежащего перед ними целого. О «прошедшем» и «современном» говорит историк общества, «горизонтальные» и «вертикальные» отношения различаются в геотектонике и геоморфологии, «пространственные» и «временные» связи — в космогонии и исторической геологии, «синхрония» и «диахрония» — в языкознании, «статика» и «динамика» — в биологии и т. д. Вся эта разнообразная терминология специальных наук призвана выразить собой, в сущности, один и тот же факт — то, что при исследовании процессов развития сложного целого теоретическое мышление располагает весь имеющийся в его распоряжении материал прежде всего по двум плоскостям, играющим роль основных осей координат, в которых ведется историческое исследование, — по плоскостям одновременности и разновременности. По этому принципу внешние и внутренние составляющие целого «разбираются» соответственно в синхронический и полихронический ряды.

Синхронический ряд целого образуют, например, факты и события истории февральской революции 1848 года во Франции периода учреждения республики; элементы и связи развитой капиталистической системы (товар, деньги, капитал и т. д.); элементы какой-либо звездной системы в ее современном состоянии (отдельные формации материи, слагающие систему и данные исследователю наряду друг с другом); формы рельефа земной поверхности в юрский период и т. д.; вообще — любые составляющие целого, взятые в определенный момент (Энгельс говорит: «в точке») его развития.

Если факт одновременности составляющих изображать путем расположения символов одного рядом с другим (одновременность есть рядоположенность), то синхронические ряды целого примут на схеме вид: $a \ b \ c \dots$; $A \ B \ C \dots$; $\alpha \ \beta \ \gamma \dots$; $\Sigma_1 \ \Sigma_2 \ \Sigma_3 \dots$ и т. д. Причем здесь для простоты мы отделили друг от друга ряды элементов, связей и

зависимостей, фактически же результатом «разбора» целого по «оси» одновременности будут синхронический ряд внешних составляющих ($a \ b \ c \dots$) и синхронический ряд внутренних составляющих ($A \ B \ \alpha \ \beta \ \Sigma_1 \dots$). Нетрудно видеть, что последний является рядом всех внутренних составляющих целого, слагающих его структуру, т. е. структурным рядом целого.

Полихронический ряд целого образуют, например, факты и события той же истории февральской революции 1848 года во Франции, относящиеся к разным ее периодам; непосредственный обмен продуктами и товарное обращение; морфологические или синтаксические единицы русского языка времен «Слова о полку Игореве», XVII—XVIII вв. и современного русского языка; структурные формы земной коры в герцинскую и альпийскую эпохи и т. д.; вообще — любые составляющие целого, взятые в различные временные моменты его развития.

Если факт одновременности составляющих изображать путем расположения символов одного над другим (одновременность есть временная последовательность), то полихронические ряды целого примут на схеме вид

$$\begin{array}{cccc}
 \dots & \dots & \dots & \dots \\
 c & C & \gamma & \Sigma_3 \\
 b & B & \beta & \Sigma_2 \\
 a & A & \alpha & \Sigma_1
 \end{array}$$

В отличие от синхронических рядов целого, где порядок расположения составляющих (соответственно — написания символов), разумеется, безразличен ($A \ B \ \alpha \ \beta \ \Sigma_1 \dots \equiv \equiv \alpha \ \Sigma_1 \ A \ \beta \ B \dots$), полихронический ряд допускает единственно возможный порядок расположения составляющих (написания символов), соответствующий временной последовательности возникновения составляющих («снизу — вверх» соответствует «раньше — позже»), так что

$$\begin{array}{ccc}
 \dots & & \dots \\
 C & & B \\
 B & \neq & C \\
 A & & A
 \end{array}$$

Изображая полихронические ряды целого в виде

$$\begin{array}{ccc}
 \dots & & \dots \\
 c & & C \\
 b & \text{и} & B \\
 a & & A;
 \end{array}$$

мы в действительности значительно упрощаем картину. Ведь наш исследователь имеет дело со сложным объектом, поэтому те или иные внешние или внутренние составляющие целого не только следуют друг за другом во времени, но и сосуществуют друг с другом, являются синхронными. Тогда фактически мы имеем не по одному полихроническому ряду (внешних и внутренних составляющих), а по несколько рядов или такие сложные ряды, в каждой временной точке которых имеется не одно, а множество составляющих объекта¹:

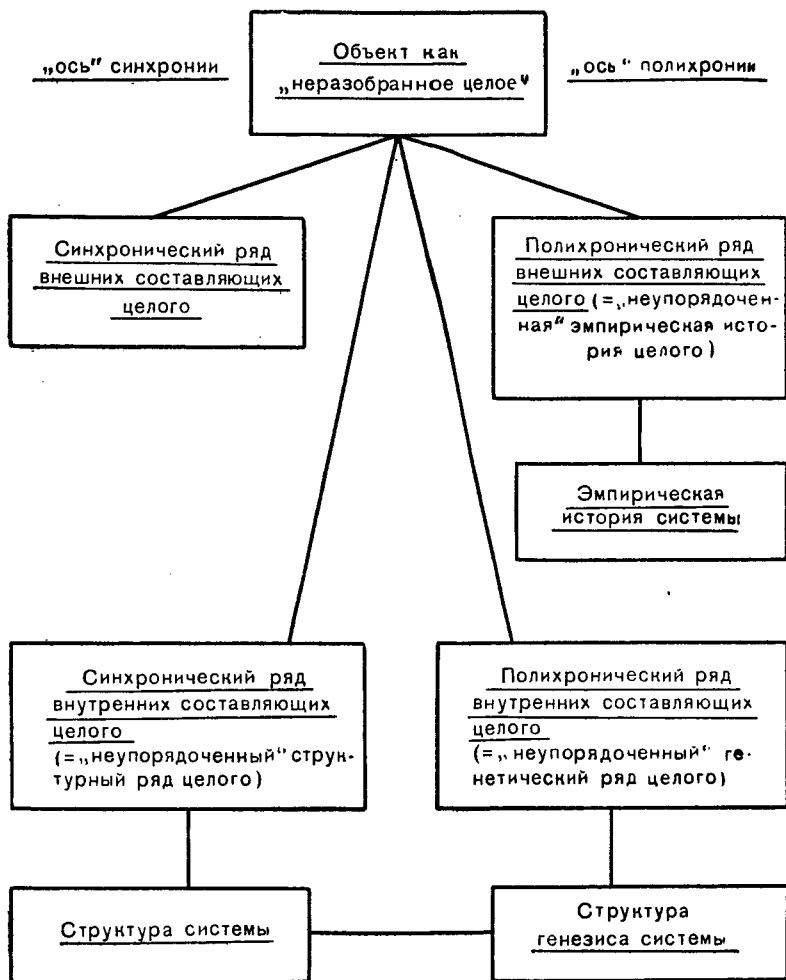
$$\begin{array}{rcl}
 \overset{\dots}{g}h\overset{\dots}{i}\dots & & C\overset{\dots}{\gamma}\overset{\dots}{\Sigma}\overset{\dots}{z}\dots \\
 \text{def}\dots & & B\overset{\dots}{\beta}\overset{\dots}{\Sigma}\overset{\dots}{2}\dots \\
 \text{авс}\dots & \text{и} & A\overset{\dots}{\alpha}\overset{\dots}{\Sigma}\overset{\dots}{1}\dots
 \end{array}$$

Именно эти ряды — полихронический ряд внешних составляющих и полихронический ряд внутренних составляющих — и являются результатом «разбора» целого по «оси» разновременности. Нетрудно видеть, что первый из этих рядов совпадает с так называемой эмпирической историей объекта (еще научно не обработанной), второй же, включающий в себя все внутренние составляющие целого, слагающие структуру развития, — с так называемым генетическим рядом целого.

Понятно, что выделением структурного и генетического рядов целого анализ объекта далеко еще не завершается. В результате проделанной работы целое оказывается «разобраным», но по-прежнему остается все еще неупорядоченным. Исследователю предстоит еще затратить много труда, чтобы определить действительные связи и зависимости внутри структурного и генетического рядов целого. Этот труд и будет исследованием собственно процесса развития объекта. «Упорядоченный» структурный ряд целого предстанет в виде структуры системы, «упорядоченный» генетический ряд целого — в виде структуры развития системы (генезиса), а «упорядоченная» эмпирическая история целого — в виде научно понятой эмпирической истории системы.

¹ В какой-то степени здесь можно провести аналогию с синхроническим рядом внутренних составляющих целого, где (если учесть, что уровни проникновения внутрь объекта могут быть различной глубины) тоже можно говорить не об одном, а о нескольких рядах.

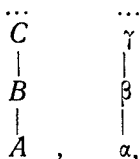
В целом схематически весь процесс обработки «неразобранного целого» можно изобразить так;

Имея в виду «упорядоченные» ряды целого (системы), мы будем изображать их следующим образом: синхроничес-

¹ Горизонтальная черта, соединяющая исследования «структуры системы» и «структуры генезиса системы», подчеркивает, что эти исследования идут в теснейшей связи друг с другом.

кие (структурные) отношения — с помощью горизонтальной черты (—): $A—B—C—\dots$, $\alpha—\beta—\gamma—\dots$, $\Sigma_1—\Sigma_2—\Sigma_3—\dots$, где $A—B \equiv \alpha$, $\alpha—\beta \equiv \Sigma_1$ и т. д., а полихронические (генетические) отношения — с помощью вертикальной черты (|):

или более экономно: $A|B|C|\dots$, $\alpha|\beta|\gamma|\dots$ ¹.

Очень сложной проблемой, связанной с выделением синхронических и полихронических рядов целого, является определение самих понятий одновременности и разновре-
менности.

В самом деле, что может служить критерием для формулирования суждения о двух составляющих системы как о синхронных или как о следующих друг за другом во времени? Конечно, прежде всего — абсолютная временная шкала, единица деления в которой выбирается той или иной наукой в соответствии с установленным темпом развития изучаемого объекта (в истории общества такой единицей чаще всего являются годы, в экономической истории — десятилетия, в антропологии — тысячелетия, в исторической геологии — миллионы лет и т. д.). Хронологизация, т. е. установление абсолютного возраста составляющих целого², и сравнение этих возрастов позволяют считать одни составляющие одновременными, другие разновременными. Там, где невозможно установить абсолютный возраст составляющих, на помощь приходит определение их относительного возраста, т. е. определение возраста не в абсолютных величинах, а по отношению «старше—моложе»³.

Но временная шкала, «разброс» по которой всех составляющих целого является непременным этапом и условием решения проблемы, выручает нас ненадолго. Как по-

¹ Чтение слева направо соответствует здесь чтению снизу вверх.

² Проблема определения возраста форм очень широко стоит в таких науках, как антропология, археология, историческая геология и др. В этих науках разработана специальная методология решения этой проблемы. См., например, Н. М. Страх ов. Задачи и методы исторической геологии, гл. 2; С. Б у б н о в. Основные проблемы геологии, М., 1934, гл. 3.

³ См. об этом Н. М. Страх ов. Задачи и методы исторической геологии; С. Б у б н о в. Основные проблемы геологии.

казывает практика научного мышления, при «упорядочивании» структурного и генетического рядов целого в разряд структурного, т. е. синхронического, ряда нередко попадают составляющие с различных уровней временной шкалы (т. е. заведомо разновременные), в то время как в разряд генетического, т. е. полихронического, ряда — составляющие с одного и того же уровня шкалы (т. е. заведомо одновременные). Причем такое решение вопроса является не только не ошибочным, но единственно правильным. В качестве примера первого рода можно привести уже упоминавшееся нами рассмотрение К. Марксом фактов и событий июльской монархии в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Примером второго рода может служить работа К. Маркса «Теории прибавочной стоимости», где относящиеся к одному и тому же времени с точки зрения абсолютной хронологии научные системы, например Ф. Кенэ, А. Тюрго, Неккера, с одной стороны, и А. Смита, с другой¹, или Д. Рикардо, с одной стороны, и Дж. Милля, Т. Мальтуса, с другой², помещаются исследователем не в синхронические, а в полихронические ряды:

А. Смит	Вульгарная политэкономия
Физиократы,	Д. Рикардо.

Думается, выход из этой трудности надо искать в понятии «состояние объекта». Все составляющие целого, относящиеся (относимые исследователем) к одному состоянию объекта, могут считаться, с логической точки зрения, одновременными. Напротив, составляющие, относящиеся (относимые) к различным состояниям объекта, могут считаться с той же логической точки зрения, разновременными. Разумеется, такое деление относительно. Ведь один и тот же объект допускает к себе подход и как к одному состоянию (характеристика его как этапа в развитии более широкого целого), и как к двум или нескольким состояниям (более или менее подробный анализ собственно развития данного объекта); в зависимости от этого одни и те же составляющие могут оказаться у нас то в структурном, то в генетическом

¹ Сравни даты жизни Ф. Кенэ (1694—1774), А. Тюрго (1727—1781), К. Неккера (1732—1804) и А. Смита (1723—1790).

² Сравни даты жизни Д. Рикардо (1772—1823), Дж. Милля (1773—1836) и Т. Мальтуса (1766—1834).

ряду. Но эта относительность не больше той, которая существует в самой объективной действительности, где всякий объект, всякое целое представляет собой диалектическое единство пространственно-временных отношений. Во всяком случае, в каждом конкретном исследовании с четко определенной задачей эта относительность сменяется безотносительной определенностью: составляющие целого рассматриваются в качестве одновременных или разновременных в зависимости от отношения к выделяемым историческим состояниям объекта.

Остановимся кратко на вопросе терминологии. Предлагаемые нами термины «синхрония» и «полихрония» отличаются от тех, которые употребляются историческими науками для обозначения аналогичных понятий. Однако это вызывается не стремлением к нововведениям, но исключительно тем обстоятельством, что философские и логические понятия и категории должны являться и являются отражением наиболее общих закономерностей объективного мира и процессов его познания, в то время как терминология, употребляемая специальными науками, всегда неразрывно связана со специфическим предметом этих наук и так или иначе несет на себе следы его влияния. (О последнем очень ярко говорит пример геологии, пространственные представления которой сказались на определении одновременных и разновременных отношений объекта как отношений, соответственно, горизонтальных и вертикальных).

Термины «синхрония» и «полихрония» (они близки к употребляющимся в историческом языкознании «синхронии» и «диахронии») точнее всего выражают вкладываемое в них содержание: одновременности и разновременности составляющих. Так, о синхроническом ряде целого можно говорить применительно к любому, в том числе самому древнему, давно умершему, но не только современному объекту. С другой стороны, термин «полихронический ряд» может относиться не только к прошедшему, но и к любому современному состоянию объекта, развивающегося у исследователя на глазах. Именно поэтому термины «прошедшее» и «современное», которыми нередко оперирует историк, очень неточны и не могут быть использованы нами. Далее. Термин «синхронический», «структурный ряд», подчеркивая одновременность составляющих целого, не исключает, но предполагает тот факт, что это целое берется как процесс, в развитии, но не в застывшем состоянии. Та-

кие отношения составляющих целого, как капитальное отношение ($D—T—D'$), или одно из центральных в биологии отношение «организм — среда», с точки зрения принятого различия материала, представляются несомненными структурными, т. е. синхроническими отношениями целого, но ни к одному из них не может быть применен термин «статика», нередко используемый биологами. С другой стороны, и понятие «полихрония» шире понятия «динамика», так как включает в себя не только генетические отношения и связи (процессы), но и простую временную последовательность по принципу *post hoc*, где составляющие целого не связаны друг с другом (по крайней мере непосредственно). Такая последовательность, например, как «диктатура в древнем Риме — диктатура Луи Бонапарта», к исследованию которой прибегает В. Гюго¹, может быть признана полихроническим рядом, но, очевидно, что термин «динамика» здесь никак не применим. То же нужно сказать и о терминах «горизонтальный» и «вертикальный», «пространственный» и «временной», употребляемых в ряде наук. Им также присущи известные недостатки, снижающие их качество при обозначении исходного различия исторического исследования (например, пространственное соседство нескольких составляющих объекта вовсе не исключает их разновременности, т. е. возможности образования полихронического ряда). Все это заставляет нас остановиться на терминах «синхрония» и «полихрония»².

¹ См. В. Гюго. Наполеон малый (Собр. соч., т. 5, 1954).

² Здесь представляется уместным отметить неудовлетворительность и той терминологии, которая использовалась ранее самим автором. Так, в статье «Логические и исторические приемы исследования в «Капитале» К. Маркса («Вопросы философии», 1955, № 4) употреблялись термины «ставший предмет» и «история предмета». Очевидно, последний термин совершенно не годен в силу своей многозначности. Что же касается первого, то он мало ясен и, сверх того, наводит на мысль о законченности процесса развития объекта, причем законченности не только в смысле метафизической «остановки», но и в смысле завершенности, в смысле «высшей точки» в развитии. Между тем речь должна идти о развитии объекта, о любой точке этого развития, но именно о точке (момент одновременности).

Недостатком терминов «структурный ряд системы» и «генетический ряд системы» в том их виде, как они употреблялись в статье «Маркс и современные методы исторического исследования» («Вопросы философии», 1958, № 3), являлось то, что они вбирали в себя и те отношения объекта, которые еще не охватываются понятием «система» (выделяемые нами теперь «синхронический» и «полихронический» ряды *целого*, его *внешних* и *внутренних* составляющих).

3. ЗАВИСИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ «СТРУКТУРНЫЙ РЯД — ГЕНЕТИЧЕСКИЙ РЯД»

Необходимость решения задачи по «разбору» всех составляющих объекта на синхронические и полихронические ряды в каждом конкретном случае исследования вызывается конкретными же обстоятельствами.

Иногда к такому различению синхронии и полихронии исследователь приходит в результате установления различия в самом объективном характере изучаемых процессов. Среди процессов обнаруживаются такие, которые могут быть воспроизведены в мышлении, исходя из структурных отношений целого, и такие, научное воспроизведение которых невозможно без непосредственного обращения к полихроническим рядам. Примером первых может быть, в частности, историческая связь «деньги | капитал», для понимания которой «нет даже надобности обращаться к истории возникновения капитала» (Маркс), поскольку она воспроизводится полностью в развитой капиталистической системе как связь структурная, синхроническая¹. Точно так же: процессы, происходящие в современной структуре земной коры, служат геологу основой для заключения о некоторых исторических процессах², а условия и отношения капиталистического способа производства, являющиеся его результатами и продуктами, т. е. данные в виде синхронического ряда, как «фактическое положение вещей»³, — экономисту для заключения о предпосылках капиталистического способа производства и тем самым о механизме его возникновения. Совершенно иначе обстоит дело с исследованием, например, изменения исторической формы объекта. Так, чтобы установить исторический характер рабочего дня, т. е. вскрыть, что это экономическое отношение есть величина изменяющаяся, зависящая от тех или иных условий, теоретическое мышление совершенно не нуждается

¹ Исторически капитал сначала выступает в форме денег. «Но нет даже надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его проявления. История эта ежедневно разыгрывается на наших глазах» (К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 153).

² См. сборник «К вопросу о состоянии науки об осадочных породах». АН СССР, М., 1951, в частности Н. М. Страхов. О путях построения литологической теории.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 175.

ся в обращении к истории капитализма. Решение этого вопроса вполне достигается путем изучения этого экономического отношения в структуре развитого капиталистического производства, данного исследователю. Другое дело — сам процесс изменения величины рабочего дня. Сколько бы мы ни вглядывались в сегодняшнюю форму этого отношения, мы ни за что не могли бы сказать, что оно представляло собой, скажем, в XVII в. или в начале 40-х годов прошлого века. Ни один элемент исторической формы этого отношения не дан исследователю в структуре объекта, поэтому и процесс изменения ее нельзя воспроизвести без непосредственного обращения к полихроническим рядам. Точно так же можно установить сам факт и раскрыть существо первоначального накопления, исходя из структуры развитого капиталистического производства («Капитал», т. I, гл. 23), но нельзя, непосредственно не обращаясь к истории капиталистического способа производства (полихронический ряд), сказать что-либо о конкретно-исторической форме этого процесса («Капитал», т. I, гл. 24). И понятно: историческая форма любого объекта является (как это ни тавтологично) формой, определяемой всей совокупностью конкретно-исторических обстоятельств, т. е. исторически проходящей. Поэтому анализировать ее возможно, только изучая генетический ряд и эмпирическую историю целого.

Важнейшими конкретно-эмпирическими обстоятельствами, наталкивающими исследователя на путь различения синхронических и полихронических отношений внутри единого целого, являются и те объективные условия, в которых ему приходится заниматься воспроизведением процессов развития. Возьмем, например, космогониста. Объект, с которым он имеет дело, отличается тем, что история его исчезла полностью, не сохранилась ни в каких материальных или, тем более, письменных памятниках. Таким образом, синхрония от полихронии отделена здесь самой природой и отделена, надо сказать, совершенно категорически. Если исследователь все же занимается воспроизведением процесса развития объекта, то делает он это путем изучения той последней, непосредственно данной ему страницы истории, по расположению и структуре «букв» в которой он восстанавливает другие, давно исчезнувшие «листья». В несколько ином положении находились биологи середины XVIII в. (например Б. Жюссье), когда еще до возникновения научной палеонтологии на основе срав-

нительного изучения современных форм растительного и животного царства они выдвигали, хотя и в робкой форме, идею исторического развития органического мира. Особенность их положения состояла в том, что объект, к изучению процессов развития которого они переходили, в ходе предшествующего развития науки был «разобран» только по одной оси — синхронической. Во многом такие же условия исследования характеризовали и работу Маркса, когда он взялся за анализ развития буржуазных экономических отношений. На первый взгляд, это вызывает недоумение, но как раз на это обстоятельство указывал Энгельс как на важнейшее условие, делавшее применение исторического способа рассмотрения для Маркса невозможным: «...нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а это сделало бы работу бесконечной, так как отсутствует всякая подготовительная работа»¹.

Можно продолжать и дальше фиксировать те эмпирические поводы, которые подводят исследователей при анализе объекта к выделению ведущих осей одновременности и разновременности. Но дело не в этих поводах. Высшая логическая необходимость различения синхронии и полихронии заключается в другом: только на основе такого различения создается сама возможность воспроизвести процесс развития объекта. Структурный и генетический ряды целого остаются во многом понятиями абстрактными до тех пор, пока мы не приступаем к исследованию процессов развития. Но как только мы сделали это, как только мы приступили к такому исследованию, эти понятия обретают плоть и кровь, становятся «работающими». Дело в том, что процесс воспроизведения развития объекта есть процесс взаимодействия исследований его структурного и генетического рядов. Об этом говорит анализ логической структуры исследования любого, в том числе уже самого простого процесса.

Возьмем пример так называемого аналогичного изменения в языке, который содержится в книге Ф. де-Соссюра, — процесс изменения одной формы слова — «honus» в другую — «hоног»². Эти формы лежат в полихроническом

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 236 (разрядка наша — Б. Г.).

² Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 151.

ряду, и уже простое их сопоставление в рамках этого ряда позволяет обнаружить сам факт происшедшего изменения. Он воспринимается непосредственно, поскольку речь идет об изменении формы. Но вот мы ставим вопрос о процессе, скрывающемся за видимым изменением, и тут пребывание в рамках только полихронии ничего уже не дает. Более того. Одно только генетическое сопоставление данных форм может привести даже к ложному представлению о процессе, так как создается видимость непосредственного превращения «honos» в «honog». В действительности же здесь имеет место совсем другой процесс. Подобного рода модификация внешнего вида слова нефонетического характера объясняется Ф. де-Соссюром с помощью аналогии, или имеющегося образца. Сравнение форм «honos—honogem» и «orator — oratorem» дает основание заключить, что «влияние» формы «orator» (B), совпадающей с формой «honos» в ряде форм склонения, например, «oratorem» — «honogem», на форму «honos» (A) приводит к образованию новой формы «honog» (A'). Ф. де-Соссюр дает такую формулу образования нового «honog»:

$$\frac{\text{oratoreм}}{\text{orator}} = \frac{\text{honoreм}}{x}, \text{ откуда } x = \text{honog}.$$

Как идет здесь процесс исследования? Во-первых, исследователь прибегает к анализу (путем сопоставления) синхронно данных форм системы — A' и некоторых B, C, D (в том числе «orator»). Причем круг привлекаемых для сопоставления с A' элементов зависит от характера самого A' — в данном случае такими элементами оказываются формы существительного на —ог. Но этого синхронического анализа, очевидно, недостаточно. Поэтому исследователем проводится и историческое (полихроническое) сопоставление A' с A, а также B, C, D с теми предшествующими их состояниями, которые являются синхронными с A (для выяснения факта изменения или неизменности этих элементов). Таким образом, даже не вдаваясь в детали, можно видеть, что исследование этого процесса развития представляет собой определенное единство синхронического и полихронического, структурного и генетического анализов.

Точно такая же картина наблюдается и при воспроизведении процесса развития орудия труда в машину, где исследователь наряду с полихроническим анализом (историческое сопоставление орудия труда и машины) проводит

анализ структурный (обоих исторических состояний объекта) и при воспроизведении процесса дифференциации¹, и при воспроизведении любого другого процесса. Это и понятно: основная логическая закономерность исторического исследования вытекает из самой структуры процесса развития как совокупности связанных между собой исторических состояний объекта. Процесс развития — это ряд состояний объекта, характеризующихся определенной структурой. Отсюда необходимость проведения синхронического, структурного анализа объекта (мы будем обозначать его двумя горизонтальными линиями =, например, структурный анализ связи $A—B$ как $A=B$, или $(A—B)=$). С другой стороны, процесс развития — это связь перехода от одного состояния к другому, отсюда необходимость проведения полихронического, генетического анализа (мы будем обозначать его двумя вертикальными линиями ||, например, генетический анализ связи $A | B$ как $A || B$).

Непонимание этой общей закономерности исторического исследования связано с непоправимыми ошибками, ведущими к полному искажению действительных приемов и способов воспроизведения процессов развития. Одна из них заключается в противопоставлении изучения структурного ряда объекта изучению его генетического ряда и наоборот.

Типичным примером такого рода ошибки может быть философия Г. Риккерта с его учением о принципиально противоположных генерализирующем и индивидуализирующем методах познания. Как мы уже отмечали, принципиально неверным, грубо искажающим фактическое положение вещей было у Риккерта само вычленение генерализирующего и индивидуализирующего методов как методов, соответственно, естественных и исторических наук. Но не менее неверным, как правильно указывает В. Ф. Асмус, было у Риккерта и то, что он даже не ставил перед собой вопроса о диалектическом соотношении и связи этих логических «аспектов» в практике конкретного научного исследования². Все это привело его к отрицанию объективных закономерностей в природе и обществе, к принижению науки до уровня крохоборствующей собирательницы эмпирических фактов, т. е. к фактической ликвидации научного

¹ Подробно мы будем говорить об этом ниже, в гл. V.

² В. Ф. Асмус. Маркс и буржуазный историзм. Соцэкгиз, 1933, гл. 14.

знания. Другой пример подобной ошибки — учение Ф. де-Соссюра о языке. Принципиальная ошибка Соссюра, как справедливо подчеркивают советские лингвисты¹, заключается не в различении диахронических и синхронических фактов в языке, а в незаконном противопоставлении и отрыве их друг от друга, в утверждении, будто «противопоставление двух точек зрения — синхронической и диахронической — совершенно абсолютно и не терпит компромисса»². Результат, к которому приходит Соссюр, — понимание фактов и отношений языка вне категории развития, несколько отличаясь от результатов Риккерта, обусловлен одним и тем же: отрывом и противопоставлением фактов и отношений структурных фактам и отношениям генетическим, отрывом и противопоставлением изучения синхронии и полихронии.

В качестве другой возможной ошибки при анализе приемов и способов воспроизведения процессов развития можно указать преувеличение, гипертрофирование в этом воспроизведении роли структурного или генетического рядов целого. Примером ее является утверждение, будто исторический процесс развития объекта может быть воспроизведен в мышлении путем изучения исключительно истории объекта, — утверждение, не только иногда встречающееся в нашей теоретической литературе³, но — что еще опасней — принимаемое некоторыми историками за руководство к действию и приводящее к серьезным недостаткам в практике научной работы (плоский эмпиризм).

В том-то и дело, что исследование исторических процессов развития сложного целого предполагает изучение и его структуры, и его генезиса, и речь должна идти не о противопоставлении, не об абсолютизации той

¹ См., например, Р. А. Будагов. Из истории языкознания. Соссюр и соссюрианство. Изд. МГУ, 1954.

² Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 90.

³ Тенденцию к такого рода ошибке можно усмотреть, в частности, в таком заявлении: «Опираясь на тщательное изучение огромной массы фактического материала по истории капитализма в различных странах, Маркс вывел законы капитализма как определенной общественно-экономической формации» (сб. «Вопросы диалектического материализма», АН СССР, 1947, стр. 99). Конечно, за такими словами может скрываться и правильное понимание вопроса. Но может скрываться и понимание неправильное — такое, будто вся марксова теория капитализма является результатом всего лишь «суммирования, обобщения истории капитализма», изученной на материале различных стран (там же).

или иной из этих сторон, но о выяснении их действительной взаимосвязи в процессе конкретного научного исследования. Но при этом очень важно подчеркнуть: при исследовании именно процессов. Мы говорим о принципиальной ошибочности отрыва анализов синхронического и полихронического рядов при воспроизведении процессов развития. Но не меньшей ошибкой является и стремление говорить о единстве синхронического и полихронического анализов применительно ко всему и вся, стремление абсолютизировать это единство, распространить его на решение вообще всех задач по исследованию исторического объекта. Именно такое стремление было продемонстрировано рядом советских лингвистов во время всесоюзной дискуссии «О соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка» (1957). И очевидно, что неспособность этих ученых конкретно проанализировать единство исследований структурного и генетического рядов, их неспособность уйти от общих, далеких от логического анализа рассуждений «по поводу синхронии и диахронии» простекала, помимо всего прочего, из того, что неверно определялась сама сфера анализа, что она была по сути дела безбрежной.

Между тем говорить о единстве, о взаимодействии синхронического и полихронического анализов при исследовании исторического объекта нужно далеко не всегда. В пределах любой исторической теории (например в «Капитале» К. Маркса) в качестве отдельных ее моментов можно найти огромное количество примеров вневременного исследования отдельных элементов, связей и зависимостей системы. Такие вневременные исследования исторического объекта могут вырастать до целого, как мы уже отмечали, этапа в работе исследователя, даже до целой отрасли науки, например морфография, астрометрия, а в том же языкознании — описательная или сравнительно-описательная грамматики и т. д. И ничего «страшного», «метафизического», «антимарксистского» в этом нет. Объяснение такого необходимого в известных границах отрыва изучения структурного ряда от изучения ряда полихронического дал К. Маркс, который указывал, что «...анализ является необходимой предпосылкой генетического изложения, понимания действительного процесса развития в его различных фазах»¹. Такой же отрыв, но уже

¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 365.

полихронического анализа от анализа синхронического можно наблюдать при решении строго определенных задач и при исследовании исторического объекта в форме теоретической истории. Так, говоря о необходимости раскрытия закономерностей исторического процесса развития земли, академик Н. М. Страхов совершенно справедливо подчеркивает, что решению этой задачи должна предшествовать задача описательная, заключающаяся «в том, чтобы восстановить историко-геологический процесс таким, каков он был в прошлом»¹.

Когда, в каких случаях начинает идти речь о единстве, о взаимодействии синхронического и полихронического, структурного и генетического анализов? Тогда, когда мы исследуем не просто исторический объект (это слишком широкая постановка задачи), но собственно процессы его развития (в целом или в его отдельных составляющих формах). Причем в этих случаях имеет место не просто единство, не просто взаимодействие этих анализов (о чем мы говорили до сих пор), но определенная зависимость между ними. Формула «и то — и другое» является, лишь самым поверхностным выражением этой зависимости. В действительности же она выражается иначе (конкретно мы будем говорить об этом ниже): воспроизведение в мышлении процессов развития объекта требует изучения и структурного и генетического рядов объекта; при этом анализ и понимание структуры объекта предполагает уже проанализированный и понятый генезис объекта, и, наоборот, анализ и понимание генезиса объекта предполагает уже проанализированную и понятую структуру объекта.

В самом абстрактном и простейшем виде зависимость исследования «структурный ряд — генетический ряд» может быть изображена как

$$\begin{array}{ccc} C & C=D & C=D \\ \parallel & \parallel & \parallel \\ A=B \text{ и } A, & \text{в целом} & A=B, \end{array}$$

или, иначе: $A=B \cdot A \parallel C$ и $A \parallel C \cdot C=D$,

в целом $A=B \cdot A \parallel C \cdot C=D$,

¹ Н. М. Страхов. Задачи и методы исторической геологии, стр. 6.

где знак \cdot означает, что процессы структурного и генетического анализиров идут, с логической точки зрения, одновременно (структурное сопоставление $A=B$ или $C=D$ предполагает в качестве необходимого условия своего осуществления генетическое сопоставление $A \parallel C$, или более конкретно $(A-B) \parallel (C-D)$, и наоборот).

Нетрудно видеть, что это — типичный круг, из которого, казалось бы, нет выхода. Но все исторические науки, изучающие процессы развития объективного мира, с этим кругом не только сталкиваются, но и выходят из него.

Каким образом? Ответ на этот вопрос предполагает проведение конкретного анализа логической структуры определенных приемов и форм исследования. К этому анализу мы и переходим теперь. Причем, как уже отмечалось, мы ограничимся рассмотрением структуры исследования преимущественно элементарных процессов развития.

НАУЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ О ПРОЦЕССЕ

Мы уже говорили, что исследование всякого исторического процесса предполагает знание как об исходном пункте процесса (исходное составляющее, исходное состояние), так и о конечном пункте процесса (составляющее — результат, состояние — результат). При этом, если перед исследователем стоит задача воспроизвести процесс в о з н и к н о в е н и я объекта (задан результат процесса), то он, естественно, для решения задачи должен найти то составляющее (состояние), которое может быть исходным пунктом процесса. Напротив, если задача состоит в том, чтобы воспроизвести собственно процесс р а з в и т и я объекта (задан исходный пункт процесса), исследователь в первую очередь должен отыскать то составляющее (состояние), которое можно рассматривать в качестве результата процесса.

Конечно, окончательное, достоверное знание о генетической связи развития двух (для элементарного случая) составляющих (состояний) системы, выступающих друг относительно друга как исходный пункт процесса и результат процесса, будет получено лишь в итоге, в результате всего исследования. Первоначально исследователь может строить только разного рода предположения, гипотезы о связи развития. Но формулирование такого первоначального предположения, построение гипотетической «генетической пары» является обязательным и важнейшим этапом воспроизведения процесса развития объекта — оно придает исследованию необходимую целенаправленность и структурность. Насколько правильно к заданному со-

ставляющему (состоянию) системы подбирается другое, необходимое для получения «генетической пары» развития, показывает дальнейшее исследование; понятно, что процесс развития удастся воспроизвести лишь в случае правильности, истинности такого выбора.

1. ТРУДНОСТИ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ

Когда мы обращаемся к какому-либо научному произведению, где процесс развития объекта уже воспроизведен, мы очень часто сталкиваемся с иллюзией, будто построение «генетической пары» — вещь совсем не трудная. Ну, например, процесс возникновения денег как он исследован Марксом. С точки зрения читателя здесь все представляется удивительно простым: есть результат процесса — деньги; есть исходный пункт процесса — разумеется, товар; сущность процесса образования денег выясняется путем анализа этой «генетической пары». Все очень ясно. Но как К. Маркс пришел к выводу о $T-T$ как об исходном пункте процесса развития (образования денег)? Было ли это на самом деле таким уж элементарным решением вопроса? Анализ «К критике политической экономии» и «Капитала» говорит о том, что дело обстояло значительно сложнее. Вообще формулирование первоначального предположения о процессе развития оказывается на практике делом чрезвычайно трудным, в том числе и при исследовании развития отдельных составляющих системы.

Абстрактно говоря, при отыскании недостающего до «генетической пары» составляющего исследователь может быть поставлен в весьма разнообразные объективные условия. Различим следующие из них:

а) искомое составляющее A (для случая процесса возникновения B) объективно зафиксировано (посредством тех или иных памятников) в полихроническом ряду целого (системы) в качестве предшествующего. Тогда, очевидно, первоначальное предположение о процессе будет сформулировано правильно, если исследователь найдет это A в одном из состояний системы, предшествующих тому, которое характеризуется B ;

б) искомое составляющее A не сохранилось объективно в полихроническом ряду (какое-либо знание об этом отсутствует), но существует в той самой структуре, в которую входит B . Тогда, очевидно, исследователь правильно сфор-

мулирует предположение о процессе, если найдет это A в синхроническом ряду с B (имеется в виду: найдет в определенности именно исходного пункта процесса возникновения B , что предполагает решение вопроса о генетической последовательности A и B , данных в настоящий момент одновременно);

в) наконец¹, искомое составляющее A не зафиксировано объективно в полихроническом ряду и не существует в структуре, характеризующейся B . Тогда исследователю остается один путь (если он вообще существует!): реконструировать это A , опираясь на любые составляющие синхронического и полихронического рядов системы.

Во всех этих случаях исследователь сталкивается с серьезными трудностями. Ошибки подстерегают его на каждом шагу.

Возьмем первое из выделенных нами условий, самое естественное, когда исследователь в поисках исходного составляющего обращается к полихроническому ряду системы. С одной стороны, генетически связанные между собой A и B могут настолько различаться по своим морфологическим, субстанциональным и функциональным характеристикам (явление типичное, например, при процессах преобразования форм земной поверхности, при так называемой метаморфозе органов растения и т. д.), что исследователю и в голову не приходит предположить об их связи. С другой стороны, составляющие системы, в действительности не связанные процессом развития, сплошь и рядом ставятся исследователем в такую связь.

Частным и в то же время частым случаем просмотра связи является отождествление составляющих системы, в действительности качественно различающихся и отделенных друг от друга целой исторической полосой. Так, в случае анализа товара и денег те самые стороны этих составляющих системы, которые воспроизведены Марксом с такой удивительной четкостью и ясностью, у многих мыслителей до него служили основой серьезнейших ошибок и извращений. Уже в последние десятилетия XVII столетия, писал Маркс, «анализом денег было установлено, что деньги суть товар». Но это было «...лишь началом анализа. Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар,

¹ Мы не говорим о случае, когда A зафиксировано в полихроническом ряду и входит в одну структуру с B . Он является вариантом случаев а) и б).

а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами»¹. Известно, что домарксова политэкономия не решила этой последней задачи. Сводя деньги к товару, она, по сути, отождествила их. В результате товар лишился характеристики исходного пункта, начала процесса. Проблема возникновения денег снималась как несуществующая. С другой стороны, в той же буржуазной политэкономии существовало и представление (Грей), согласно которому «каждый товар есть непосредственно деньги»². Такое отождествление товара и денег приводило к непониманию денег как результата процесса, т. е. к тому же отрицанию (просмотру) исторического процесса развития, к ликвидации проблемы возникновения денег.

Кстати сказать, просмотр связи между товаром и деньгами существовал в домарксовой политэкономии и в другой форме. Деньги по своему происхождению рассматривались как не находящиеся ни в какой внутренней связи с товаром, как простое «...орудие, введенное в обмен извне ради технического удобства»³. Причем это заблуждение имеет тем более важное значение для понимания трудностей построения «генетической пары», что его разделяли даже такие мыслители, как Франклин.

Другой пример отождествления исходного пункта и результата процесса — анализ в истории политэкономии орудия труда и машины, сводящийся к утверждению, что орудие есть простая машина, а машина есть сложное орудие, — к утверждению, по словам Маркса, совершенно непригодному из-за «отсутствия в нем исторического элемента»⁴.

Третий пример — анализ споры и клеточки пыльцы в истории биологии. Явное сходство между этими формами приводило к двум прямо противоположным результатам: одни в спорах видели пыльцу (некоторые ботаники XVIII в.), для других, напротив, пыльца была только спорой (Шлейден)⁵. И те и другие, понятно, не видели здесь никакого исторического процесса развития.

Едва ли не больше трудностей испытывает исследователь при формулировании первоначального предположе-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 99.

² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 77.

³ Там же, стр. 46.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 377.

⁵ См. К. Тимирязев. Исторический метод в биологии, М.—Л., 1943, стр. 102.

ния о процессе, когда исходный пункт процесса он начинает искать в синхроническом ряду целого, среди составляющих, относящихся к одному состоянию с *B*. В самом деле. Допустим, на основе сравнительного морфологического, структурного, функционального и т. д. анализа исследователь пришел к выводу, что *B* можно рассматривать в качестве генетически родственного с *A*, *C*, *D* и т. д. Но как быть дальше? Как определить последовательность возникновения этих составляющих, их место в исчезнувшем полихроническом ряду? Ведь, очевидно, что если *D* возникает позже *B*, то никакой «генетической пары» с целью воспроизведения возникновения *B* с этим составляющим уже не построишь! А возможности здесь таятся самые различные и неожиданные. Например, исследуя одновременно данные группы звезд, так называемых горячих гигантов, и связанные с ними газовые туманности, Г. А. Шайн и В. Ф. Газе поставили вопрос о генетической связи между ними. Рассматривая эту задачу в абстрактной форме, академик В. А. Амбарцумян писал о трех возможных вариантах ее решения: 1) образование туманности из звезд, 2) возникновение звезд из туманности и 3) совместное возникновение их из тел другой породы¹. Об этой же проблеме пишет А. Мейе: сравнение числительных французского, итальянского и испанского языков «позволяет нам предположить, что они восходят к одной и той же первоначальной традиции... Возможны два типа традиции: либо все три рассматриваемые группы восходят к одному общему источнику, либо две из них заимствовали формы третьей»².

Понятно, в таких условиях исследователю очень легко сбиться с правильного пути и «связать» в действительности не связанные или даже связанные в обратном порядке составляющие системы. О возможности таких случаев говорит, например, спор о связи таких двух форм рельефа, как «стадия солончаковых саксауловых лесов» и «песчано-глинистая равнина». Точка зрения В. А. Обручева: «песчано-глинистая равнина представляет лишь последнюю стадию в ряду тех преобразований, которые испытывают аккумулятивный и барханный рельеф». Точка зрения В. А. Ду-

¹ В. А. Амбарцумян. Проблема возникновения звезд в свете новых работ советских астрофизиков («Вестник АН СССР», 1953, № 12).

² А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании, стр. 13.

бянского: «Стадия развития песчано-аккумулятивного рельефа, которая характеризуется развитием солончаковых саксауловых лесов, является стабильной, и, следовательно, не может переходить в равнину. Песчано-глинистая равнина является самостоятельным типом рельефа, с собственным генезисом, независимым от эволюции барханных песков»¹.

Если же исследователь не находит искомого *A* ни в синхроническом ни в полихроническом рядах целого, причем не находит не по причине своей недостаточной прозорливости (от этого обстоятельства мы, понятно, отвлекаемся), а из-за объективного отсутствия *A* в этих рядах, то задача еще более усложняется. Более того, иногда в таких условиях воспроизведение процесса развития оказывается невозможным вовсе. Именно о таком случае пишет, например, проф. Мазарович: «Заложение Каледонской геосинклинали уходит в глубь протерозоя. Несомненно, что ее палеозойская история — это завершение длинного пути развития и огромной эпохи аккумуляции осадков. Резчайший метаморфизм протерозойских отложений не позволяет нам восстановить эту историю»².

Но если исключить подобные случаи, то, несмотря на все трудности, процессы развития оказываются все же воспроизведенными. Значит исследователи правильно формулируют первоначальные предположения о процессе, правильно строят «генетические пары». Но эти правильные решения задачи приходят не в силу очевидности, прозрачности генетических связей исходного пункта и результата процесса, а в результате определенного анализа объекта.

Рассмотрим некоторые логические проблемы, связанные с проведением такого анализа с целью формулирования первоначального предположения о процессе.

2. ПОСТРОЕНИЕ «ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПАРЫ»

A. Выбор исходного составляющего процесса в полихроническом ряду системы. Начнем с проблемы выбора исходного составляющего в ряду предшествующих исторических состояний системы. Почему, например, ставя вопрос о возникновении машины (элемент *B*), Маркс останавливается как на исходном пункте этого процесса на орудии труда

¹ Я. С. Эдельштейн. Основы геоморфологии, стр. 196—197.

² А. Н. Мазарович. Историческая геология, стр. 231—232.

(элемент *A*)? Почему именно *A* он выбирает из всего полихронического ряда целого¹? Колоссальное значение здесь имеет идея генетического тождества и различия.

Еще задолго до Маркса было установлено, что элементы *A* и *B* с о в п а д а ю т по ряду существенных черт — как по своим функциям в системе производства (это совпадение орудия и машины было закреплено в мышлении посредством обобщающей абстракции «средство производства»), так и по своему строению (морфологическое сходство отдельных машин и ремесленных станков, например первоначальной механической прядильной машины и старинной прялки, исключительно велико). В истории политической экономии это совпадение являлось основой для антиисторических определений типа «машина есть сложное орудие», «орудие есть простая машина», стирающих всякое представление о процессе развития. С другой стороны, также задолго до Маркса было установлено и о т л и ч и е элементов *A* и *B* прежде всего в их строении (большая или меньшая сложность); оно также было зафиксировано мышлением путем самих терминов «машина» и «орудие труда».

Что касается Маркса, то главным для него в выборе исходного составляющего было функциональное тождество и функциональное различие *A* и *B*. Применяя по отношению к машине и орудию труда определение «средство производства», подчеркивающее, что оба эти элемента играют одну и ту же роль в системе в целом, Маркс в то же время не упускает из виду, что *A* и *B* суть элементы исторические, что первый из них предшествует другому и что поэтому за выделенным общим должно скрываться различие. Сравнение крупной современной фабрики и организованного на дому ремесленного производства обнаруживает несовпадение функций *A* и *B* и тем самым подтверждает тезис об их историческом различии.

Немаловажную роль здесь, как и при отыскании недостающего до «пары» составляющего в синхроническом ряду, имеет обнаружение «п р о м е ж у т о ч н ы х ф о р м»,

¹ Правда, орудие труда Маркс находит не только в полихроническом, но и в синхроническом ряду целого, рядом с машиной. Поэтому он может выбрать это *A* и из этого последнего ряда. Но суть дела от этого не изменится. Фактически выбор *A* будет идти все же из полихронического ряда, поскольку у исследователя есть знание о генетической последовательности *A* и *B*.

То же самое нужно сказать и о следующем примере — с анализом «пары» *T-D-T* и *D-T-D'*.

связанное со структурным или морфологическим анализом сопоставляемых элементов. Так, например, современный ткацкий станок новейшего образца почти не имеет точек соприкосновения с ремесленным станком. Но он является прямым потомком первоначального механического ткацкого станка. В свою очередь, этот последний по форме почти не отличается от своего старинного предка и тем самым является промежуточным звеном, которое соединяет формы, непосредственно трудно соотносимые друг с другом. Отметим, кстати, что именно обнаружение промежуточной формы (голосеменные) позволило биологам (В. Гофмейстер) прийти к твердому выводу о наличии исторической связи развития между споровыми и семенными¹.

С другим способом построения «генетической пары», который, видимо, можно рассматривать в качестве частного случая построения «генетической пары» с в я з е й системы вообще, мы сталкиваемся при исследовании Марксом процесса функционального преобразования денег (возникновения капитального отношения $D-T-D'$). Здесь Маркс в качестве исходного состояния процесса выбирает связь $T-D-T$, или просто $D-T$, где деньги не обладают функцией самовозрастания. Почему К. Маркс останавливается именно на этом отношении? По какому принципу идет здесь подбор недостающего для «пары» члена? Ответ на эти вопросы дает сравнение связей $D-T-D'$ и $T-D-T$.

Эти связи являются прежде всего связями о д н о г о и т о г о ж е э л е м е н т а системы, именно — денег. В истории политэкономии это обстоятельство порождает определенные иллюзии исследования — приводит к отождествлению денег и капитала, к отрицанию (просмотру) лежащего между ними исторического процесса развития. Но вместе с тем именно это обстоятельство — после различения связей — служит основанием для построения «генетической пары» $T-D-T$ и $D-T-D'$. С другой стороны, эти связи являются связями р а з л и ч н ы м и. Не совпадают прежде всего структуры связей (неодинаковая форма обращения), а за несовпадением структур, указывает Маркс, стоит и различие в самом их общем элементе (деньги как деньги и деньги как капитал). В истории политэкономии это обстоятельство также приводит к определенным иллюзиям исследования: деньги уже не только по своему

¹ К. А. Тимирязев. Исторический метод в биологии, стр. 102.

месту в связи, но и по самой своей природе представляются то дньгами, то капиталом, так что различие самих связей воспринимается как различие свойств, качеств этого общего элемента. Вместе с тем это обстоятельство также является основанием для взгляда на $D-T$ как на исходное состояние процесса.

Таким образом, переход Маркса от $D-T-D'$, как данного результата процесса, к $T-D-T$, как возможному исходному пункту процесса, осуществляется по самому элементу D . Среди всех исторически предшествующих составляющих целого выбирается связь, в которую входит элемент целого, имеющийся и в структуре исследуемой связи. Но одного только момента общности для построения «генетической пары» недостаточно. Более того, наличие только общих моментов у двух составляющих целого так же делает невозможным построение из них «генетической пары», как и абсолютное их различие, несовпадение. Поэтому в качестве второй связи выбирается связь, отличная от первой по своей структуре (более рельефно это отличие видно на схеме процесса IV, где связи изображены как $A'-C$ и $A-B$), так чтобы исследуемый элемент обладал в ней иными функциональными характеристиками.

Могущий показаться естественным и даже в какой-то степени имеющим всеобщее значение (по крайней мере, в рамках воспроизведения возникновения связи), этот способ построения «генетической пары» оказывается, однако, совершенно неподходящим, когда мы начинаем исследовать, например, процесс возникновения той формы отношения «рабочий — капиталист» ($A'-B'$), которая присуща этому отношению в состоянии «крупная промышленность» (процесс преобразования связи).

Допустим, наш исследователь не знает этого и все же попытается пойти по пути, аналогичному с построением «пары» $D-T-D'$ и $T-D-T$. Можно поручиться, что его постигнет неудача. В самом деле. Имея связь $A'-B'$, относящуюся к состоянию «крупная промышленность» (это состояние можно обозначить как II, а связь $A'-B'$ — как α_{II}), исследователь будет искать в полихроническом ряду, в одном из предшествующих состояний целого, некую связь x . Эта связь x должна быть: 1) связью того же элемента системы A (образующего и данную связь α_{II}); 2) связью, отличной по своей структуре от связи α_{II} (вторые элементы, входящие в x и α_{II} , должны быть элементами различными); 3) содержа-

щей в себе элемент A в другой (новой) качественной определенности (в отличие от A , входящего в α_{II}). Но в том-то и дело, что такого x , как исходного пункта в процессе преобразования связи, имсущем результатом α_{II} , исследователь найти не может. Не потому, что элемент A , входящий в α_{II} , не входит больше ни в какие другие связи системы, — напротив, и в синхроническом, и в полихроническом рядах системы можно найти немало других связей A , — а потому, что ни одна из этих связей не может объяснить процесс возникновения α_{II} .

Однако наш исследователь даже и не будет пытаться строить теперь «генетическую пару», аналогичную $D-T-D'$ и $T-D-T$. Дело в том, что в данном случае речь идет не о процессе возникновения связи, а о процессе изменения формы связи. Тут, как мы уже знаем из главы II, «генетическая пара» имеет совершенно иной вид: в качестве исходного составляющего процесса выступает та же связь «рабочий — капиталист», только взятая в исторически предшествующем состоянии системы в целом — «мануфактурное производство» (обозначим это состояние как I , а связь $A-B$ — как α_1).

Связи α_{II} и α_1 имеют одну и ту же структуру и воспринимаются поэтому как одна и та же связь. В случае процесса функционального преобразования элемента связи $D-T-D'$ и $T-D-T$ ($A'-C$ и $A-B$) были различными по своей структуре, один и тот же элемент A выступал в них в различных функциях, и поэтому-то объективно существовала возможность выбора искомой связи по элементу A . Иначе обстоит дело теперь. Взятый за отправной для поисков α_1 элемент A связи α_{II} не даст никакого результата, не приводит к выделению α_1 . И понятно: в связи α_1 он выглядит тем же самым элементом системы A , что и в связи α_{II} (то же самое с элементом B). Но если, с другой стороны, связь α_1 все-таки выбирается исследователем в качестве исходного состояния процесса образования α_{II} , то теперь такой результат достигается уже совсем другим путем.

Чтобы использовать α_1 для построения «генетической пары» с α_{II} , исследователь должен увидеть в α_1 связь, отличную от α_{II} , не совпадающую с ней. Сделать это путем изолированного рассмотрения α_{II} и α_1 невозможно. Но различие это сразу же обнаруживается, если связи начинают рассматриваться в системе в целом, если уже различены исторические состояния системы II и I . Иными словами,

только рассматривая связи α_{II} и α_I в структуре более широкого целого (структура $A'—B'—\Sigma_2$ — для состояния II и структура $A—B—\Sigma_1$ — для состояния I), исследователь может увидеть различие этих связей и потому поставить вопрос о процессе изменения α_I в α_{II} .

Когда мы в самом начале так формулировали задачу, стоящую перед исследователем: «воспроизвести процесс возникновения формы α_{II} связи α », мы старались максимально приблизить эту формулировку к той, которая была характерна для задачи по воспроизведению возникновения капитального отношения (с целью проведения, так сказать, «негативной аналогии»). В действительности же так задача перед исследователем не стоит никогда: сама такая постановка вопроса уже предполагает, что формы α_{II} и α_I различны.

В практике научного исследования самой близкой к принятой нами для удобства рассмотрения постановке задачи будет следующая: «меняется ли историческая форма связи α в ходе развития системы в целом и, если да, то каким образом». Но решение задачи в этом случае предполагает предварительное выделение ряда исторических состояний системы, воспроизведение их структуры и т. д.

Таким образом, построение «генетической пары» в случае процесса преобразования связи идет уже не на основе элемента, входящего в обе связи, а на основе различия исторических состояний целого и выявления в их структурах обеих связей. Мы уже отмечали, что проблема выделения исторических состояний целого имеет самостоятельное значение, выходящее далеко за границы формулирования первоначального предположения о процессе, и является одной из центральных проблем в историческом исследовании вообще. Поэтому мы оставляем ее сейчас в стороне. Но в то же время нельзя не подчеркнуть одного очень важного различия (очевидного в свете сравнения способов построения «генетической пары» при исследовании процесса функционального преобразования элемента, с одной стороны, и процесса преобразования связи, с другой): в одних случаях исторические состояния системы выделяются на основе различия отдельных составляющих полихронического ряда, в других случаях сами отдельные составляющие полихронического ряда различаются только на основе выделения исторических состояний системы в целом.

Б. Выбор исходного составляющего процесса в синхроническом ряду системы. Если говорить о путях, которые приводят исследователя к мысли о генетическом родстве элемента *B*, рассматриваемого с точки зрения процесса возникновения, и других составляющих системы *A, C, D...*, то очевидно, что пути эти в общем и целом одни и те же и не зависят от того, где выбирается «родственное» составляющее — в полихроническом или синхроническом ряду (это — морфологическое, структурное, функциональное и т. д. сопоставление составляющих системы с целью обнаружения их тождества и различия). Специфика выбора необходимого для построения «пары» составляющего в синхроническом ряду состоит в другом — в определении генетической последовательности одновременно данных составляющих системы, в распределении их по генетической лестнице.

Задача такого «генетического обращения» синхронического ряда имеет в историческом исследовании очень широкое самостоятельное значение, связанное с реконструкцией исчезнувшего генетического ряда целого. Поэтому именно ее — «задачу о том, какие из наблюдаемых состояний звезд и каким образом генетически связаны между собой», выдвигает в качестве первоочередной при решении космогонической проблемы В. А. Амбарцумян¹. Именно эта задача — обращение «пространственного соседства или налегания» пород друг на друга «в последовательность во времени» — рассматривается в качестве важнейшей в исторической геологии².

Способы решения этой задачи, приемы генетического обращения, встречающиеся в конкретных науках, весьма разнообразны. Их разнообразие зависит от вида сопоставляемых форм системы; с этой точки зрения можно выделить обращение элементов системы, ее связей, ее состояний. Их разнообразие зависит и от характера самих сопоставляемых форм системы, их строения, типа их структурных взаимоотношений друг с другом; с этой точки зрения можно выделить, например, генетические обращения на основании морфологического со-

¹ В. А. Амбарцумян. Эволюция звезд и астрофизика. Ереван, 1947, стр. 6.

² С. Бубнов. Основные проблемы геологии. стр. 19.

поставления¹, на основании промежуточных форм² и т. д. Очень важным является различие, так сказать, чистого генетического оборачивания, устанавливающего прямую историческую последовательность одновременно данных форм системы («одно предшествует другому»), и тех видов этого оборачивания, которые устанавливают иные виды исторической последовательности (например, оборачивание к третьему, когда обе формы возникают параллельно из третьей). Это различие тем более важно, что в научной практике нередко встречается явное «злоупотребление» чистым оборачиванием. Одна из ошибок такого рода (в космогонии) заключалась, например, в приписывании эволюционного смысла последовательности внегалактических туманностей по классификации Хаббла³. Другая (в языкознании) — в явной недооценке Марром родственных семей языков, происходящих из единого источника, языка-основы, т. е. в излишнем преувеличении роли чистого генетического оборачивания⁴. Между тем чистое генетическое оборачивание возможно далеко не всегда. Да и в случае его возможности необходимо учитывать поправки на время, которые заключаются в том, что та или иная форма структуры системы, будучи оборачиваема в качестве исторически предшествующей некоей другой форме, должна браться в этом качестве не в своем современном виде, но в виде исторически измененном, понятом с учетом протекшего времени⁵.

¹ См. Ж. Ламарк. *Философия зоологии*, т. I. Биомедгиз, 1935, гл. 2; К. А. Тимирязев. *Исторический метод в биологии*, стр. 15; Б. В. Кукаркин. *Исследование строения и развития звездных систем...*, стр. 26; А. Мейе. *Сравнительный метод в историческом языкознании*, стр. 13, 15 и др.

² См., например, Ч. Дарвин. *Происхождение видов*. Биомедгиз, 1937, гл. X, стр. 460, 462 и др.

³ См. Б. В. Кукаркин. *Исследование строения и развития звездных систем...*, стр. 13.

⁴ Уже Ф. де-Соссюр правильно различал: «Одно дело — предположить, что некий индоевропейский праязык породил языки санскрит, греческий, славянский..., другое дело — один из этих языков поставить на место индоевропейского» (*Курс общей лингвистики*, стр. 194).

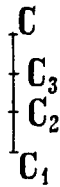
⁵ Примером такого рода чистого генетического оборачивания с учетом поправок на время может быть задача по «историческому вычитанию» в геологии, решаемая с целью реконструкции исчезнувших состояний (структур). Вот как эту задачу характеризует В. В. Белоусов: «Выделение каледонской, герцинской и альпийской

Понятно, в наши задачи теперь не входит рассмотрение конкретного механизма всего разнообразия этих приемов генетического оборачивания. Подробнее мы здесь рассмотрим только один такой прием — тот, который можно было бы назвать эмбриональной разверткой.

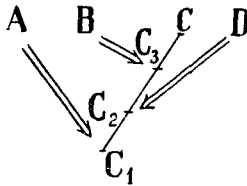
Допустим, имеется синхронический ряд *A B C D*. Перед нами стоит задача: определить генетическую последовательность составляющих ряда, т. е. расположить их в полихронический ряд. Разумеется, формы *A, B, C, D* выбраны не случайно; на основании анализа, вскрывшего, скажем, их огромное морфологическое или функциональное сходство, у нас уже сформировалось предположение о их генетическом родстве (такое предположение вообще является необходимой предпосылкой и условием всякого генетического оборачивания). Мы предполагаем данным и следующее важнейшее условие применения приема, о котором идет речь, — наличие такой системы, отдельные формы которой обладают способностью переживать процессы индивидуального развития (в биологии — онтогенетическое развитие).

Тогда, фиксируя ряд последовательных состояний в процессе индивидуального развития одной из данных нам форм, например, *C*, первоначально принимаемой (на основе сопоставления *A—B—C—D*) за наиболее развитую, следовательно, за исторически позднейшую, мы получаем эмбриональный ряд этой формы

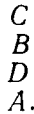
структур требуют соблюдения некоторых методических правил. Поскольку альпийский геотектонический цикл является последним в геологической истории, структурные формы, возникшие в течение этого цикла, сохраняются в чистом виде и не видоизменены более поздними движениями земной коры. Их мы можем наблюдать непосредственно... Сложнее обстоит дело, если мы хотим выявить структуру более древних циклов. Изучение современного залегания герцинского комплекса отложений недостаточно для восстановления герцинской структуры: из современного залегания надо предварительно «вычистить» то, что дополнено более поздними альпийскими движениями» (Основные вопросы геотектоники, стр. 150—151). И еще: «Чтобы выяснить, какие именно структурные формы существовали до того, как они были усложнены последующими движениями, необходимо уметь «снимать» результат этих последних движений, и, таким образом, раскрывать более раннюю структурную историю местности. Такое «снятие», такое вычитание более поздних движений при наличии ряда возрастных этажей возможно путем последовательного (сверху вниз) приведения их слоев в горизонтальное положение» (там же, стр. 135).

Если рассматриваемые формы *A*, *B*, *D* действительно связаны с *C* и друг с другом исторической преемственностью, то каждая из них теперь может быть, так сказать, спроецирована в одну из точек (состояний) полученного ряда. В результате мы будем иметь развертку

а это означает, что генетическая последовательность возникновения рассматриваемых форм такова: 1) *A*; 2) *D*; 3) *B*; 4) *C*. Синхронический ряд *A B C D* оборачивается в полихронический ряд

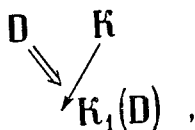

Именно таким приемом исследования пользуется английский эмбриолог прошлого века Маршалль. «Если история развития (индивидуального. — *Б. Г.*), — рассуждает он, — должна быть рассматриваема как сокращенное повторение истории предков, тогда различные ее стадии должны быть возможными в действительности, т. е. все ступени этой исторической лестницы должны быть практически осуществляемы»¹. Имея перед собой ряд форм моллюсков и не зная исторической последовательности их возникновения, Маршалль берет эмбриональное развитие одной из них, принимаемой за высшую, и находит, что каж-

¹ К. А. Тимирязев. Исторический метод в биологии, стр. 159.

дая стадия в истории развития глаза у этой формы «соответствует окончательной ступени развития глаза у какого-нибудь моллюска. Самая ранняя стадия этого развития соответствует простейшему глазу у Solen» и т. д. В соответствии с этим все одновременно данные исследователю формы системы (Nautilus, Patella и др.) получают теперь и свое историческое истолкование¹.

О возможности использования этого приема исследования при генетическом оборачивании таких одновременно данных форм капиталистической системы, как деньги и капитал, говорит К. Маркс (для случая, если бы их историческая последовательность была бы неизвестна). Для того, чтобы убедиться, что деньги исторически предшествуют капиталу, пишет он, нет нужды обращаться к истории возникновения этого последнего. «История эта ежедневно разыгрывается на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном, рабочем или денежном рынке, неизменно является в виде денег, — денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал»². Т. е., в сущности, мы имеем здесь то же самое:

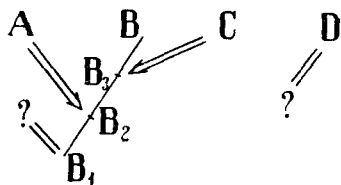
следовательно, историческая последовательность — 1) D ; 2) K .

Но рассматриваемая форма эмбриональной развертки представляется самой простейшей. В ней мы исходили из допущения, что у нас уже имеется предположение о форме C , как о высшей среди всех сопоставляемых. Однако такого предположения с самого начала может и не быть. Тогда весь процесс оборачивания придется начинать с выделения эмбрионального ряда л ю б о й из данных форм системы. И это неизбежно приводит к ряду усложнений в анализе.

Пусть мы имеем развертку

¹ К. А. Т и м и р я з е в. Исторический метод в биологии, стр. 159.

² К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 153.

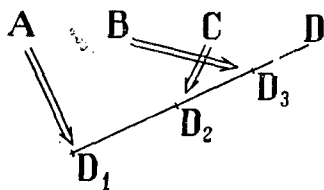

где в эмбриональном ряду B обнаружено состояние B_1 , которому не находится соответствующей формы среди всех синхронно данных, и где, с другой стороны, форма D не может быть спросцирована ни на одно из состояний ряда B . Что касается первой стороны дела, то существование в ряду B состояния B_1 может говорить или о появлении (в связи с изменившимися условиями индивидуального развития B) новой стадии¹, специфической только для данной формы B , или об исчезновении существовавшей ранее формы системы — некоторой E , соответствующей состоянию B_1 . Действительное положение вещей проверяется путем фиксирования эмбрионального ряда какой-либо другой формы системы, лучше всего формы, исторически предшествующей B и ближайшей к предполагаемой вымершей форме, например A . Теперь в зависимости от того, получим ли мы при новой развертке состояние A_3 , совпадающее с B_1 или несовпадающее с ним, выяснится действительное значение состояния B_1 в эмбриональном ряду формы B . Очевидно, если A_3 совпадет с B_1 , значит эти состояния в рядах B и A действительно говорят о какой-то вымершей форме E . Если же A_3 не совпадет с B_1 , то последнее можно будет считать (при прочих равных обстоятельствах) специфическим состоянием ряда B , вызванным особыми условиями индивидуального развития этой формы.

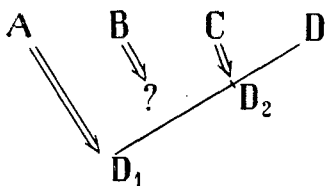
Что же касается второй стороны дела — наличия формы D , не имеющей соответствующего себе состояния в ряду B , — то тут также могут быть две возможности: или некоторое состояние B_4 , которое как раз соответствует D , выпало (в связи с изменившимися условиями индивидуального развития B), или D является формой, исторически позднейшей в сравнении с B . Правильность этих предположений проверяется также путем получения эмбрио-

¹ Ч. Дарвин. Происхождение видов, гл. XIV, стр. 670 и следующие.

нального ряда каких-либо других форм системы, прежде всего самой *D*. При этом, если при развертке *D* мы будем иметь

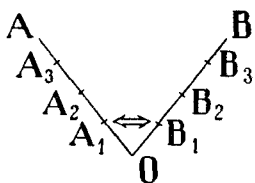
то этим подтвердится правильность нашего второго предположения; если же при этой развертке мы будем иметь

то необходима дальнейшая работа по развертке других форм системы. Работа исследователя может усложниться еще больше, если форма *D* (действительно исторически позднейшая в сравнении с *B*) не сохранила в своем ряду состояния, соответствующего *B*, утратила его -- тогда необходима дополнительная развертка форм, более развитых, чем *D*. И т. д. и т. п.

Возможны и другие, еще более сложные формы эмбриональной развертки. Например, для случая, когда доказано, что некая форма *A* не является ни исторически предыдущей в сравнении с формой *B* (в ряду *B* нет и не было состояния, соответствующего форме *A*), ни исторически позднейшей в сравнении с этой формой (в ряду *A* нет и не было состояния, соответствующего форме *B*), и когда, тем не менее, родство этих форм не вызывает никаких сомнений, Дарвин указывает весьма специфическую форму эмбриональной развертки — развертку «к третьему». Если две или более группы форм, — пишет он, — «как бы сильно они не различались по строению и образу жизни во взрослом состоянии, проходят близко сходные стадии эмбрионального развития, мы можем быть уверены в их происхожде-

дении от одной общей прародительской формы...»¹. В самом общем виде здесь мы имеем

где A и B — две далекие друг от друга структурно данные формы системы; A_2, A_3, B_2, B_3 — несовпадающие друг с другом состояния эмбриональных рядов этих форм; A_1 и B_1 — те соответствующие друг другу состояния этих рядов, которые позволяют нам сделать вывод о совпадении, перекрещивании этих рядов в какой-то неизвестной нам точке (O), т. е. о происхождении форм A и B из единого источника (основы). Впрочем, сущность данной формы эмбриональной развертки ничуть не меняется, если это состояние O нам и известно.

Исключительно интересной и важной для исследования представляется та область использования рассматриваемого нами приема генетического оборачивания, когда эмбриональный ряд той или иной из сопоставляемых форм системы практически не может быть фиксирован (например, в условиях, когда длительность индивидуального развития формы значительно превосходит длительность жизни исследователя) и когда этот ряд, так сказать, искусственно создается самим исследователем с помощью логического или материального эксперимента. Прямое отношение к данному вопросу имеет так называемый «эрозионный цикл» Девиса (ранняя молодость — юность — зрелость — и т. д. страны), сделавшего «попытку чисто дедуктивным путем установить главные стадии, какие должна пройти страна в течение цикла» с целью генетической систематики форм рельефа². Прямое отношение к данному вопросу имеют, по-видимому, и начавшиеся в недавнее время экспериментальные работы в геологии по воспроизведению процессов изменения форм рельефа под влиянием экзогенных факторов. Однако останавливаться на рассмотрении этого

¹ Ч. Дарвин. Происхождение видов, стр. 671—672.

² См. об этом Я. С. Эдельштейн. Основы геоморфологии, стр. 110 и следующие.

вопроса мы не имеем возможности, он ждет своего специального исследования.

В. Реконструирование исходного составляющего процесса. С этой проблемой исследователь сталкивается при построении «генетической пары», когда не находит искомого составляющего ни в синхроническом, ни в полихроническом рядах целого. Именно в таком положении часто оказывается геолог, например, при воспроизведении процесса образования определенного отношения горных пород в зоне контактового метаморфизма. В этом случае, как отмечает С. Бубнов, «первоначальное состояние устанавливается, разумеется, с помощью дедукции, логическая правильность которой должна быть хорошо проверена»¹.

Именно в таком положении оказался и К. Маркс при воспроизведении процесса возникновения денег (процесс раздвоения и обособления сторон целого). Теперь мы знаем, что в качестве исходного пункта этого процесса выступает отношение $T—T$. Но как обнаруживает его исследователь? Очевидно, что отношение $T—T$ не существует в структуре развитой капиталистической системы, поэтому Маркс не мог просто отыскать его среди прочих данных ему составляющих. Не мог его отыскать Маркс и в ряду предшествующих исторических состояний: известно, что он не располагал источниками, относящимися к эпохе непосредственной меновой торговли (на это указывает Энгельс, говоря, что положение Маркса о возникновении меновой торговли на границах различных общин первоначально было только «взглядом» Маркса — взглядом, который после обширных исследований первобытной общины, например, Маурером, Морганом стал бесспорным фактом)².

Исследование, которое пришлось проделать Марксу, состояло в обнаружении простейшего, абстрактного отношения $T—T$ в более сложных, конкретных товарно-денежных отношениях, характерных для развитого состояния капиталистической системы, прежде всего в отношении $T—Д$. Начиная анализ процесса возникновения денег с рассмотрения развитого, непосредственно данного отно-

¹ С. Бубнов. Основные проблемы геологии, стр. 18. Понимая здесь под дедукцией явно не то, что понимается формальной логикой, но какие-то специфические мыслительные построения, С. Бубнов, к сожалению, не дает их логической формы и ограничивается одним только этим общим положением.

² См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 184.

шения $T—D$, Маркс вычленяет в нем в качестве исторически предшествующего «простейшее стоимостное отношение», которое «есть, очевидно, стоимостное отношение товара к какому-нибудь одному товару другого рода — все равно, какого именно»¹. Именно поэтому он говорит о ретроспективном разрешении денежной формы стоимости во всеобщую форму стоимости, всеобщей формы в развернутую форму стоимости и этой последней в ее «конституирующий элемент»: простую товарную форму стоимости².

Важным условием такого вычленения $T—T$ является знание об исторической последовательности элементов T и D , ныне связанных между собой структурно. Дело, конечно, не в том, что $T—T$ вообще не может быть вычленено в $T—D$ без знания об исторической последовательности возникновения товара и денег. Как известно, эта задача вполне осуществляется и без такого знания (и, надо сказать, задолго до Маркса). Но при этом $T—T$ теряет свою историческую определенность как отношения, исторически предшествующего $T—D$, вернее, эта определенность не фиксируется в нем исследователями. «До сих пор господа экономисты, — писал Маркс, — проглядели чрезвычайно простую вещь, а именно, что форма: 20 аршин холста — 1 сюртуку есть лишь неразвитая основа формы: 20 аршин холста — 2 ф. ст.; что, таким образом, *простейшая форма товара*, в которой его стоимость выражена еще не в виде отношения ко всем другим товарам, но лишь в виде отличия от его собственной натуральной формы, *заключает в себе всю тайну денежной формы...*»³. Именно: проглядели.

Для вычленения $T—T$ как не только простейшего, но и исторически первичного по сравнению с $T—D$ отношения необходим учет момента исторической последовательности товара и денег. Учет этого момента даст исследователю основание говорить о самом структурном отношении $T—D$ как об исторически позднейшем в сравнении с каким-то другим структурным отношением, которое характеризует процесс непосредственного обмена товаров до возникновения денег (в данном случае $T—T$), т. е. как об исторически

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 54.

² См. там же, стр. 77.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 115.

возникшем. Иными словами: знание об исторической последовательности структурных элементов системы, связанных отношением в пределах этой системы ($T-D$), дает исследователю основание перейти от этого отношения к какому-то более раннему отношению, из которого это первое развилось.

Вычленение такого исторически предшествующего отношения $T-T$ как возможного исходного пункта в процессе образования денег составляет основное содержание проблемы формулирования первоначального предположения о процессе. Теперь гипотетическая пара генетически связанных между собой составляющих системы имеется. Отношение $T-D$ предполагается результатом в развитии $T-T$, деньги предполагаются связанными в своем образовании с развитием товара.

3. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ В ЦЕЛОМ

Из всего сказанного выше может остаться неясным: как исследователь определяет само направление для поиска недостающего до «генетической пары» составляющего. Почему, например, при исследовании процесса возникновения связи, отправляясь вниз по полихроническому ряду, он обращает внимание то на связи с другой структурой, нежели данная (воспроизведение процесса функционального преобразования элемента), то на предшествующие состояния той же самой связи (воспроизведение процесса преобразования связи)? Откуда у исследователя такая определенность в движении «по объекту»?

Конечно, нужно иметь в виду, что в практике конкретного анализа ход мысли исследователя при построении «генетической пары» почти никогда не отличается такой четкостью и определенностью, которую мы старались придать решению задачи для достижения наибольшей рельефности. И все же конкретный анализ, в том числе и тот этап его, который совпадает с выработкой гипотезы, нельзя представлять себе как бесструктурное «растекание мысли по древу». Приступая к воспроизведению процесса возникновения какого-либо элемента системы, исследователь не будет строить «генетическую пару», характерную, скажем, для случая исследования процесса преобразования связи. И дело не только в неуловимой, с точки зрения логики, интуиции, о которой так любят говорить

западные философы. Дело в том, что в каждом научном исследовании существует нечто, определяющее ход, характер и во многом особенности самого исследования. Этим нечто является з а д а ч а , которую ставит перед собой исследователь. Она висит в воздухе во время всего хода анализа. Она, в частности, определяет и направление и общие границы поиска составляющего, необходимого для формулирования первоначального предположения о процессе.

Четкая и ясная постановка задачи — общей и по этапной — является исключительно важным условием плодотворности исследования. Что собирается проанализировать исследователь, какие процессы развития, каких объектов? Эти вопросы должны быть сформулированы им для себя на каждом этапе исследования, иначе анализ может захлебнуться в обилии эмпирического материала, в бессистемном шараханьи из стороны в сторону. Это само собой разумеющееся, тривиальнейшее условие научного анализа нужно подчеркнуть тем сильнее, что в массе исторических исследований оно сплошь и рядом нарушается, приводя к плоскому эмпиризму.

Построение «генетической пары» является, в сущности, иным выражением, парафразом поставленной задачи. Если, например, задача исследования состоит в том, чтобы проследить процесс развития системы в целом, то, понятно, «генетическая пара» должна быть построена из двух состояний системы с различной структурой (одно состояние, скажем, современное исследователю, берется как данное, как результат процесса, а второе подбирается по принципу различия в структуре в целом). Если задача состоит в том, чтобы воспроизвести процесс возникновения отдельного элемента системы (не того или иного его функционального свойства, а элемента, как такового), то гипотетическая «генетическая пара» строится на основе выбора элемента, сходного и в то же время отличного от исследуемого по своей структуре, по своей роли в системе в целом и т. д., из полихронического или синхронического (с генетическим оборачиванием) рядов целого. И т. д.

Эта связь построения «генетической пары» с постановкой задачи особенно видна при исследовании процесса преобразования связи, когда нужно воспроизвести процесс изменения (возможного) формы связи α . Как мы уже отмечали, для образования первоначального предположения

о процессе в данном случае необходимо подобрать к связи α_{II} какую-то исторически предшествующую α_I . Но, с другой стороны, для исследователя α_I (до тех пор, пока не различены состояния II и I) полностью совпадает с α_{II} , так что вычленив α_I как отличную от α_{II} — значит уже различить II и I, значит уже во многом провести анализ по выяснению исследуемого процесса. Идет ли в таком случае исследование без формулирования предварительного предположения о процессе (которое по самому определению должно логически предшествовать анализу процесса)? Отнюдь нет. Дело в том, что искомая α_I может существовать для исследователя и, так сказать, только потенциально, вне какой-либо конкретно осязательной формы. Ведь в данном случае уже из самой постановки задачи (исследователя интересует не возникновение связи α , но возможное изменение ее формы, следовательно, понимание данного ее состояния α_{II} как исторического) вытекает, по крайней мере, предположение, что исторически могут существовать и другие формы α , отличные от α_{II} — какие-то α_I , α_{III} и т. д. и что поэтому необходимо выделить исторические состояния целого и, проанализировав их, ответить на свой вопрос. Такое первоначальное предположение может быть верным или неверным — это уже другое дело, — но, раз возникнув, оно направляет теперь исследование по строго определенному направлению: само выделение исторических состояний системы имеет в виду и решение интересующей нас задачи относительно преобразования связи α .

С точки зрения выяснения связи постановки задачи и формулирования первоначального предположения о процессе очень важно зафиксировать в логически обобщенном виде объективные условия свершения того или иного процесса (имеется в виду тот или иной тип процесса). Самым приближенным, поверхностным образом это можно сделать уже исходя из имеющихся у нас моделей процессов. Так, наличие сходства в строении двух структурно данных элементов одной и той же системы или двух различных элементов двух родственных систем, при условии генетического оборачивания их к третьему, может быть сформулировано в качестве условия, дающего исследователю основание для предположения об исследуемых элементах как о результате процесса дифференциации исторически предшествующего элемента. С другой стороны, если исследователь

сталкивается с двумя связями, являющимися связями одного и того же элемента системы, связями различными по своей структуре, так что этот общий элемент воспринимается как обладающий различными свойствами, наконец, связями, из которых одна исторически предшествует другой, то — при прочих равных обстоятельствах — мы можем говорить о возможности для нашего исследователя формулировать предположение о процессе, который мы назвали функциональным преобразованием элемента. И так далее. Но, повторяем, подобная характеристика условий свершения процесса является очень поверхностной. Разработку этой проблемы нужно считать одной из первостепенных задач логики исторического исследования.

При рассмотрении проблемы построения «генетической пары» может возникнуть и такой вопрос: а не является ли формулирование первоначального предположения о процессе уже и самим анализом процесса, р е ш е н и е м поставленной задачи? Выше мы уже отмечали, что, в отличие от области логического анализа, в практическом исследовании построение «генетической пары», действительно, почти всегда переплетено непосредственно с самим анализом, так что выдвижение предположения и проверка его истинности идут рука об руку. Но это вовсе не означает, что построение «генетической пары» с о в п а д а е т с воспроизведением процесса развития в целом. Как бы четко ни было сформулировано первоначальное предположение о процессе, как бы исследователь ни был уверен в его истинности (на основании уже проведенного анализа объекта и имеющихся знаний о нем), работа по воспроизведению процесса все же еще впереди. Исследователь даже может уже доказать сам факт генетической связи двух форм или состояний системы, но и тогда сущность процесса (ответ на вопрос: что за процесс имел место), а тем более его механизм остаются для него еще не раскрытыми. С логической же точки зрения мы должны различить и такие проблемы исторического исследования, как формулирование гипотетического предположения о процессе, с одной стороны, и доказательство истинности этого предположения, установление самого факта наличия генетической связи между составляющими системы, выбранными исследователем в качестве «генетической пары», с другой.

НАУЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТА И РАСКРЫТИЕ СУЩНОСТИ ПРОЦЕССА

Итак, первоначальное предположение о процессе у нас уже сформулировано. Теперь исследователь должен убедиться сам и убедить других в том, что между выбранной им парой составляющих системы действительно имеется связь развития, т. е., что выбранные составляющие в действительности являются генетически родственными. Это достигается путем обнаружения взаимного исторического соответствия составляющих системы, их генетического тождества. Логический процесс исследования, с помощью которого решается такая задача, представляет собой процесс сведения одного из составляющих системы, принимаемого за результат процесса, к другому составляющему, принимаемому за исходный пункт процесса. В ходе сведения осуществляется живое взаимодействие исследований структурного и генетического рядов системы.

1. ПРОЦЕСС СВЕДЕНИЯ

Рассмотрим этот процесс прежде всего на примере анализа Марксом возникновения денег, или анализа противоречия товара (что одно и то же¹). Напомним, что «генетическую пару» в данном случае образуют отношения $D-T$

¹ О совпадении этих процессов исследования см. Б. А. Грушин. Процесс обнаружения противоречия объекта («Вопросы философии», 1960, № 1).

(результат процесса) и $T—T$ (исходный пункт процесса)¹.

Как конкретно идет здесь процесс сведения?

Структурный анализ отношения $T—D$, взятого само по себе (обозначим этот анализ как $(T—D)=$), хотя и позволяет Марксу заключить о некоторой общности в содержании элементов T и D (иначе они не могли бы вступить в отношение), ничего еще не говорит о самом возникновении денег именно из товара (или, как выражаются лингвисты, о «генетическом родстве» товара и денег). Товар и деньги воспринимаются в этом отношении как совершенно самостоятельные элементы сложного целого: товар — как продукт, предназначенный для удовлетворения потребностей человека, как средство потребления, деньги — как вещь, предназначенная для удовлетворения нужд обмена, как средство обмена. Правда, и деньги являются предметом потребления, но это потребление особого рода. Вырученные продавцом за продажу товара, они тотчас же отчуждаются им с целью покупки какого-то другого товара, и только этот последний является предметом потребления в собственном смысле этого слова. Деньги же опять выступают в качестве средства обмена, и, выступая в процессе обращения только в такой роли, они кажутся поэтому чисто внешними по отношению к товару, имеющими в сравнении с ним совершенно другую природу (определяемую искусственными соотношениями, вызванными чисто внешними затруднениями в развитии торговли). В истории политической экономии такое понимание взаимоотношений товара и денег составляет, как известно, целый этап².

Еще меньше о генетическом родстве товара и денег говорит исследователю рассмотрение простейшего структурного отношения $T—T$, взятого самого по себе (обозначим это структурное рассмотрение как $(T—T)=$). $T—T$ вообще

¹ Ставя перед собой задачу воспроизвести процесс образования денег, Маркс начинает ее решение с анализа простейшего для капиталистической системы денежного отношения $T—D$. Правда, его интересуют непосредственно сами деньги, а не акт $T—D$. Однако как элемент системы деньги не только не существуют изолированно, вне связей с другими составляющими, но сами представляют собой экономическую связь. Поэтому они не могут быть анализируемы иначе, как в составе определенных отношений. (Как из всего многообразия денежных связей, присущих капиталистической системе, вычленяется простейшее $T—D$, для нас сейчас несущественно. Эта сторона анализа Маркса не связана с проблемой воспроизведения собственного процесса образования денег.)

² К. М а р к с. К критике политической экономии, стр. 39, 46 и др.

представляется крайне аморфным отношением совершенно одинаковых по своему содержанию вещей, которые благодаря своим свойствам удовлетворяют какие-либо человеческие потребности¹.

Таким образом, деньги из отношения $T—D$ кажутся по происхождению никак не связанными с товаром. Точно так же товар в отношении $T—T$ не содержит в себе даже намека на деньги.

Картина резко меняется, как только структурные анализы отношений $T—T$ и $T—D$, проводимые порознь друг от друга, заменяются одновременным структурным анализом и того и другого, дополненным историческим сопоставлением этих отношений (учет момента исторического процесса развития одного в другое).

Зная о качественном тождестве обоих членов отношения $T—T$ и сопоставляя с этим отношением непосредственно данное $T—D$ (где члены отношения представляются безусловно различными, даже чуждыми друг другу), исследователь может уже не просто говорить о какой-то общности в элементах T и D , но более точно определить ее характер. Деньги начинают восприниматься им как тот же товар (хотя и особого рода). И хотя это не мешает исследователю продолжать видеть тайну денег в особой природе того или иного товара, выполняющего в процессе обмена эту роль, во всяком случае в результате такого сопоставления ($T—D$) || ($T—T$) деньги уже не могут рассматриваться как предмет чисто внешний по отношению к товару. Как известно, в истории политической экономии такое понимание взаимоотношений товара и денег также составляет целый исторический этап².

С другой стороны, и аморфное отношение $T—T$ начинает играть в свете $T—D$ всеми цветами радуги. Зная о разл и ч н о й р о л и товара и денег в отношении $T—D$ и сопоставляя это последнее с отношением $T—T$, исследователь видит уже, что и в этом простейшем отношении товары, стоящие по разные стороны от обменивающихся лиц, играют для них (т. е. экономически) весьма различную роль: один из товаров не является для своего владельца потребительной стоимостью и потому отчуждается им в обмен на другой товар, т. е. выступает как средство обмена; дру-

¹ Ср. замечание Маркса о том, что буржуазные экономисты проглядели в отношении $T—T$ неразвитую форму отношения $T—D$.

² См. К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 42.

гой, напротив, не является для него средством обмена, но приобретает им для удовлетворения своих потребностей, т. е. выступает как средство потребления¹.

Таким образом, если из структурного анализа $(T-D) =$ плюс исторического сопоставления $(T-D) \parallel (T-T)$ сделать твердого вывода о том, что деньги есть товар, все еще было нельзя, то теперь, при дополнении этого процесса исследования другим — структурным анализом $(T-T) =$ плюс историческое сопоставление $(T-T) \parallel (T-D)$, — такой вывод уже вытекает сам собой. С одной стороны, деньги в отношении $T-D$ воспринимаются уже как определенный товар, с другой — в отношении $T-T$, в одном из его членов обнаруживается свойство быть средством обмена, т. е. деньгами. Деньги оказываются сведенными к товару, их генетическое родство с товаром не может вызывать теперь никаких сомнений. Тем самым обнаруживается и генетическое тождество состояний $T-D$ и $T-T$.

Механизм процесса сведения денег к товару, выступающего как процесс сведения одного отношения $(T-D)$ к другому отношению $(T-T)$, вполне понятен. В исторически предшествующем отношении $T-T$ невозможно увидеть, так сказать, отблеска денежных отношений без обращения к этим последним. «...Намеки на высшее у низших видов животных, — говорит Маркс, — могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно»². Поэтому процесс сведения предполагает структурное исследование исторически позднейшего отношения $T-D$, т. е. анализ отношения элементов, заведомо различающихся по своим ролям в процессе обмена, и одновременно выявление этих элементов в исторически предшествующем отношении элементов однородных. Говоря об этой закономерности процесса исследования, Маркс выражает ее классической формулой: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»³.

С другой стороны, само исторически последующее отношение $T-D$ не может быть понято как отношение двух товаров без обращения к $T-T$. «...Простейшая форма товара, — говорит Маркс, — ... заключает в себе всю тайну

¹ Если увидеть в простейшем отношении отражение высшего отношения исследователю не удастся, то это может говорить не только о недостаточной проницательности исследователя, но и о неправильном выборе простейшего отношения.

² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 219.

³ Там же.

денежной формы»¹. Поэтому сведение предполагает и процесс, противоположный по направлению: исследование исторически предшествующего отношения $T—T$, т. е. анализ отношения элементов однородных, и одновременно выявление этих элементов в исторически позднейшем отношении, где такой непосредственной однородности элементов уже нет.

Иначе говоря: понимание денег как товара, или обнаружение в отношении разнородных элементов $T—D$ отношения качественно сходных элементов ($T—T$), идет при условии исторического соотнесения $T—D$ с предшествующим отношением однородных элементов $T—T$ (предполагает такое соотнесение в качестве условия своего собственного осуществления):

$$(T—D) = \cdot (T—D) \parallel (T—T).$$

С другой стороны: обнаружение в товаре указания на деньги, или понимание отношения однородных элементов $T—T$ как отношения различающихся элементов ($T_1—T_2$)², также предполагает в качестве условия своего осуществления историческое соотнесение $T—T$ с позднейшим отношением внешне разнородных элементов $T—D$:

$$(T—T) = \cdot (T—T) \parallel (T—D).$$

Нетрудно видеть, что в целом процесс сведения денег к товару, а следовательно, и отношения $D—T$ к отношению $T—T$, приобретает форму

$$(D—T) = \cdot (D—T) \parallel (T—T) \cdot (T—T) = {}^3.$$

На первый взгляд может показаться, что все эти несколько сложные рассуждения можно было бы заменить более простыми: противоречивые стороны товара не могут быть обнаружены без обращения к уже обособившимся в процессе развития его сторонам, а эти последние, наоборот, не могут быть поняты как таковые, т. е. как именно обособившиеся, без обращения к элементу, представляющему собой непосредственное единство этих сторон, и т. д. Однако в действительности такой спо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 115.

² Где T_2 выступает для одного из обменивающихся лиц как потребительная стоимость, а T_1 — как средство обмена.

³ В формуле опущено $(T—T) \parallel (T—D)$, но очевидно, что это сопоставление в данном случае совпадает с $(T—D) \parallel (T—T)$.

соб выражения на данной стадии исследования процесса возникновения денег (анализа противоречия товара) не будет являться законным. Дело в том, что категории «противоречие», «процесс развития», «обособившиеся стороны» еще не существуют для исследователя, они появляются как раз п о с л е завершения процесса сведения, на основе этого процесса.

Точно так же внутренне противоречиво, при диалектическом взаимодействии анализов структуры и генезиса объекта, идет и процесс сведения машины (элемент *B*) к орудию труда (элемент *A*). В общем и целом этот процесс совпадает с только что рассмотренным нами. Покажем это.

Взятый сам по себе, элемент *B* отличается огромным разнообразием форм и, следовательно, свойств. И даже если бы его структурному анализу (обозначим его $B=$) не грозила опасность захлебнуться в обилии эмпирического материала, мы все равно должны были бы ограничить сферу нашего исследования только определенным кругом свойств этого элемента: ведь далеко не каждая из его сторон может что-либо дать нам для понимания исторического п р о ц е с с а развития *A* в *B*. Больше того, исследование с самого начала грозит стать беспредметным, если оно пойдет по линии простого рассмотрения одной стороны *B* вслед за другой. То же нужно сказать и о структурном анализе элемента *A*, взятого вне отношения к *B* (обозначим этот структурный анализ $A=$): *A* можно анализировать сколь угодно долго, и тем не менее у нас не будет никакой гарантии, что этот анализ приведет к пониманию процесса превращения *A* в *B*.

Но цель нашего исследования — не выяснение содержания *A* или *B*, взятых самих по себе, но выяснение их исторического о т н о ш е н и я с целью воспроизведения исторического процесса развития одного элемента в другой. И это обстоятельство определяет как границы нашего исследования, так и его направленность.

В *B* нас интересуют не любые стороны его структуры, но только те, которые являются общими со сторонами элемента *A* и которые, следовательно, так или иначе говорят о с в я з и *B* с *A*. Например, вычленив в *B* такую сторону, как «сложный передаточный механизм» (отсутствующий в *A*), Маркс оставляет ее далее без всякого рассмотрения — эта сторона ничего не дает исследователю для обнаружения

генетического тождества A и B . Совершенно другое значение имеет такая сторона B , как машина-орудие (B_1). Она в общем и целом совпадает с той стороной всякого орудия труда (рабочего орудия ремесленника), которая связана с выполнением работы в собственном смысле этого слова (обозначим ее A_1); она, следовательно, позволяет увидеть A в B , и Маркс сосредоточивает на этой общности все свое дальнейшее внимание.

Очевидно, что сторона B_1 элемента B , вообще говоря, вполне может быть вычленена и без исторического сопоставления B с A , даже без всякого знания об A — в ряду других сторон B ($B=B_1-B_2-B_3-B_4\dots$). Но очевидно и другое — без такого исторического соотнесения B с A сторона B_1 не может быть понята в своем историческом значении и ничего не даст исследователю для понимания исторического процесса превращения A в B . Только соотнеся B с A , можно сказать о B_1 , что эта сторона B содержит в себе общий момент с элементом A . Только сопоставляя B с A , можно вычленить B_1 не просто как одну из сторон B (наряду со множеством других его сторон), но как такую сторону, которая несет на себе определенную генетическую нагрузку в процессе понимания исторического превращения A в B . (То же самое нужно сказать и о вычленении каких-либо других сторон $B: B_2, B_3\dots$, общих у него с соответствующими сторонами элемента $A: A_2, A_3\dots$).

Таким образом, само структурное расчленение B или само логическое вычленение в нем составляющих $B_1, B_2, B_3\dots$ ($B=B_1-B_2-B_3\dots$) является одной из сторон процесса исследования, другой стороной которого является историческое соотнесение B с A ($B \parallel A$). Иначе говоря: процесс вычленения структурных составляющих B , обнаружения в B общих сторон с A возможен лишь при одновременно проходящем процессе исторического соотнесения B с A . Схематически единство этих процессов исследования может быть изображено как

$$B=(B_1-B_2-B_3\dots) \cdot B \parallel A.$$

И здесь мы сталкиваемся с той же зависимостью исследования, которую наблюдали при сведении $D-T$ к $T-T$: проведение структурного анализа составляющего, принимаемого за результат процесса, предполагает в качестве своего условия проведение генетического анализа и, наоборот, сам генетический анализ, само сопоставление B с

A идет с целью структурного анализа B и предполагает его.

То же самое нужно сказать и о структурном расчленении элемента A , имеющем целью обнаружить генетическую связь A и B . Оно должно идти одновременно с историческим соотношением A с B , так как в A должны быть вычленены не любые стороны его структуры, но только те именно ($A_1, A_2, A_3 \dots$), которые должны совпадать с соответствующими сторонами B :

$$A = (A_1 - A_2 - A_3 \dots) \cdot A \parallel B.$$

При этом важно отметить, что само структурное расчленение B , нуждающееся в историческом соотношении с A , предполагает это последнее уже расчлененным. И, наоборот, структурное расчленение A , нуждающееся в историческом соотношении с B , также предполагает это последнее уже расчлененным. Ведь, не зная об A_1 и A_2 , невозможно вычленить как исторически им соответствующие (позднейшие) B_1 и B_2 и, наоборот, не зная об B_1 и B_2 , нельзя понять A_1 и A_2 как исторически им соответствующие (предшествующие). В целом процесс сведения B к A приобретает вид:

$$B = (B_1 - B_2 - B_3 \dots) \cdot B \parallel A \cdot A = (A_1 - A_2 - A_3 \dots)^1.$$

Результатом этого процесса является установление исторического взаимного соответствия между структурными сторонами B и A и, следовательно, генетического тождества между структурами B и A в целом.

Что можно сказать, если сравнить процессы сведения $D - T$ к $T - T$ и B к A . Прежде всего то, что в общем и целом эти процессы совпадают друг с другом, подчиняются общим закономерностям исследования. Это их совпадение видно уже из формул процессов: $(D - T) = \cdot (T - T) = \cdot \cdot (D - T) \parallel (T - T)$ — имели мы в первом случае, $B = \cdot \cdot A = \cdot B \parallel A$ — имеем мы теперь.

Но, разумеется, здесь нет полного совпадения. И не может быть! Диалектическая логика является логикой с о д е р ж а т е л ь н о й. А это значит, что, вскрываемые ею общие закономерности научного мышления всегда проявляются в конкретном виде,

¹ В общей формуле опущено $A \parallel B$. Очевидно, что в рассматриваемом случае $A \parallel B$ также совпадает с $B \parallel A$ (как и в случае со сведением $D - T$ к $T - T$).

в зависимости от особенностей исследуемого объекта. Объективно процесс раздвоения и обособления сторон единого целого (результатом которого являются деньги) отличается от процесса превращения элемента (результатом которого является машина), не совпадает с ним. И это различие объектов исследования не может не сказаться на формах исследования. Оставаясь общими в рамках решения общих задач, те или иные закономерности исследования претерпевают модификацию, принимая специфическую форму в соответствии с особенностями исследуемого содержания.

Так, мы видели, что структурный анализ $D-T$, идущий при одновременном генетическом сопоставлении $D-T$ и $T-T$, заключался в понимании данного структурного отношения D и T , структурный же анализ элемента B (машины), идущий при одновременном генетическом соотнесении B с A (орудие труда), — в структурном расчленении B , т. е. в выявлении внутри B сторон, исторически взаимно соответствующих сторонам элемента A . И это отличие понятно: в первом случае нам были даны отношения системы, во втором — ее отдельные элементы. Отсюда и сам процесс сведения в первом случае выступал в форме сведения отношений, во втором — в форме сведения элементов.

Еще с одной формой процесса сведения мы сталкиваемся, например, при воспроизведении процесса дифференциации элемента.

Допустим, нас интересует возникновение элемента B , имеющего общие черты с синхронно данным элементом C и генетически предшествующим элементом A . Исследование должно установить истинность нашего первоначального предположения о B как о возникшем в результате процесса дифференциации исторически предшествующего элемента. Иными словами, исследование должно установить, что элементы B и C действительно являются родственными элементами, развившимися из одного и того же общего предка A , т. е., что структуры этих трех элементов тождественны¹.

Само по себе структурное расчленение B и C ($B=C$), идущее даже при сопоставлении $B=C$, ничего не говорит

¹ А. Мейе, определяя понятие «родства» языков, подчеркивает, что «оно устанавливает тот факт, что в прошлом был такой момент, когда эти языки составляли один язык» (Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М., 1938, стр. 69).

Исследователю о том, что эти элементы есть результат процесса дифференциации какого-то третьего элемента: наличие у них общих сторон может говорить и об обратном процессе — процессе схождения, или интеграции (в биологии — конвергенции), некогда совершенно далеких элементов. Также ничего не говорят о процессе дифференциации и одни лишь исторические соотношения $B \parallel A$ и $C \parallel A$, произведенные порознь (даже если они дополняются анализом $B =, C =, A =$); наличие у A и B или A и C общих сторон может говорить о том, что здесь имел место процесс превращения одного элемента в другой.

Понимание B как результата именно процесса дифференциации A требует установления генетического родства B и C путем их структурного анализа и сопоставления, идущего одновременно с их историческим соотношением с A . Иначе говоря, процесс сведения B к A заключается: 1) в вычленении в B и C таких общих для них сторон, которые были бы общи у них одновременно и с A , и 2) в вычленении в B и A таких общих для них сторон, которые были бы общи у них одновременно и с C . Иными словами: структурное расчленение B ($B =$) и C ($C =$) должно идти одновременно с их структурным сопоставлением ($B = C$) и с их историческим соотношением с A ($B \parallel A \cdot C \parallel A$) (в B и C нас интересуют только те общие стороны, которые имеются и в A). Одновременно само структурное расчленение A ($A =$) должно идти параллельно с его историческим соотношением с B ($A \parallel B$) и C ($A \parallel C$) (в A нас интересуют стороны, которые имеются и в B и в C). Схема такого процесса сведения принимает вид:

$$1) B = (B_1 - B_2 - B_3 \dots) \cdot C = (C_1 - C_2 - C_3 \dots) \cdot B = C \cdot B \parallel A \cdot C \parallel A,$$

$$2) B = (B_1 - B_2 - B_3 \dots) \cdot B \parallel A \cdot A = (A_1 - A_2 - A_3 \dots) \cdot B = C \cdot C \parallel A,$$

$$\text{в целом: } B = (B_1 - B_2 - B_3 \dots) \cdot C = (C_1 - C_2 - C_3 \dots) \cdot B = C \cdot B \parallel A \cdot C \parallel A \cdot A = (A_1 - A_2 - A_3 \dots),$$

$$\text{или проще: } B = \cdot C = \cdot B = C \cdot B \parallel A \cdot C \parallel A \cdot A =.$$

Нетрудно видеть, что процесс сведения здесь, в общем и целом, совпадает с процессом сведения денег к товару и особенно с процессом сведения машины к орудию труда (поскольку структурный анализ здесь также заключается в расчленении элементов на составляющие). Но в рассматриваемом процессе нетрудно усмотреть и элемент специфичности: сведение выступает здесь в форме с в е

дения к третьему (структурный анализ состоит не только в расчленении данных элементов, но и в сопоставлении синхронно данных *B* и *C*, так что генетический анализ идет как сопоставление с третьим элементом).

Эти особенности процесса сведения при исследовании процесса дифференциации элемента проявляются особенно ярко в случае, когда сходство элементов *B* и *C*, говорящее об их родстве, налицо и когда их общий предок *A* еще только должен быть восстановлен, т. е. когда историческое соотношение *B* и *C* с *A*, являющееся одной из сторон процесса сведения, выступает как восстановление (реконструкция) самого этого третьего *A*. В этом случае особенно ярко видно, что объяснить возникновение *B* невозможно исходя только из структурного сопоставления *B* с *C*, что для выполнения такой задачи необходимо еще историческое соотношение *B* с *A* (именно поэтому только *A* здесь и восстанавливается). Точно так же структурное расчленение *A* с целью понимания возникновения *B* (а здесь — само восстановление сторон структуры этого *A*) невозможно без исторического соотношения *A* с элементами *B* и *C*, исторически из него развившимися. Но, с другой стороны, здесь особенно ярко видна и специфическая форма процесса сведения *B* к *A*. Структурное расчленение *B* требует не только одновременного исторического соотношения его с *A* (как это имело место при процессе сведения элемента), но и одновременного структурного расчленения *C*. Точно так же структурное расчленение *A* требует не только одновременного исторического соотношения его с *B* (как это имело место в процессе сведения элемента), но и одновременного исторического соотношения *A* и *C*. Нельзя установить, — пишет Ф. Соссюр, — первоначальной формы для одного изолированного знака, тогда как два различных знака общего происхождения, как, например, латинское *pater*, санскритское *pitar* («отец»), позволяют наметить ту диахроническую единицу, которая связывает их с неким прототипом¹.

Однако повторяем, главное во всех этих процессах сведения — не их различные формы, но то, что они подчиняются общим закономерностям, совпадают в своих принципиальных чертах. Имея задачей установить генетическое тождество двух исторических состояний объекта, процесс сведения во всех случаях представляет собой диалектичес-

¹ См. Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 192.

кое единство структурного анализа этих состояний и их генетического анализа (в какой бы форме эти анализы ни шли). Причем смысл этого единства состоит в том, что проведение структурного анализа в процессе сведения предполагает в качестве своего условия проведение генетического анализа (структурный анализ одного из состояний объекта должен идти так, чтобы выявить в нем составляющие, генетически соответствующие составляющим другого состояния, а это достигается с помощью одновременного генетического сопоставления обоих состояний). И наоборот: проведение генетического анализа предполагает в качестве своего условия проведение структурного анализа (генетическое сопоставление осуществляется лишь в случае, если структура состояний уже выявлена).

Происходящее таким противоречивым образом выявление общих сторон структуры двух генетически данных составляющих системы и означает, в сущности, сведение их друг к другу. Заметим, что этот процесс мышления значительно отличается от процесса обобщения, хотя смысл последнего также состоит в фиксации общих сторон объектов. Это отличие процессов становится сразу же понятным, если учесть, что результатом обобщения является образование новой абстракции, фиксирующей выявленные общие стороны объектов (например, «машина и орудие труда суть средства производства»), результатом же сведения — установление соответствия, совпадения, тождественности этих сторон. Результаты процесса сведения фиксируются в определениях совершенно иного типа: «машина есть орудие труда», «орудие труда есть машина», «деньги есть товар», «*B* есть *A*» и т. д.

Выше, говоря о подобных определениях, сформулированных домарксовой политэкономией, мы квалифицировали их как ошибочные. Теперь мы приходим к ним сами. Но тут, понятно, нет никакого противоречия. В домарксовой политэкономии на формулировании таких определений все исследование кончалось. В действительном же исследовании развития, в том числе у Маркса, сведение представляет собой только начальный этап. Связанный с подтверждением первоначального предположения о генетической связи составляющих *A* и *B*, этот этап исследования по сути дела ничего не говорит о сущности процесса развития. Более того, подтверждая генетическое родство *A* и *B*, сведение, строго говоря, не подтверждает

еще даже самого факта процесса. Ведь последний представляет собой не только и даже не столько тождество исторических состояний объекта, сколько их различие. Чтобы установить сам факт и воспроизвести процесс развития, нужно выявить это генетическое различие состояний объекта. И решение этой задачи исследования достигается не в процессе сведения, но в процессе выведения одного составляющего (состояния) системы, принимаемого за результат развития, из другого составляющего (состояния), принимаемого за исходный пункт развития.

2. ПРОЦЕСС ВЫВЕДЕНИЯ

Рассматривая в «Капитале» процесс возникновения машины, Маркс так определял задачу своего исследования: «...прежде всего необходимо исследовать, каким образом средство труда из орудия превращается в машину, и ли чем отличается машина от ремесленного инструмента»¹. Здесь хотелось бы отметить два момента. Во-первых, для Маркса, воспроизвести процесс развития, раскрыть его содержание, значит выявить специфику исторически позднейшего составляющего системы. Во-вторых, Маркс говорит о специфике именно исторически позднейшего составляющего, результата процесса. Что касается первого положения, то оно понятно: такая постановка задачи вытекает из самого понимания процесса развития как изменения в структуре объекта. Что касается второго, то оно представляется сначала весьма условным: кажется совершенно безразличным, как ставить задачу: выяснение специфики *B* или *A* — ведь и выявляя отличие *A* от *B*, мы тем самым также выявляем отличие *B* от *A*. И все же здесь есть разница. Она связана с пониманием направления процесса. Ставя вопрос о раскрытии специфики состояния-результата, мы тем самым акцентируем свое внимание на направлении, в котором развивается объект. В этой же связи стоит и такая закономерность исследования: независимо от того, идет ли речь о процессе возникновения *B* (из *A*) или о процессе развития *A* (в *B*), исследование этого процесса и при сведении *B* к *A*, и при выведении *B* из *A* начинается с анализа *B*, результата процесса.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 377 (разрядка наша.— Б. Г.).

Как же конкретно осуществляется процесс выведения? Для ответа на этот вопрос обратимся прежде всего к процессу воспроизведения Марксом возникновения денег из товара. Напомним, что у нас имеются два исторических состояния объекта со структурой, соответственно, $T—T$ (исходное состояние) и $T—D$ (состояние-результат). В ходе и результате процесса сведения было обнаружено и доказано генетическое тождество этих состояний. Теперь исследователь должен обнаружить их несовпадение, причем несовпадение качественное, если он ставит вопрос о процессе развития.

Очевидно, прежде всего, что процесс выведения, обнаружения специфики в структуре $D—T$ не может заключаться в одном только историческом сопоставлении $T_1 \parallel D^1$. Проводимое уже после завершения процесса сведения, т. е. после того как в товаре обнаружено указание на деньги (T_1) и деньги поняты как товар, такое историческое сопоставление не может обнаружить специфики денег в их отличие от T_1 . Все различия D и T_1 , вытекающие из такого сопоставления, являются чисто внешними (например различия в природном материале). Более того. Теперь даже T_1 перестает казаться товаром в его обычном представлении, выступает как деньги, хотя и в другой вещной оболочке. На это указывает Маркс: «...Экономист пытается разделяться с мистическим характером золота и серебра, подсовывая на их место менее ослепительные товары и все с новым и новым удовольствием перечисляя список той товарной черни, которая в свое время играла роль товарного эквивалента»².

В результате этого сам факт процесса возникновения денег из товара остается все еще скрытым в тумане. И туман этот рассеивается только тогда, когда, с одной стороны, историческое сопоставление $T_1 \parallel D$ дополняется структурным анализом $T—D$ ($T=D$), т. е. когда анализ исторически предшествующего отношения $T_1—T_2$ продолжается далее обнаружения различия в элементах его составляющих, и когда, с другой стороны, это историческое сопоставление $D \parallel T_1$ дополняется структурным анализом $T_1—T_2$ ($T_1=T_2$), т. е., когда анализ исторически более развитого отношения $T—D$ продолжается далее обнаруже-

¹ О значении T_1 см. примечание на стр. 127.

² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 64.

ния простой качественной однородности элементов T и D .

Поясним это. Исторически сопоставляя D и T_1 и учитывая при этом внешнюю разнородность T и D в отношении $T-D$, т. е., привлекая к историческому сопоставлению с T_1 также и T :

$$D=T \cdot (D-T) \parallel T_1, \text{ или } D=T \cdot D \parallel T_1 \cdot T \parallel T_1,$$

исследователь в самом этом T_1 видит уже не только средство обмена (обнаружение D в T_1), но и — в качестве другой его стороны — потребительную стоимость (обнаружение T в T_1). T_1 воспринимается теперь как непосредственное единство таких двух сторон, которые в отношении $T-D$ находятся уже в обособлении, т. е. как вещь, в н у т р е н н е п р о т и в о р е ч и в а я.

Могут возразить на это, что здесь нет ничего нового по сравнению со знанием о T_1 , уже полученном ранее: ведь еще до сведения D к T_1 мы знали свойство T_1 быть потребительной стоимостью (с этого, собственно, начинался наш анализ) и уже в процессе сведения D к T_1 мы обнаружили другое его свойство — быть средством обмена. Но такое возражение неосновательно. Знать две стороны объекта еще не значит знать, что именно они образуют его внутреннее противоречие, а обнаруженные до сих пор в T_1 стороны воспринимались нами просто как данные в ряду других его сторон, следовательно, как данные наряду друг с другом — ни о каком непосредственном единстве этих сторон в T_1 , как о его внутреннем противоречии у исследователя не возникало даже и мысли.

Такая мысль появляется впервые только в процессе выведения, а именно — лишь с учетом (в сопоставлении с T_1) внешней обособленности T и D в отношении $T-D$, т. е. лишь с учетом р е з у л ь т а т а уже развившегося до внешнего обособления сторон противоречия.

Но и этого недостаточно. Для совершенно строгого понимания единства этих сторон, как образующего противоречие товара, необходим еще структурный анализ отношения T_1-T_2 . Дело в том, что, хотя T_1 для своего владельца есть не потребительная стоимость, но средство обмена, тот же самый T_1 для своего невладельца является как раз потребительной стоимостью, но не средством обмена (то же — T_2). А о чем это говорит? Во-первых, о том, что взятый вне такого отношения, сам по себе, T_1 (или T_2) может

(и должен) рассматриваться как непосредственное единство обеих этих сторон: как средство потребления, с одной стороны, и как средство обмена, с другой. Во-вторых, о том, что взятый в таком отношении как его элемент T_1 (или T_2) является представителем только одной своей стороны, т. е. о том, что эти стороны товара находятся не только в непосредственном единстве, но и в отношении противоположности. Дополненный таким структурным анализом $T_1—T_2$ процесс выведения принимает, в целом, форму:

$$D = T \cdot (D - T) \parallel (T_1 - T_2) \cdot T_1 = T_2.$$

Так Маркс приходит к обнаружению противоречия товара: от отношения внешне различающихся элементов ($T—D$) к отношению однородных элементов ($T—T$), и от этого последнего — к элементу его составляющему ($T \equiv T_1 \cdot T_2$)¹.

Но и теперь мы описали в процессе выведения только одну сторону дела. Рассматривая товар как противоречивый, мы исходили из отношения $T—D$ и из его элементов T и D , как из уже обособившихся в процессе развития сторон противоречия, т. е. из понимания структуры состояния-результата, как образованной из элементов, представляющих собой разошедшиеся стороны некогда единого целого. Но откуда у нас возникло такое знание? Оно, в свою очередь, получено из рассмотрения самого товара как внутренне противоречивого. Иными словами, процесс обнаружения противоречия, идущий от $T—D$ к T_1 , предполагает одновременно процесс обнаружения противоречия, идущий от $T_1—T_2$ к D , или: понимание товара как противоречивого предполагает понимание денег, как уже обособившейся стороны этого противоречия, и, наоборот, деньги могут быть поняты как именно обособившаяся в процессе развития товара его сторона только при условии знания о внутренней противоречивости товарной природы.

Поэтому к сказанному о процессе выведения необходимо добавить еще следующее. Исторически сопоставляя T_1 с D и учитывая при этом качественную однородность T_1 и T_2 в отношении $T_1—T_2$, т. е. привлекая к историческому сопоставлению с D также и T_2 :

$$T_1 = T_2 \cdot (T_1 - T_2) \parallel D, \text{ или } T_1 = T_2 \cdot T_1 \parallel D \cdot T_2 \parallel D,$$

¹ Знак \equiv означает тождество.

и следователь видит в D уже не просто товар, однородный с T_1 и T_2 , но только одну с т о р о н у отношения $T_1—T_2$, именно ту, которая представлена как средство обмена. Деньги воспринимаются теперь как одна из обособившихся в процессе развития товара его сторон, которая в отношении $T_1—T_2$ находится еще в непосредственном единстве с другой его стороной.

На первый взгляд, мы здесь также не сказали ничего нового: ведь о том, что деньги есть средство обмена, мы знали еще задолго до процесса выведения. Но это свойство денег до сих пор не воспринималось и не могло восприниматься нами как одна из сторон товара, обособившаяся в процессе его развития. Для такого понимания денег необходимо было историческое сопоставление $(T_1—T_2) \parallel D$, т. е. учет и с х о д н о г о п у н к т а процесса развития, где обе стороны товара находятся еще в непосредственном единстве.

Но этого мало. Необходим еще и структурный анализ отношения $D—T$, позволяющий обнаружить, что (в отличие от D) T выполняет здесь роль именно потребительной стоимости. Такой анализ говорит, во-первых, о том, что средство обмена и средство потребления здесь, в этом развитом отношении $T—D$, также находятся в единстве, и, во-вторых, о том, что каждый из членов отношения, взятый сам по себе, такого единства уже не представляет, но является носителем только одной из сторон этого единства, т. е. о том, что процесс развития противоречия (раздвоения и обособления сторон целого) уже совершился. Дополненный таким структурным анализом $T=D$, процесс выведения принимает, в целом, форму:

$$T_1=T_2 \cdot (T_1—T_2) \parallel (D—T) \cdot D=T.$$

Так Маркс приходит к пониманию денег как обособившейся стороны товара: от непосредственного единства двух сторон в элементе $(T \equiv T_1 \cdot T_2)$ к простейшему отношению $T_1—T_2$ как полярному противопоставлению этих сторон с сохранением их непосредственного единства и от него — к внешнему обособлению сторон в различные элементы отношения $T—D$.

Взятый как единство обоих рассмотренных процессов процесс выведения денег из товара представляет собой: 1) **обнаружение противоречия** товара в отношении $T_1—T_2$, идущее одновременно с историческим соотнесением T_1 с

результатом развития этого противоречия ($T-D$), т. е. с отношением уже обособившихся в процессе развития сторон товара: $D=T \cdot (D-T) \parallel (T_1-T_2) \cdot T_1=T_2$, и в то же время 2) понимание в отношении $T-D$ денег как результата процесса раздвоения сторон товара, понимание, идущее одновременно с историческим соотношением D с исходным пунктом процесса развития (T_1-T_2), т. е. с отношением товаров, представляющих собой непосредственное единство раздвоившихся сторон: $T_1=T_2 \cdot (T_1-T_2) \parallel (D-T) \cdot D=T^1$.

В результате деньги оказываются понятыми как элемент, качественно новый по сравнению с теми элементами, которые образовывали отношение $T-T$, а следовательно, и структура $T-D$ — тоже как качественно отличающаяся от структуры $T-T$. Теперь мы уже не только знаем наверняка, что процесс развития здесь действительно имел место, совершился (об этом говорит качественное отличие генетически родственных структур), но и представляем себе содержание этого процесса (определение его как процесса развития противоречивых сторон целого путем их раздвоения и внешнего обособления).

С теми же логическими закономерностями, хотя и проявляющимися в специфической форме, мы сталкиваемся при выведении Марксом машины (B) из орудия труда (A). Смысл этого процесса также состоит в том, чтобы выявить качественное отличие структуры $B_1-B_2-B_3-\dots$ от генетически родственной с ней структуры $A_1-A_2-A_3-\dots$

Как идет здесь процесс? На первый взгляд, как и в случае с выведением денег, дело представляется довольно нетрудным. Ведь поскольку мы должны выявить отличие B от A и поскольку исторически взаимосопоставляющиеся стороны этих элементов ($B_1-B_2-\dots$ и $A_1-A_2-\dots$) нам уже даны, то самым естественным кажется путем простого исторического сопоставления этих сторон — путем, так сказать, вычитания их друг из друга (A_1 из B_1 , A_2 из B_2

¹ Одинаковая форма этих процессов подтверждает, что здесь мы действительно имеем дело с двумя сторонами единого процесса выведения. Совпадая по своей структуре, процессы, составляющие процесс выведения, не совпадают по своей направленности. Для обозначения этого момента в графическом изображении вводится различная последовательность исторически сопоставляемых отношений: $(D-T) \parallel \parallel (T_1-T_2)$ — для процесса обнаружения противоречия (идущего от D к T) и $(T_1-T_2) \parallel (D-T)$ — для процесса понимания раздвоения сторон (идущего от T к D).

и т. д.) — определить тот «остаток», который будет отличать B_1 от A_1 , B_2 от A_2 и т. д. и, следовательно, в целом B от A . Но история науки показывает, что дело тут гораздо сложнее. Ведь сами эти стороны B_1 (рабочая машина) и A_1 (рабочее орудие ремесленника) были известны очень давно. Ведь даже и тогда, когда они еще не рассматривались как исторически взаимосопоставляющиеся (явление, устанавливаемое только в результате процесса сведения), — ведь даже и тогда исследователи могли уже сопоставить и сопоставляли их друг с другом. Тем не менее все это не могло привести к желаемому результату. До Маркса лишь единицы в простом эмпирическом явлении — механическом характере орудий — могли открыть великую загадку машины и тем самым выявить действительную специфику ее в отличие от простого орудия труда. К тому же такое историческое сопоставление B_1 и A_1 , B_2 и A_2 с целью выявления специфики B представляется особенно затрудненным после сведения B к A , ведь до сих пор стороны B_1 и A_1 , B_2 и A_2 рассматривались исследователем только в плане их совпадения, тождества. Короче говоря, процесс выявления специфики исторически позднейшего элемента B , процесс выведения его из исторически предшествующего элемента A не может заключаться в простом историческом соотношении элементов структуры A и B . Он включает в себя еще какие-то мыслительные операции.

В процессе сведения машины к орудию труда Маркс обращает большое внимание на такую сторону этих элементов, как количество участвующих в работе инструментов. Эта сторона отличает рассматриваемые элементы друг от друга, и уже простое историческое сопоставление B и A позволяет увидеть это различие: количество рабочих инструментов, которым человек может действовать одновременно, ограничено количеством его естественных орудий производства, количеством органов его тела (поэтому прялка, например, включает в себя только одно веретено); машина же уже с самого начала своего появления несет с собой количество инструментов, значительно превосходящее возможности человека (например, «джинни» прядет 12—18 веретенами). Подобно историческому сопоставлению B_1 и A_1 одно только историческое сопоставление этих сторон также не вскрывает действительной специфики элемента B — отличие его от A , устанавливаемое в этом последнем случае, представляется чисто количественным

отличием и потому также недостаточно. Но то, что не удается сделать путем разрозненных исторических сопоставлений сторон элемента B и соответствующих им сторон элемента A ($B_1 \parallel A_1, B_2 \parallel A_2 \dots$), оказывается возможным при увязывании этих процессов между собой, при дополнении их структурным анализом сторон каждого элемента.

Говоря о количестве участвующих в работе рабочих инструментов, Маркс сопоставляет эти стороны элементов A и B с другими сторонами их структуры (например, характер участия человека в процессе труда) и таким образом приходит к выявлению важнейшей структурной связи, характеризующей оба элемента. В случае орудия труда эта связь выступает как «рабочий инструмент — человеческий организм», в случае машины — как «рабочий инструмент — механизм». Именно здесь Маркс нащупывает историческую специфику элемента B , отличие его структуры от структуры A , и теперь он с полным основанием может заявить: орудие труда из орудия человеческого организма превращается в орудие механического аппарата — в машину, работающую орудиями.

Как идет здесь процесс исследования?

Генетически сопоставляя элементы $B_1, B_2, B_3 \dots$ и $A_1, A_2, A_3 \dots$, Маркс одновременно структурно увязывает первые между собой с целью выявления отличий в структуре B . И именно анализ этой структурной связи $B_1 = B_2 = B_3 \dots$, происходящий одновременно с историческим анализом $B_1 \parallel A_1, B_2 \parallel A_2, B_3 \parallel A_3 \dots$, дает возможность обнаружить такую сторону B или, вернее, такое отношение между его сторонами, которым нет исторически соответствующих в элементе A .

Как видим, процесс обнаружения специфики исторически позднейшего элемента B — процесс выведения B — является, как и выведение денег из товара, процессом двухсторонним. С одной стороны, он заключается в анализе структуры B (здесь исследователь должен найти специфические моменты B в отличие от A), а, с другой стороны, в генетическом сопоставлении элементов структуры B с A (так как исследователя интересует отличие B именно от A). Схематически этот процесс может быть изображен как

$$B_1 = B_2 = B_3 \dots (B_1 - B_2 - B_3 \dots) \parallel (A_1 - A_2 - A_3 \dots).$$

Но эта формула не является полной. Мы исследуем

специфику *B*, и потому *B* участвует в процессе выведения в целом, во всех своих структурных элементах и связях (вычлененных при сведении). Но как участвует в этом процессе *A*? Очевидно, тоже в целом. Для понимания отличия машины от орудия труда при сравнении рабочей машины с рабочим инструментом ремесленника совершенно необходимо привлечение факта множества орудий в составе рабочей машины (тем самым факта «независимости» количества орудий от рабочего).

Но с той же целью при том же сравнении важно и знание о зависимости такого количества орудий от рабочего в случае простого орудия труда¹. Значит, исследователь должен провести и структурный анализ *A* с целью определения отсутствия в его структуре таких сторон или отношений, которые имеются в структуре *B*. Значит, наряду с изображенным процессом мы будем иметь при выведении *B* из *A* и процесс

$$A_1 = A_2 = A_3 \dots (A_1 - A_2 - A_3 \dots) \parallel (B_1 - B_2 - B_3 \dots).$$

Взятый же в целом, процесс выведения примет вид:

$$B_1 = B_2 = B_3 \dots (B_1 - B_2 - B_3 \dots) \parallel (A_1 - A_2 - A_3 \dots) \cdot A_1 = A_2 = A_3 \dots$$

Результатом этого процесса является выявление действительного исторического отличия структуры *B* от *A* и, следовательно, раскрытие содержания исторического процесса превращения *A* в *B*. Мы уже отмечали выше, что структура обнаруженного процесса станет совершенно прозрачной, если заменить принятые нами обозначения сторон элементов *A* и *B* другими знаками, если, например, структуру *A* изобразить как *K—L—M—N*, а структуру *B* — как *K'—L'—M'—P*².

Сравнивая процессы выведения *D—T* из *T—T* и *B* из *A*, нетрудно видеть, что эти логические процессы отличаются друг от друга по своей форме. В самом деле. В первом случае речь шла о понимании данных исследователю элементов структуры состояния-результата как отличных от данных же элементов структуры исходного состояния. Во втором — о вычленении в структуре состояния-результата сторон и отношений, отсутствующих в структуре исходного состояния. И это различие в формах анализа понятно: ведь различаются,

¹ К. Маркс говорит об «органических ограниченностях, которым подчинено ручное орудие рабочего» (Капитал, т. I, стр. 380).

² См. стр. 70.

не совпадают друг с другом и сами анализируемые процессы развития. С другими, специфическими формами процесса выведения мы столкнемся при воспроизведении других типов объективных процессов развития, например процесса дифференциации элемента (где будет иметь место выведение из третьего — форма более сложная, нежели просто выведение элемента: $B_1=B_2=B_3\dots(B_1-B_2-B_3\dots) = (C_1-C_2-C_3\dots) \cdot C_1=C_2=C_3\dots(B_1-B_2-B_3\dots) \parallel (A_1-A_2-A_3\dots) \cdot A_1=A_2=A_3\dots(C_1-C_2-C_3\dots) \parallel (A_1-A_2-A_3\dots)$, или процесса функционального преобразования элемента (возникновения капитала, где будет иметь место форма выведения также более сложная, нежели в выведении от ношения, характерное для случая возникновения денег) и т. д.

Но вместе с тем во всех случаях, независимо от конкретной формы исследуемого объекта, мы можем и должны говорить об общих логических закономерностях процесса выведения вообще. Эти общие закономерности состоят прежде всего в том, что, как и процесс сведения, выведение представляет собой противоречивое диалектическое единство структурного и генетического анализов объекта: проведение в процессе выведения структурного анализа состояний объекта предполагает в качестве своего условия проведение генетического анализа (структурный анализ должен идти так, чтобы выявить качественное отличие состояний, а это достигается с помощью идущего одновременно генетического сопоставления этих состояний), и, наоборот, проведение генетического анализа состояний предполагает в качестве своего условия проведение их структурного анализа (генетическое сопоставление осуществляется, если структура состояний уже известна).

Важнейшей закономерностью научного воспроизведения всякого процесса развития является теснейшая связь самих процессов сведения и выведения. Эта связь такова, что только в ней эти процессы осуществляются собственно как сведение и выведение. Взятые вне такой связи, они превращаются из средства исследования исторических процессов развития в свою противоположность: процесс сведения начинает вести только к отождествлению исторических элементов, а процесс выведения — только к их внешнему различению, тем самым и тот и другой — к отрицанию каких бы то ни было исторических процессов развития.

Диалектика взаимодействия процессов сведения и выведения заключается не только в том, что эти процессы дополняют друг друга, но и в том, что осуществление каждого из них предполагает осуществление другого. Само проведение процесса сведения, в ходе которого устанавливается генетическое взаимное соответствие двух состояний объекта, имеет смысл лишь тогда, если эти состояния различны, более того, если это их различие уже зафиксировано (хотя бы в чувственной форме). Точно так же и выведение, в ходе которого обнаруживается специфика состояния-результата: применение этого приема имеет смысл лишь в том случае, если исследуемые состояния генетически тождественны, родственны и если эта их тождественность также уже зафиксирована. Более того. Проводя структурный и генетический анализ с целью обнаружения качественно новых моментов в структуре состояния-результата, исследователь в ходе процесса выведения может привлекать к анализу не только составляющие-образующие процесса, но и другие составляющие системы (именно так, например, идет выведение при воспроизведении процесса возникновения капитала, где для понимания качественного отличия элемента C от B^1 необходимо привлечение структурно связанных с C других составляющих системы). Но саму специфику состояния-результата исследователь будет искать не в любых составляющих структуры этого состояния, не во всей совокупности сторон и свойств этой структуры, но только в тех ее сторонах, граница которых уже очерчена в процессе сведения и которые являются общими со сторонами и свойствами исходного состояния².

Говоря о взаимной предполагаемости процессов сведения и выведения и их связи в ходе воспроизведения развития объекта, вероятнее всего предположить, что в рамках конкретного исследования эти процессы практически идут одновременно. Разумеется, формула, призванная выразить

¹ См. схему процесса на стр. 45.

² Одна из серьезных опасностей, которая подстерегает исследователя при процессе выведения, состоит как раз в том, что анализ начинает идти по линии установления чисто внешних (с точки зрения структуры процесса) различий между выделенными историческими состояниями объекта. Маркс говорит в этой связи о типичнейшей ошибке, встречающейся в истории политэкономии при анализе процесса превращения орудия труда в машину (см. Капитал, т. I, стр. 377—378).

такую логическую зависимость, должна отличаться большой сложностью.

Именно в результате такого объединенного «сведения-выведения» факт существования процесса может считаться окончательно установленным. Гипотетическая «генетическая пара» составляющих (состояний) превращается теперь в пару достоверную, не вызывающую никаких сомнений. Больше того. В ходе процесса выведения благодаря обнаружению отличия структуры-результата от исходной структуры мы уже не просто выясняем, что процесс здесь действительно шел, но и воспроизводим основное содержание, сущность процесса. Теперь, выведя деньги из товара, мы можем сказать, что первые возникли в результате раздвоения и обособления сторон второго, выведя машину из орудия труда — что первая есть результат превращения второго и т. д. И это понятно: раскрытие конкретной формы качественного отличия исследуемых структур дает нам возможность говорить о конкретном типе объективных процессов развития, имевшем здесь место.

Но и теперь воспроизведение процесса развития еще не завершено: даже успешно осуществив сведение и выведение, исследователь еще не воспроизвел конкретного механизма процесса, не ответил на вопрос: в результате какого взаимодействия и каких составляющих системы исходное состояние объекта превратилось в состояние-результат.

НАУЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ. РАСКРЫТИЕ МЕХАНИЗМА ПРОЦЕССА

Уже из изложенного выше понимания структуры процесса развития вытекает, что раскрытие механизма любого элементарного процесса предполагает анализ не только его образующих, но и его условий. Исключение составляют лишь так называемые имманентные процессы (типа рассмотренного нами раздвоения и обособления сторон единого целого), когда развитие является результатом взаимодействия исключительно внутренних сил объекта (составляющих внутреннюю структуру исходного образующего) и идет при неизменных условиях внутри более широкого целого. Если же взять процессы дифференциации элемента (II), функционального преобразования элемента (IV), преобразования связи (V) и другие в том их виде, как они были рассмотрены выше, то во всех этих случаях развитие образующего-исходного пункта процесса в образующее-результат происходит не непосредственно, не само по себе, но вследствие изменений внутри системы в целом, т. е. вследствие взаимодействия образующих элементарного процесса с другими составляющими системы, играющими роль условий процесса. Раскрытие механизма процесса в этих случаях как раз достигается путем анализа этого взаимодействия. И отсюда следует важный вывод: раскрытие механизма процесса всегда есть анализ исторических состояний объекта, более широких по своей структуре, нежели структура образующих процесса.

Рассмотрим некоторые стороны исследования механизма процесса, прежде всего проблему выявления тех составляющих системы, которые являются условиями процесса развития.

1. АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ. ВЫЯВЛЕНИЕ СОСТАВЛЯЮЩИХ-УСЛОВИЙ ПРОЦЕССА

Возьмем процесс возникновения капитала, или новой функции денег быть капиталом. Предположим, что операции сведения и выведения, дающие исследователю основание говорить о связях $T-D-T$ и $D-T-D'$ как, соответственно, об исходном пункте и результате процесса развития, уже проведены. Теперь необходимо ответить на вопрос: как именно шел процесс, каков его механизм?

Как уже говорилось, связи $D-T-D'$ и $T-D-T$ (обозначим их, соответственно, как $A'-B$, или β , и $A-B$, или α)¹ являются связями различными. Причем это их различие представляется первоначально различием в самом элементе A : деньги выступают то как просто деньги (A), то как капитал (A'). Отсюда в политэкономии до Маркса рождается множество попыток представить процесс возникновения капитала в качестве имманентного превращения A в A' . Но, мы знаем, все они были далеки от действительного понимания процесса и разбивались о тот факт, что о деньгах, если они взяты сами по себе, положительно невозможно сказать, чем они являются — средством обращения или капиталом. Более того, «капитальная стоимость в денежном состоянии может выполнять лишь функции денег и никаких иных»², с другой стороны, самые простые деньги в пределах системы могут быть израсходованы как капитал, т. е. приобрести свойство самовозрастания. При таком положении вещей возникновение качества денег быть капиталом совершенно необъяснимо из природы самих денег. Следовательно, остается предположить, что исторически позднейшее свойство денег быть капиталом (A') есть не свойство их самих по себе, но свойство их с α и с какими-то другими составляющими системы, отсутствующими ранее, и что возникновение этого свойства (этой связи) может быть объяснено исключительно путем выяснения тех изменений внутри системы в целом, которые отличают исторически позднейшее ее состояние, характе-

¹ См. схему на стр. 45. Здесь, в отличие от схемы, результат процесса обозначается не $A'-C$, но $A'-B$, так как на данной стадии анализа исследователь еще не выделил C (товар «рабочая сила») в качестве нового составляющего системы, качественно отличающегося от старого B (любой товар).

² К. М а р к с. Капитал, т. II, стр. 24.

ризующееся связью β (мы будем обозначать его II) от состояния исторически предшествующего, характеризующегося связью α (мы будем обозначать его I). Так исследователь приходит к задаче нахождения составляющих-условий процесса развития.

Структурный анализ состояния II позволяет обнаружить все элементы системы $B, C, D...$ и все связи $\gamma, \epsilon, \delta...$, которые связаны с исследуемым элементом A' и, следовательно, являются условиями существования связи β . Правда, такой структурный анализ не является делом легким. Ведь в состояние II входит огромное количество связей и элементов, взаимосвязанных с β , поэтому структурному анализу с самого начала грозит серьезная опасность захлебнуться в обилии всех этих связей и элементов. Достаточно сказать, что в качестве условий существования капитала исследователь должен перечислять и товар, и деньги, и машину, и развитую торговлю, и большие запасы денег, и налаженный транспорт и т. д. и т. п.; за всем этим многообразием материала он может потерять главные связи и элементы, обуславливающие существование β (в частности, перейти от условий собственно капиталистического производства к так называемым всеобщим определениям, характерным для всякого производства вообще, и совершить ошибку, которую можно было бы назвать «потерей объекта»). Но мы предполагаем, что все эти трудности преодолены и что нашему исследователю удастся вычлени в качестве условий существования β (капитала) и такие элементы состояния II, как $B, C...$ (товар, рабочая сила в качестве товара и т. д.), и такие связи, как $\gamma, \delta...$ (собственность капиталиста на средства производства — свободная от такой собственности рабочая сила и т. д.).

Теперь может возникнуть вопрос: не является ли структурный анализ состояния II, проведенный с целью обнаружения условий существования A' (свойства денег быть капиталом), не только начальным, но и конечным пунктом в исследовании возникновения A' (β)? Ведь если исторические условия существования β , все эти $B, C, D..., \gamma, \delta, \epsilon...$, перечислены с исчерпывающей полнотой, то совершенно очевидно, что среди них находятся и такие (C, D, γ), которые являются специфическими условиями существования β , т. е. условиями возникновения A' . И если это так, если некая связь γ ($C-D$) может быть вычленена в качестве условия существования β путем одного только

структурного анализа состояния II (а Маркс, вычлняя специфический товар «рабочую силу» в качестве условия существования капитала, подчеркивает, что мы при этом «...теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически»¹), то нужна ли тогда вся эта сложная предварительная работа по получению пары исторических связей (β и α), нужно ли тогда это обращение к исторически предшествующему состоянию I и т. д. и т. п.?

На первый взгляд, такая работа действительно кажется излишней. Если она и оправдывается, то только как черновая работа исследователя, проводимая им один единственный раз с целью выяснения самих логических закономерностей раскрытия механизма процесса (т. е. по незнанию). Но это только на первый взгляд. В действительности при анализе механизма процесса развития, при нахождении условий этого процесса один структурный анализ состояния-результата еще не достаточен и должен быть дополнен анализом историческим. Дело в том, что ни на одном из выделенных путем структурного анализа II составляющих системы не написано, что именно оно является тем специфическим условием, которое привело к превращению одной функции денег (A) в другую (A'), т. е. к возникновению связи β . Более того, оставаясь в пределах только структурного анализа состояния II, исследователь может прийти и к прямо ошибочным выводам относительно механизма возникновения β .

В самом деле. Когда мы говорим, что связь γ может быть вычленена путем одного структурного анализа состояния II, без исторического соотнесения последнего с состоянием I, это верно. Но неверно, что связь γ вычленяется при этом в качестве с п е ц и ф и ч е с к о г о условия β , — напротив, она фиксируется, как любое другое составляющее-условие, в одном ряду с ними; поэтому все важнейшее историческое значение этой связи с точки зрения механизма возникновения β полностью исчезает из глаз исследователя, просматривается им. Из истории политэкономии известно, что рассмотрение капиталистической связи денег долгое время не приводило к вычленению в качестве специфического условия ее существования даже такого «ближайшего» к A' элемента системы, как свободная рабочая си-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 175.

ла — факт, объясняемый как тем, что в действительности встречались формы капитала, не опосредованные покупкой рабочей силы (например купеческий капитал), так и тем, что сама рабочая сила не воспринималась в своем специфическом значении, фиксировалась, как обыкновенный товар. Кроме ошибки такого «просмотра» действительно специфического условия возникновения β , изолированный структурный анализ состояния II может привести и к ошибке противоположного толка: специфическими условиями β объявляются составляющие системы, в действительности не играющие такой роли. В истории политической экономии известны, например, точки зрения, когда любые деньги объявлялись уже капиталом, т. е. когда деньги уже сами по себе считались условием, достаточным для возникновения капитала.

Из всего этого следует тот вывод, что один только о б о б л е н н ы й структурный анализ состояния II при раскрытии механизма процесса является делом бесперспективным и что для выяснения действительно специфических условий существования (возникновения) β необходимо историческое сопоставление состояния II, включающего в себя исторически позднейшую функцию денег — быть капиталом со всеми условиями ее существования, и состояния I, включающего в себя исторически предшествующую функцию денег — быть средством обращения со всеми условиями ее существования. Только такое историческое сопоставление, или, грубее говоря, «историческое вычитание»¹, позволяет обнаружить ту специфическую связь γ , которая присутствует в состоянии II и отсутствует в состоянии I и которая, будучи непосредственно связана с элементом A, придает ему новое качество (A'), т. е. приводит к образованию новой для него связи (β).

Но предпринять такое историческое сопоставление II и I сразу же после структурного анализа II явно невозможно: ведь мы еще ничего не знаем ни о состоянии I вообще, ни об условиях существования α в частности. Поэтому важнейшей стороной анализа механизма процесса возникновения β является проведение структурного анализа исторически исходного состояния I. При этом направление,

¹ Как уже отмечалось, «историческое вычитание» — термин, применяемый геологами при реконструкции исторически предшествующих состояний (структур). См., например, В. В. Белоусов. Основные вопросы геотектоники, стр. 133, 134, 135 и др.

цель такого анализа в общем и целом совпадает с направлением, целью структурного анализа II — в состоянии I должны быть вычленены условия существования элемента A в его исторически исходной функции (условия существования связи α). Но тут есть и некоторое отличие. При структурном анализе состояния II, при вычленении в нем составляющих-условий существования β , исследователь исходил только из самого состояния II. Некоторый дополнительный момент имеет место при структурном анализе состояния I. Теперь обнаружение условий существования α ведется уже не на голом месте, но с учетом условий существования β в состоянии II. Именно: постоянно имея в виду результаты анализа состояния II и ставя перед собой задачу определить специфические условия β , исследователь интересуется в состоянии I уже не любыми связями и элементами, его слагающими и являющимися условиями α , но теми из них, которые имеются в состоянии II. Круг или область исследования при анализе состояния I оказываются, таким образом, уже более определенными в своих границах, нежели в случае анализа состояния II.

Точно так же в общем и целом идет исследование и механизма процесса преобразования связи, где для двух исторических состояний системы (I и II) мы имеем две связи ($A—B$, или α_I , и $A'—B'$, или α_{II}), совпадающие по своей структуре и различающиеся по функциональным характеристикам слагающих их элементов¹. Здесь перед исследователем также стоит задача обнаружить составляющие условия процесса, раскрыть содержание Σ . И эту задачу он решает путем выявления исторических условий существования α_I и α_{II} (в ходе структурного анализа состояний I и II, каждого порознь) и обнаружения специфических условий существования α_{II} (в ходе сравнительного исторического анализа обоих состояний).

Такая же картина имеет место и при исследовании механизма процесса подчинения преобразования связи системой, где образующими процесса являются связи α (исходный пункт процесса), а также α' и β (результат процесса)². Сколь бы скрупулезно исследователь ни анализировал эти составляющие системы, взятые сами по себе, как бы внимательно ни сопоставлял их (струк-

¹ См. схему на стр. 48.

² См. схему на стр. 50.

турно и исторически), механизм возникновения β и α' останется для него скрытым за семью печатями. Более того, анализ одних только образующих процесса, взятых изолированно от широких состояний системы в целом, приведет исследователя к серьезным ошибкам — например, к отождествлению α и α' (α и β)¹ или к пониманию α' и β как результата непосредственного превращения α . Дело в том, что процесс возникновения α' и β является частью более широкого процесса, идущего в системе в целом и включающего в себя значительно большее число составляющих, нежели α , α' , β . Как показывает анализ, «отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала»², различие связей β и α «создают лишь изменившиеся условия его (капитала, приносящего процент.— Б. Г.) функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору»³. Именно это обстоятельство направляет исследование по пути структурного и исторического анализа двух исторических состояний системы с целью выявления происшедших в ней структурных изменений, могущих объяснить возникновение β и α' .

И так обстоит дело при исследовании всякого, любого процесса. Выше мы делали исключение для имманентных процессов. Однако это верно в смысле характеристики только результата исследования, но отнюдь не самого его хода. Ведь встречая в системе связь $D—T$ и ставя вопрос о механизме ее возникновения, исследователь с самого начала никогда не знает, что речь должна идти именно об имманентном процессе развития отношения $T—T$. Поэтому и при исследовании этого процесса он должен перейти к анализу состояний, структура которых более широка, нежели просто $T—T$ или $T—D$. Другое дело, что, вычленив эти состояния I (для $T—T$) и II (для $T—D$) и проанализировав их с точки зрения условий существования $T—T$ и $T—D$, исследователь в результате придет

¹ Маркс отмечает, что в подобную ошибку впадал Ф. Ньюмэн, стиравший разницу между ростовщиком и банкиром и не замечавший, что между ними «...лежит различие двух общественных способов производства и соответствующих им форм общественного строя...» (Капитал, т. III, стр. 609).

² К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 614.

³ Там же.

к выводу о полном совпадении этих условий и тем самым к мысли о том, что процесс развития $T—T$ в $T—D$ есть процесс имманентный.

Подчеркивая, что исследование механизма любого процесса характеризуется рядом общих закономерностей, мы в то же время должны отметить, что в зависимости от конкретной формы самого процесса развития эти общие закономерности исследования модифицируются, выступают в специфической форме. С этой точки зрения, процесс нахождения составляющих-условий при анализе преобразования связи будет отличаться от аналогичного процесса при анализе функционального преобразования элемента, а процесс нахождения составляющих-условий при анализе подчинения и преобразования связи системой — от первых двух.

Действительно, при анализе процесса функционального преобразования элемента (возникновения капитала) речь шла о возникновении нового свойства старого элемента системы, т. е. о возникновении н о в о й связи. Поэтому при структурном анализе состояния II исследователь должен был вычленять множество составляющих системы, связанных с A' (β), причем единственным критерием отбора этих составляющих была их непосредственная «близость» к A' (то же — структурный анализ состояния I). Другое дело в случае процесса преобразования связи. Тут речь идет уже о возникновении не самой связи α (отношения купли-продажи рабочей силы вообще), но ее определенной исторической формы α_{II} , характерной для состояния II (крупная машинная промышленность). Связи α_I и α_{II} совпадают по своей структуре. Поэтому-то и структурный анализ состояний II и I приобретает теперь несколько иную форму. В ходе структурного анализа состояния II, имеющего целью раскрыть механизм возникновения α_{II} , исследователя не интересуют теперь все составляющие системы, играющие роль условий существования α_{II} . Более того, его теперь совсем не интересуют те составляющие, которые являются ближайшими, важнейшими условиями существования α_{II} , — ведь, входя в состояние II, они, вполне понятно, входят и в состояние I (содержащее ту же связь α , хотя и в другой форме — α_I) и поэтому не могут привести к выявлению отличия состояния II от состояния I и, тем самым, к обнаружению специфических условий существования α_{II} . Выявление этих последних идет теперь другим

путем — путем обнаружения (безотносительно к α !) в структуре состояния II таких составляющих, которые отличают его в целом от состояния I. Как известно, в случае анализа преобразования формы отношения «рабочий — капиталист» таким составляющим для состояния II является машина, приходящая на смену ремесленному орудию труда, определяющему лицо состояния I¹.

С другой специфической формой выявления составляющих-условий процесса мы сталкиваемся при исследовании процесса подчинения и преобразования связи системой. Целью этого исследования является, как известно, воспроизведение процесса образования связи β (например, кредита), которая присуща системе S_{II} и является иной формой отношения y (капитал, приносящий процент) в сравнении с той его формой α (ростовщический капитал), которая присуща исторически предшествующей системе S_I .

Совершенно очевидно, что структурный анализ состояния S_{II} не может идти в данном случае по линии обнаружения непосредственных условий существования связи β (составляющих системы, ближайшим образом связанных с ней), как это было при исследовании процесса возникновения капитала. Тогда связи β и α были различными по своей структуре связями, совпадающими одним из своих элементов ($A'—C$ и $A—B$). Теперь связи β и α являются исторически различными формами одного и того же отношения, поэтому они предполагают большое количество общих условий своего существования, причем такими общими оказываются прежде всего непосредственные, ближайшие

¹ О том, что структурный анализ состояний II и I в случае процесса преобразования связи не может идти путем фиксирования ближайших условий существования α_I и α_{II} , ярко говорит типичнейшая ошибка Маколей, «поддельвателя английской истории в интересах вигов и буржуазии» (Маркс). Ближайшим условием того, что рабочий начинает выступать в торговом отношении к капиталисту в функции рабовладельца, является существование таких элементов производства, как женский и детский труд. Последние были «первым словом капиталистического применения машин» (Капитал, т. I, стр. 400), т. е. были связаны в своем возникновении в качестве элементов системы с возникновением машины. Но, вообще говоря, они существовали и задолго до возникновения крупной машинной промышленности, в частности в XVII веке. Основываясь на этих фактах, Маколей не только пытается доказать прогрессивный характер фабричной эксплуатации рабочего класса в сравнении с эксплуатацией мануфактурной, но и обосновывает вечный, незыблемый характер капиталистического способа производства (Капитал, т. I, гл. XIII, § 3).

условия существования β и α , как, например, товар, деньги в своих различных функциях и т. д. Точно также структурный анализ состояния S_{II} не может идти в данном случае и по линии обнаружения той центральной зависимости, которая отличает одно состояние системы от другого, как это было при исследовании процесса преобразования связи «рабочий—капиталист». Тогда образующие процесса — связи α_{II} и α_I были различными формами связи, относящимися к различным историческим состояниям одной и той же системы. Теперь же мы имеем дело с двумя различными системами, которые отличаются друг от друга не просто отдельными составляющими (элементами, связями, зависимостями), но как системы в целом. Иначе говоря, различия в условиях существования β и α гораздо большие, нежели просто различия в каких-то центральных зависимостях типа «машина» или «ремесленное орудие труда». И поэтому задача исследователя при структурном анализе S_{II} заключается в том, чтобы обнаружить внутри этой системы такое господствующее отношение, которое, имея место в любом историческом состоянии S_{II} и отсутствуя во всех исторических состояниях S_I , только и делает систему S_{II} данной системой. Таким господствующим отношением в случае анализа образования специфически капиталистической формы кредита является, как известно, промышленный капитал.

2. РАСКРЫТИЕ МЕХАНИЗМА ПРОЦЕССА В РАМКАХ ТЕОРИИ СИСТЕМЫ И ИСТОРИИ СИСТЕМЫ

Исследование механизма процесса развития неизменно предполагает взаимодействие структурного и генетического анализов двух исторических состояний системы. Но конкретная форма этого исследования может меняться. И не только в зависимости от формы самого исследуемого процесса развития. Существенно важную роль играет в этом отношении и то, в какой форме исследователь ведет анализ исторического процесса — в теоретической или исторической. К более подробному рассмотрению этих форм существования исторической науки мы обратимся в следующей главе, но на некоторых моментах нужно остановиться уже теперь, в связи с проблемой раскрытия механизма процесса развития.

Возьмем анализ процесса возникновения капитала. Из-

вестно, что Маркс воспроизводит этот процесс дважды — в рамках теории системы («Капитал», т. I, гл. 4) и в рамках истории системы («Капитал», т. I, гл. 24). Совпадая в общем и целом по результату, эти формы анализа вместе с тем отличаются рядом существенных особенностей.

При воспроизведении системы в форме исторической теории исследователь руководствуется так называемой логической последовательностью рассмотрения объекта¹, которая и определяет в целом форму раскрытия механизма любого процесса внутри системы.

Процесс возникновения капитала есть процесс образования связи «деньги — рабочая сила как товар», есть процесс возникновения рабочей силы как товара, следовательно, процесс отделения производителя от средств производства. Если бы Маркс начал анализировать механизм этого процесса в исторической форме, если бы он начал рассматривать, каким образом экономическая структура общества, непосредственно предшествующая возникновению капиталистических отношений, сменяется этими последними, он должен был бы обратиться к таким отношениям, как допотопные формы существования капитала, феодальные формы производства, процесс экспроприации земельных собственников в его различных конкретно-исторических формах и т. д. и т. п.² Однако в главе IV первого тома мы ничего подобного не находим. Капитал, выступающий на поверхности экономических отношений, как деньги, порождающие добавочные деньги, безусловно объясняется здесь в историческом процессе его возникновения. Но объяснение это дается в специфической форме.

В соответствии с общей логической последовательностью рассмотрения системы анализу капитала у Маркса логически предшествует анализ денег. Заканчивая рассмотрение докапиталистических функций этих последних (глава 3), Маркс ставит перед собой вопрос: как возникает капитал, — и отвечать на него он должен сразу же после рассмотрения денег как таковых. Никаких дополнительных экономических категорий (кроме товара, денег, процесса обмена, процесса обращения), никаких «купе-

¹ См. ниже, глава VII, 2.

² «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» (К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 720).

Ческих капиталов», «цехового производства» и т. д. для исследователя логически еще не существует. Поэтому-то деньги являются здесь не только пунктом, логически предшествующим в анализе рассмотрению капитала, но и той точкой, которую необходимо исторически связать с капиталом, той точкой, исходя из которой необходимо ответить на поставленный выше вопрос о процессе возникновения капитала. В анализе этого процесса у Маркса есть все отмеченные в предыдущем параграфе необходимые стороны — структурный анализ состояния I (деньги как деньги в их условиях существования), структурный анализ состояния II (фиксирование условий существования капитала), наконец, генетическое сопоставление обоих состояний (обнаружение товара «рабочей силы» в качестве специфического условия существования капитала). Но все они выступают тут в особенной форме. Вопрос «каков процесс возникновения капитала?» или «как возникает капитал?» принимает здесь у Маркса вид: «каков процесс превращения денег в капитал?» или «как деньги становятся капиталом?». Соответственно с этими процессом возникновения капитала воспроизводится здесь в типичной абстрактно-теоретической форме. При этом конкретно-исторические формы процесса отделения рабочей силы от собственности на средства производства, масса экономических категорий, исторически связанных с этим процессом, и т. д. оказываются полностью отброшенными. Исследователь ограничивается простой констатацией, простым фиксированием факта появления рабочей силы в качестве товара (с дополнительным указанием на исторически преходящий характер этого факта). Но и этой констатации здесь вполне достаточно, чтобы введенная в исследование новая связь системы (капитал) предстала перед нами в историческом процессе ее возникновения, чтобы логический переход «деньги→капитал» был воспроизведен и как переход исторический¹.

¹ В процессе изложения решение этой задачи достигается с помощью именно *введения новой связи*. Сначала исследуется состояние I, где фиксируются определенные качества денег и условия существования их в этом качестве. Затем вводятся новые исторические условия, новые исторические связи (товар «рабочая сила»), за которыми стоит целая мировая история, причем сам механизм возникновения этих новых связей может не интересовать исследователя.* Маркс пишет, что «вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег... И нас он пока интересует столь же мало» (Капитал, т. I, стр. 175).

Так же исследует Маркс и процесс возникновения капиталистической земельной ренты (β), т. е. процесс превращения одной формы отношения (докапиталистические формы земельной ренты — α) в другую его форму¹.

В случае воспроизведения этого процесса в исторической форме, в случае обращения с этой целью к истории капиталистического производства в земледелии исследователь мог столкнуться с двумя возможностями. Он или выделил бы капиталистическую форму земельной ренты (β) из ряда ее докапиталистических форм (α), — что было бы возможно при условии предварительного правильного понимания зависимости между Σ (капитал) и β (земельная рента) в структуре современного буржуазного общества, — и тогда исследование процесса возникновения β означало бы рассмотрение формы α и ее превращения (под воздействием Σ) в форму β . Или он не сумел бы различить β и α как качественно различные, относящиеся к различным историческим системам формы, — и тогда исследование процесса возникновения β означало бы рассмотрение формы α и ее непосредственного (без всякого участия Σ) изменения в форму β (причем историческая последовательность Σ и β ошибочно представилась бы как « Σ следует за β »). Но и в первом и во втором случаях исследователь должен был бы рассматривать исторически предшествующую форму α и связывать ее с β .

В другой форме исследуется процесс возникновения β у Маркса. Маркс исходит из логической последовательности рассмотрения $\Sigma \rightarrow \beta$, и это означает, что он переходит к капиталистической земельной ренте не от форм ренты докапиталистической, но от промышленного капитала. При этом логическая последовательность в данном случае основывается на отношении зависимости $\Sigma \infty \beta$, в котором земельная рента понимается как форма системы зависимая, подчиненная Σ . Один уже только этот факт (при условии знания о существовании некоторой формы α , предшествующей форме Σ , и, следовательно, не связанной с этой последней отношением «господства — подчинения») позволяет говорить нам о форме β как об исторически специфической, присущей (в этой определенности зависимой) только нашей системе S_{II} . В этих условиях воспроизведение про-

¹ Очевидно, схема этого процесса аналогична схеме, данной на стр. 50.

цесса возникновения β оказывается возможным и без исследования формы α . В этих условиях воспроизведение рассматриваемого процесса означает выявление самой зависимости $\Sigma \infty \beta$ в структуре S_{II} , т. е. обнаружение формы β как формы, действительно подчиненной форме Σ . В этих условиях последовательность рассмотрения $\Sigma \rightarrow \beta$ может быть изображена (и изображается Марксом) как совпадающая с исторической последовательностью¹, правда, как совпадающая не прямо (Σ не превращается в β), но относительно (β возникает в качестве подчиненной формы по отношению к Σ из какой-то другой формы α , исторически предшествующей системе S_{II} , а следовательно, и Σ). Поскольку форма α выпадает за нижний порог исследуемой системы, исследователь может отвлечься от нее при рассмотрении S_{II} и входящей в ее состав формы β . А отсюда возникают и специфические формы внешнего выражения воспроизведения процесса возникновения β . В «Капитале» историзм перехода $\Sigma \rightarrow \beta$ (а, следовательно, и показ формы β как исторической, как специфической для системы S_{II}) достигается путем такого приема: определение ренты вообще — определение капиталистической ренты в частности — рассмотрение докапиталистических форм земельной ренты. Что же касается этих последних, то, как мы только что сказали, они могли быть и опущены вовсе — ведь Маркс обращается к ним после того; как исторический процесс возникновения капиталистической ренты уже понят, — но поскольку Маркс все же обращается к рассмотрению этих форм, он делает это не в пределах целостного рассмотрения системы S_{II} , но выходя за эти пределы, в виде так называемого исторического отступления².

С другой формой воспроизведения механизма возникновения капитала мы сталкиваемся в структуре истории системы, основывающейся на исторической последовательности рассмотрения объекта³. Суть дела здесь сводится к следующему.

¹ Между прочим, именно в этом пункте можно видеть, как исследование системы в форме теории исправляет исторический процесс. Ведь историческая последовательность $\Sigma | \beta$ не будучи последовательностью прямого развития Σ в β , не воспринимается исследователем непосредственно; смешение же β с α , неизбежное при непонимании структурной зависимости $\Sigma \infty \beta$, приводит с необходимостью к представлению об исторической последовательности Σ и β как $\beta | \Sigma$.

² См. К. Маркс. Капитал, т. III, гл. 47.

³ См. главу VII, 3.

В одном из состояний системы (II) мы находим капитал (β). Перед нами стоит задача воспроизвести процесс его возникновения. При этом мы должны исходить из исторической последовательности рассмотрения, т. е. из рассмотрения тех составляющих системы, которые исторически предшествуют капиталу. И тут мы сталкиваемся с проблемой: с чего начать? При исследовании подобного процесса развития в рамках теории системы проблема эта решалась с помощью логической последовательности рассмотрения и решалась, надо сказать, однозначно. Не столь спасительной оказывается теперь последовательность рассмотрения историческая. Дело, во-первых, в том, что, выделяя состояние II, содержащее β , и состояния, ему предшествующие и не содержащие этой связи, мы еще не знаем, с какого именно из этих предшествующих состояний нужно начинать исторический анализ. Дело, во-вторых, в том, что даже, допуская, что таким состоянием должно быть ближайшее предшествующее нашему (некоторое I), мы еще не знаем, с каким именно из входящих в него составляющих,— а в I входят и элементы B (товар), A (деньги)..., и связи α (товар-деньги), θ (купеческий капитал), ς (ремесленный рабочий — цеховой мастер) и т. д.,— нужно связать возникновение связи β .

Собственно говоря, здесь мы сталкиваемся с той же трудностью, что и при определении границ исторической системы в целом. В главе III мы уже отмечали, что преодоление этой трудности, в частности определение нижнего временного порога исследуемой системы, т. е. начального, исходного пункта ее рассмотрения в целом, становится возможным единственно на основе и в результате выявления самой структуры рассматриваемой системы, ее важнейших составляющих, прежде всего, ее господствующего отношения. Другими словами, только после ответа на вопрос, что представляет собой тот или иной объект, исторический процесс развития которого мы хотим исследовать в форме истории системы, можно приступить к самому этому исследованию. И то, что оказывалось верным для рассмотрения исторического процесса развития системы в целом, является верным и для рассмотрения исторических процессов развития ее отдельных составляющих.

В случае с процессом возникновения капитала из всего разнообразия исторически предшествующих состояний системы исходный, начальный пункт исследования этого про-

цесса выбирается и может быть выбран только исходя из сущности, из строения самого капитала. Лишь после того как путем структурного анализа выяснено, что капитал представляет собой связь, отношение, с одной стороны, собственника средств производства и, с другой стороны, рабочего, свободного от всякой собственности,—лишь после такого знания и на его основе можно говорить о строго научном воспроизведении процесса возникновения капитала исходя из исторически данных элементов и отношений системы. Это воспроизведение процесса возникновения (развития) какого-либо составляющего системы с точки зрения результата этого процесса, т. е. с точки зрения исторически последующего, и составляет важнейшую специфическую особенность раскрытия механизма процесса в рамках истории системы. В «Капитале» Маркса мы встречаем немало примеров анализа механизма процесса в исторической форме, и среди них нет буквально ни одного, где воспроизведение процесса развития того или иного составляющего системы не следовало бы за выяснением самой структуры, самой сущности этого составляющего и ни основывалось бы на этом выяснении. (Ср. последовательность рассмотрения в I томе: деньги (гл. 1) — из истории возникновения денег (гл. 2); капитал (гл. 4) — история первоначального накопления (гл. 24); процесс производства прибавочной стоимости (гл. 5) — история форм производства прибавочной стоимости (гл. 11, 12, 13); рабочий день гл. 8, §§ 1—4) — процесс исторического изменения рабочего дня (гл. 8, §§ 5—7) и т. д. и т. п.).

Вся разница, все отличие в функциональном значении и во внешней форме выражения рассматриваемого нами теперь процесса исследования от аналогичного процесса, идущего в рамках теории системы, может быть наглядно выявлено при простом сопоставлении этих процессов.

В случае теоретического анализа процесса возникновения β мы подходим к его воспроизведению с точки зрения логически предыдущего составляющего (состояния): сначала анализируется состояние I, характеризующееся связью α (деньги как деньги), затем — состояние II, характеризующееся связью β (капитал), наконец, выявляются специфические условия существования капитала. В случае исторической формы анализа этого процесса мы подходим к его воспроизведению с точки зрения исторически последующего составляющего (состояния). При таком

подходе к делу сначала анализируется состояние II, характеризующееся β , затем — то исторически предыдущее состояние I, в котором β еще отсутствует (но присутствует максимум составляющих последующего состояния), наконец, выявляются специфические составляющие первого состояния. Было бы ошибочно полагать, что все отличие этих процессов исследования состоит только в несовпадении общей последовательности слагающих их приемов. Если угодно, эта последовательность вообще не играет здесь существенной роли: при исследовании отдельных процессов она может даже полностью совпадать (например, при анализе процесса возникновения капиталистической земельной ренты в обоих случаях мы будем иметь: 1) структурный анализ состояния II, 2) структурный анализ состояния I, 3) исторический анализ состояний II и I). Принципиальное отличие сравниваемых процессов исследования состоит в том, что в рамках теории системы анализ и воспроизведение возникновения капитала ведется на основе логической последовательности рассмотрения, с точки зрения логически предыдущего, и, следовательно, должно включать в себя исторический переход от логически предыдущего к логически последующему, в то время как в рамках истории системы анализ и воспроизведение возникновения капитала ведется на основе исторической последовательности рассмотрения, с точки зрения исторически последующего, и, следовательно, должно включать в себя переход от этого исторически последующего к исторически предыдущему.

Это различие, могущее показаться на первый взгляд малосущественным, в практике конкретного исследования приводит к весьма серьезным последствиям и проявляется в ряде чувственно воспринимаемых специфических особенностей осуществления этих процессов.

Особенности эти проявляются прежде всего в том, что в рассматриваемых случаях внимание исследователя направлено на анализ различных исторически предшествующих капиталу составляющих системы, так что один и тот же капитал появляется в исследовании (изложении) вслед за различными формами системы: вслед за деньгами — в рамках теории системы, вслед за отношениями феодального общества — в рамках истории системы.

Но эти специфические особенности рассматриваемых процессов исследования проявляются и внешним образом, в способе изложения. В рамках теории системы процесс

возникновения капитала изображается внешне как введение специфического условия существования β , как простое фиксирование его в фактическом положении вещей; при этом в изложении мы имеем: 1) уже понятые нами деньги, 2) привлечение свободной рабочей силы (безотносительно к действительному процессу ее возникновения) и, наконец, 3) анализ понятого с точки зрения процесса его возникновения капитала. Именно такое изображение процесса мы находим в IV гл. I тома «Капитала» у Маркса. В рамках истории системы этот же процесс изображается внешне как введение исторических условий возникновения β , как введение тех составляющих системы, которые имели место в действительном процессе развития и которые привели к возникновению новой связи системы; при этом в изложении мы имеем уже совсем другое: 1) составляющие структуры феодальной экономической системы в ее наиболее развитом состоянии, 2) привлечение купеческого и ростовщического капиталов, рассмотрение различных форм экспроприации земельных собственников и т. д., словом, тех составляющих системы, которые «разлагают» структуру феодального способа производства и обуславливают возникновение специфических капиталистических отношений (составляющих структуры капиталистической экономической системы) и, наконец, 3) анализ этих последних, понятых с точки зрения их возникновения, в их дальнейшем развитии. Именно также изображение процесса возникновения капитала мы находим у В. И. Ленина в его книге «Развитие капитализма в России».

3. ЕЩЕ РАЗ О ЗАВИСИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ «СТРУКТУРНЫЙ РЯД — ГЕНЕТИЧЕСКИЙ РЯД»

Когда в главе III мы формулировали основную зависимость исторического исследования, направленного на воспроизведение процесса развития объекта, мы делали это еще до рассмотрения логической структуры такого исследования, на основании определенного понимания структуры самого объективного процесса развития. Теперь можно видеть, что при воспроизведении процесса развития объекта эта зависимость исследования действительно имеет место — и установление факта, и раскрытие сущности, и, наконец, воспроизведение механизма всякого процесса представляет с логической точки зрения определенное единство, взаимодействие структурного и генетического анализов объекта.

Взять процессы сведения и выведения. Они, как мы видели, складываются из двух взаимосвязанных и противоположных по направлению процессов: процесса, идущего от результата развития к его исходному пункту, и процесса, идущего от исходного пункта к результату. Так, процессы сведения и выведения, рассмотренные выше, состояли: процесс сведения отношений — из 1) $(T-D) = \cdot (T-D) \parallel (T-T)$ и 2) $(T-T) = \cdot (T-T) \parallel (T-D)$; процесс сведения элементов — из 1) $B = \cdot B \parallel A$ и 2) $A = \cdot A \parallel B$; процесс сведения «к третьему» — из 1) $B = \cdot C = \cdot B \parallel A \cdot C \parallel A$ и 2) $A = \cdot A \parallel B \cdot A \parallel C$; процесс выведения отношений — из 1) $D = T \cdot (D-T) \parallel (T-T) \cdot T = T$ и 2) $T = T \cdot (T-T) \parallel (T-D) \cdot T = D$; процесс выведения элементов — из 1) $B_1 = B_2 = \dots \cdot (B_1 - B_2 - \dots) \parallel (A_1 - A_2 - \dots)$ и 2) $A_1 = A_2 = \dots \cdot (A_1 - A_2 - \dots) \parallel (B_1 - B_2 - \dots)$ и т. д. И каждый из этих составляющих процессов представляет собой зависимость исследования «структурный ряд — генетический ряд».

Конечно, вообще говоря, можно пойти дальше и расчленить эти процессы на более простые операции, например, одну из сторон процесса сведения элементов — на 1) $B = (B_1 - B_2 - \dots)$ и 2) $B \parallel A$, а одну из сторон процесса выведения отношений — на 1) $D = T$ и 2) $(D-T) \parallel (T-T)$ и т. д. Но это только «вообще говоря».

Операции $B =$ или $(D-T) \parallel (T-T)$ действительно являются простейшими в сравнении с зависимостями $B = \cdot B \parallel A$ или $(D-T) \parallel (T-T) \cdot D = T$. Но предмет нашего рассмотрения — не любые процессы научного анализа, но только те из них, которые связаны с воспроизведением процессов развития объекта. Ис этой точки зрения простейшие операции типа $B =$ или $B \parallel A$, взятые изолированно друг от друга, уже не входят в область нашего рассмотрения. Зависимости $(T-D) = \cdot (T-D) \parallel (T-T)$, $B_1 = B_2 = \dots \cdot (B_1 - B_2 - \dots) \parallel (A_1 - A_2 - \dots)$ и т. д., выделенные нами, являются простейшими, так сказать, конституирующими элементами сведения и выведения, направленных на установление факта и раскрытие сущности процесса развития объекта. Поэтому дальнейшее расчленение этих зависимостей означает фактически выход за границы исследуемых мыслительных процессов, их разрушение.

Зависимость исследования «структурный ряд — генетический ряд», с которой мы сталкиваемся при процессах сведения и выведения, характеризуется особыми чертами. Здесь анализ структурного ряда не только связан с анализом

генетического ряда, не только должен быть дополнен таким анализом, но предполагает его уже завершённым. И наоборот: проведение анализа генетического ряда предполагает, что структурное исследование также уже проделано. Поэтому-то в случаях сведения и выведения мы говорим о структурном и генетическом анализе как о двух сторонах единого процесса исследования, находящихся в отношении непосредственного единства, т. е. осуществляемых, с логической точки зрения, одновременно.

С другой формой зависимости исследования «структурный ряд — генетический ряд» мы сталкиваемся при раскрытии механизма процесса. Решение этой задачи, как мы видели, предполагает, во-первых, выявление условий существования образующих процесса (условий непосредственных — как в случае процесса функционального преобразования элемента, — или опосредованных — как в случае процессов преобразования связи, подчинения и преобразования связи системой), что достигается с помощью анализа структуры состояний I и II (S_I и S_{II}), и, во-вторых, обнаружение качественного отличия структуры позднейшего состояния, что достигается с помощью генетического сопоставления состояний II и I. Таким образом, и этот мыслительный процесс, связанный с раскрытием механизма развития, включает в себя анализ и структурного и генетического рядов системы. Эти виды анализа находятся здесь также в отношении единства. Проведение генетического исследования состояний I и II невозможно без проведения структурного исследования этих состояний — мы видели, что генетический анализ одних только «оголенных» образующих процесса, взятых изолированно от более широких состояний целого, ведет к неминуемым ошибкам. Точно также и наоборот — структурный анализ состояний I и II необходимо нуждается в проведении их генетического сопоставления. Разумеется, вообще говоря, анализ структуры I и II (S_I и S_{II}) вполне возможен и без всякого исторического сопоставления этих структур — в рамках решения других задач, не связанных с раскрытием механизма процесса. Но если речь идет о решении именно этой последней задачи, то проведение структурного анализа уже по самой начальной установке исследования ведется с целью обнаружения специфических условий образующего-результата процесса, т. е. предполагает проведение генетического анализа обоих состояний.

Вместе с тем нельзя не видеть, что взаимосвязь структурного и генетического анализа выступает здесь в специфической форме. В отличие от сведения и выведения, при анализе механизма процесса исследователь имеет дело уже не с отдельными образующими процесса—элементами и связями системы, но с широкими состояниями системы в целом (или ее частей), включающими множество составляющих. В таких условиях, не воспроизведя, например, структуру состояния I, не зная ее составляющих и отношений между ними, нельзя вести структурный анализ состояния II при одновременном сопоставлении состояний II и I—ведь сопоставлять-то пока исследователю не с чем! Точно так же невозможно и одновременное структурное исследование обоих состояний. Поэтому исследователь должен предварительно структурно проанализировать состояния II и I с точки зрения условий существования образующих процесса (занятие само по себе чрезвычайно сложное) и только потом уже соотносить их друг с другом. Таким образом, по-прежнему предполагая связь друг с другом, структурный и генетический анализы разрываются здесь во времени. Прежнее «и то — и другое» не осуществимо теперь по чисто «техническим» причинам и сменяется новым: «сначала одно — потом другое». Вместо непосредственного единства двух сторон процесса исследования, характерного для операций сведения и выведения, теперь мы имеем единство двух подразделений процесса исследования.

Очевидно, с еще более сложным видом взаимодействия структурного и генетического анализов мы столкнемся при воспроизведении процесса развития системы в целом, где и проблема ограничения (определения) исследуемого объекта, и проблема фиксирования отдельных исторических состояний системы также требуют для своего разрешения обращения как к структурному, так и к генетическому рядам системы. Все это позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Научное воспроизведение любого объективного процесса развития — независимо от типа процесса (превращение, дифференциация, функциональное преобразование и т. д.), от большей или меньшей сложности процесса (процесс развития отдельного составляющего или системы в целом), от конкретной задачи исследования (раскрытие сущности процесса, его механизма и т. д.)¹ — всегда пред-

¹ Имеется в виду: в рамках решения общей задачи — воспроизведения процесса развития.

полагает и представляет собой (по своей логической структуре) взаимодействие, единство анализов структуры и генезиса объекта.

2. Эта общая закономерность исторического исследования — как раз в зависимости от формы процесса, его большей или меньшей сложности, от конкретной задачи исследования и т. д. — принимает различные конкретные формы, так что структурный и генетический анализы объекта выступают друг относительно друга то как две непосредственно связанные стороны единого процесса исследования, то как его подразделения и т. д.

3. Задача логики состоит не только в том, чтобы представить общие рассуждения относительно зависимости исследования «структурный ряд — генетический ряд», но и в том, чтобы выявить и описать те конкретные формы, которые возникают из процесса движения научного исследования, идущего под знаком этой зависимости¹.

¹ Здесь можно провести аналогию: установив факт единства процесса производства и обращения капитала, Маркс так определяет цель своего дальнейшего исследования: «...Она не может заключаться в том, чтобы представить общие рассуждения относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и описать те конкретные формы, которые возникают из процесса движения капитала, рассматриваемого как целое» (Капитал, т. III, стр. 27).

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ В ЦЕЛОМ

Как мы уже отмечали, современное историческое знание существует в двух формах: теории и истории системы. Будучи формами воспроизведения одних и тех же процессов развития, теория и история четко отличаются друг от друга. Мы различаем их прежде всего по результатам их применения, сказывающимся формально и по существу: формально—поскольку способы теоретического и исторического изложения не совпадают друг с другом; по существу — поскольку те мыслительные образы системы в целом, которые получаются в результате теоретического и исторического исследований, оказываются также различными.

За несовпадением, различием рассматриваемых форм существования исторической науки скрывается различие, несовпадение двух способов исследования, обозначаемых обычно как способы логический и исторический. По-видимому, самая полная характеристика этих способов содержится в известной рецензии Ф. Энгельса на работу К. Маркса «К критике политической экономии». «Критику политической экономии,— говорится там,— даже и согласно приобретенному методу можно было проводить двояким образом: исторически или логически... Единственно уместным (для Маркса.— Б. Г.) был логический способ рассмотрения. Но в сущности этот способ был не чем иным, как тем же историческим способом, только освобожденным от его исторической формы и от нарушающих его случайностей»¹.

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, 235—236.

О чем тут у Энгельса идет речь? По меньшей мере о трех моментах: во-первых, об общих чертах логического и исторического способов исследования («в сущности этот способ был... тем же»); во-вторых, о различии этих способов («критику... можно было проводить двояким образом»); в-третьих, об условиях применения того или иного способа («единственно уместным был...»). Дальнейшее наше изложение пойдет по линии выяснения этих вопросов с целью общей характеристики проблем научного воспроизведения развития системы в целом. При этом важно подчеркнуть, что логический и исторический способы исследования рассматриваются нами в их самом общем виде и в сопоставлении друг с другом. При таком подходе к делу картина, изображающая эти способы, конечно, неизбежно должна отличаться от той, которая была бы получена при рассмотрении каждого из них как органической системы. Но, с другой стороны, малая разработанность проблемы в нашей литературе делает оправданным именно такой, ограниченный подход к ее решению.

1. ЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

А. Общие закономерности. Говорят, что общность логического и исторического способов исследования заключается в том, что и первый, и второй используют абстрактно-теоретические формы рассмотрения и изложения материала — формы, предполагающие исследование объекта в «чистом» виде, вне той или иной конкретно-исторической его оболочки, дающие возможность проводить широкие научные обобщения и т. д.¹ Это совершенно верно. Правда, степень использования, применения указанных форм научного мышления при логическом и историческом способах весьма различна — являясь типичным, господствующим при логическом способе, абстрактно-теоретическое рассмотрение материала играет при историческом способе исследования подчиненную роль. Правда, конкретные формы такого абстрактно-теоретического рассмотрения объекта в случае логического

¹ См., например, М. Розенталь. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса, М., 1955.

и исторического способов исследования также весьма различны. И тем не менее, повторяем, настоящая закономерность является безусловно общей для обоих рассматриваемых способов. Что касается логического способа исследования, воспроизводящего процессы развития системы в форме теории, то это ясно само собой—и «Капитал» К. Маркса, и «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленина всецело характеризуются абстрактно-теоретическим рассмотрением объекта. Но то же можно сказать и об историческом способе, воспроизводящем развитие системы в форме теоретической истории. Пример—«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса, где на основе типично исторического рассмотрения объекта делается гениальный общетеоретический вывод (о сломе государственной машины), о котором Ленин говорил как о главном, основном выводе в учении марксизма о государстве.

Характеризуя логический и исторический способы исследования, говорят также, что общность этих способов заключается в том, что оба они используют конкретные исторические формы рассмотрения и изложения материала — формы, предполагающие исследование эмпирической истории объекта, делающие упор на выяснении тех или иных конкретных обстоятельств его жизни и т. д.¹. Это тоже совершенно верно. Правда, степень использования, применения данных форм научного мышления при логическом и историческом-способах весьма различна; являясь типичным, господствующим при историческом способе, конкретно-историческое рассмотрение материала играет при логическом способе исследования подчиненную роль. Правда, конкретные формы такого конкретно-исторического рассмотрения объекта в случае логического и исторического способов исследования также весьма различны. И тем не менее настоящая закономерность является также безусловно общей для обоих рассматриваемых способов. Что касается исторического способа, воспроизводящего процессы развития системы в форме истории, то это ясно само собой — и «Теории прибавочной стоимости», и «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850г.» всецело характеризуются конкретно-историческим рассмотрением объ-

¹ См. М. Розенталь. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса.

екта. Но то же нужно сказать и о логическом способе, воспроизводящем развитие системы в форме исторической теории. Пример — «Капитал» К. Маркса, о методе которого Энгельс говорил, что при нем «... развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области», но, «наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях», «в указаниях на действительный исторический ход вещей на разных ступенях общественного развития»¹. Другой пример — «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленина с его типично историческим анализом истории концентрации банков в Германии (гл. II), истории борьбы за мировое господство «Керосинового треста» Рокфеллера с «Немецким банком» (гл. V) и т. д.

Таковы общие черты (закономерности) логического и исторического способов исследования, обычно отмечаемые в нашей литературе. Но ясно, что на их выделении анализ закончиться никак не может.

Во-первых, отмеченные закономерности не являются с п е ц и ф и ч е с к и м и только для рассматриваемых способов исследования, они не выделяют современные способы построения исторического знания из числа других способов — как современных, но не направленных на воспроизведение процессов развития объекта, так и тех уже ушедших в историю, которые пытались воспроизвести развитие, но безуспешно.

Взять, например, такую характеристику логического и исторического способов, как использование «абстрактно-теоретических форм рассмотрения и изложения». Мало того, что она гораздо скорее может быть отнесена к другим способам исследования, вовсе не имеющим дела с историческими отношениями (например дедуктивному), — эта характеристика, по сути дела, совпадает с научным знанием вообще: где есть наука, там есть и абстрактно-теоретические формы исследования. С другой стороны, эта характеристика может быть целиком отнесена и к тем домарксистским способам, которые имели дело с анализом развивающихся сложных объектов. Во всяком случае примеры такого подхода к объекту легко могут быть обнаружены и в «Началах политической экономии» Д. Рикардо, и в «Истории февральской революции 1848 года» Л. Блана.

Точно так же обстоит дело и с другой отмеченной общей

¹ К. М а р к с. К критике политической экономии, стр. 238.

закономерностью логического и исторического способов исследования. Конкретно-исторический анализ объекта может присутствовать и в тех современных исследованиях, которые, имея дело с исторически развивающимся объектом, тем не менее не ставят перед собой задачи воспроизвести процессы его развития. С другой стороны, он целиком присущ и домарксовым способам исследования. В подтверждение можно сослаться на такую историческую работу Б. Гильдебранда, как «Историческое обозрение политикоэкономических систем» и такую теоретическую работу А. Смита, как «Исследование о природе и причинах богатства народов». В последней можно встретить не только частные исторические иллюстрации (например книга I, гл. 4 «О происхождении и употреблении денег»), но и целые исторические построения (например книга III «О развитии благосостояния у разных народов»).

Во-вторых,— и это более важно — отмеченные закономерности являются чисто внешними в характеристике логического и исторического способов исследования. Они не определяют содержания этих способов в целом, а поэтому и не позволяют говорить о них (вместе с Энгельсом) как о совпадающих «в сущности».

В самом деле. Всякий способ научного исследования представляет собой совокупность, систему органически связанных друг с другом приемов исследования. Структура этой системы, характер ее организации определяется, по меньшей мере, двумя моментами: конечной целью исследования и исходным материалом исследования. Собственно говоря, способ и представляет собой такую систему приемов исследования, которая, будучи приложена к объекту (исходному материалу), обеспечивает воспроизведение его или одной из его сторон с определенной точки зрения (конечная цель). Поэтому все существующие способы исследования могут быть различены как способы, совпадающие по исходному материалу исследования и различающиеся по его конечной цели, или, наоборот, как различающиеся по исходному материалу и совпадающие по конечной цели, или, наконец, как различающиеся и по исходному материалу, и по конечной цели исследования. А это значит, что при характеристике любого способа важно указать прежде всего эти два его определяющие момента. Ничего подобного не содержится в приведенных выше характеристиках логического и исторического способов исследования. Поэтому-то, имея

серьезное значение для понимания способов, эти характеристики не касаются самого главного — логической структуры, механизма способов, а значит являются производными, зависимыми.

Между тем, что существенно важно для обоих рассматриваемых способов исследования и что действительно позволяет вскрыть их общие закономерности «в сущности» — так это как раз общность конечной цели, стоящей перед ними. Логический и исторический способы могут быть применены к исследованию одного и того же объекта, например системы буржуазных экономических отношений. Они могут быть применены к исследованию различных объектов, например логический — к исследованию звездной системы, а исторический — к исследованию тектонической структуры Земли. Но и в первом и во втором случаях предмет исследования остается у этих способов одним и тем же: процесс развития системы.

Эта общность цели, общность предмета исследования определяет общие моменты структуры, рассматриваемых способов, их строения. Ведь направленные на воспроизведение и структуры системы и закономерностей ее исторического развития, оба эти способа с точки зрения логики должны представлять собой сложное взаимодействие, зависимость исследований структурного и генетического рядов системы. С другой стороны, эта общая закономерность рассматриваемых способов является определяющей, объясняющей все остальные их общие характеристики. Наконец, она и специфическая для них, т. е. выделяющая их из ряда как других современных способов (не воспроизводящих процессы развития объекта), так и тех домарксовых способов, которые не могли воспроизвести процессы развития объекта.

Б. Специфические закономерности. Характеризуя логический и исторический способы исследования, часто выделяют в качестве их специфических черт абстрактно-теоретический подход к материалу как характерный для первого способа и конкретно-исторический подход к материалу, как характерный для второго; рассмотрение объекта «в высшей точке» (или, как говорит Энгельс, «...в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости и классической формы»¹), как характерное для первого способа и «перерывы в ходе мыс-

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 236.

лей», следование за зигзагами и скачками действительного процесса, как характерные для второго, и т. д.

Подобные характеристики рассматриваемых способов верны. Но тем не менее ограничиться только ими, значит не сказать еще о самом существе и специфике логического и исторического способов. Во-первых, перечисленные стороны не являются строго специфическими для каждого из способов — как мы видели выше, в той или иной мере они присущи обоим способам. Во-вторых, даже и отличая в общем и целом логический и исторический способы друг от друга, эти стороны не выделяют их из ряда других способов исследования, в том числе их одноименных предшественников. Наконец, эти стороны являются чисто внешними, ни одна из них не касается самой сущности способов, ничего не говорит об их структуре, механизме. Между тем эта сторона дела (а с точки зрения науки логики это не сторона, а суть дела) является важнейшей.

Допустим, что логический и исторический способы применены к исследованию одного и того же объекта (например системы буржуазных экономических отношений) или, другими словами, что один и тот же процесс развития воспроизведен в форме и «теоретической истории» и «исторической теории». Совпадут ли, таким образом, полученные изображения объекта? Очевидно, нет. Но подобный факт может иметь место только в трех случаях: или, если соответствующие способы исследования направлены на анализ различных объектов, или, если, имея дело с одним и тем же объектом, они преследуют различные цели, или, наконец, если, преследуя одну и ту же цель, они рассматривают этот объект по-разному. В нашем случае тождество объекта является условием задачи. Выше мы видели также, что и логический и исторический способы совпадают по цели своего исследования (предмету). Значит единственно уместной остается третья возможность. А она означает, что, исследуя один и тот же процесс развития системы, ученые «теоретик» и «историк» (так мы будем условно называть исследователей, воспроизводящих процесс развития системы соответственно в форме теории и истории) делают это неодинаково, с помощью различных средств, специфических приемов. Зависимость исследования «структурный ряд — генетический ряд», необходимая в обоих случаях, принимает формы, специфические для этих способов.

Если пренебречь некоторыми частными случаями, можно сказать, что любому исследователю, воспроизводящему процесс развития системы, даны и «структурный ряд целого» и «генетический ряд целого». Эти «ряды» составляют тот материал, к которому обращается исследователь для достижения своей конечной цели. Но одно дело — материал, данный исследователю, другое дело — материал, обрабатываемый им. Точно так же одно дело — конечная цель исследования, другое дело — его непосредственная задача. Если с точки зрения первой никакого различия между «теоретиком» и «историком» еще нет, то с точки зрения задач исследования это различие становится осязаемым.

Исследователь-«теоретик» имеет дело прежде всего и главным образом со структурно данными и формами системы в каком-либо фиксированном ее состоянии (чаще всего, в состоянии-результате, т. е. в состоянии, непосредственно данном самому исследователю). Но конечной целью его исследования является воспроизведение не этой структуры состояния-результата, взятого само по себе, вне всякого отношения к историческим процессам развития, но как раз исторического процесса развития системы в целом. Поэтому непосредственная задача исследования здесь заключается в том, чтобы воспроизвести данное структурное состояние системы как результат в развитии системы в целом, т. е. как состояние исторически возникшее и развивавшееся, и, следовательно, развивающееся в настоящее время. Именно так определяет задачу «Капитала» К. Маркс: «открытие экономического закона движения современного общества»¹. Именно так определяет задачу своего исследования («Империализм, как высшая стадия капитализма») и В. И. Ленин: «...основная задача книги была и остается: показать..., какова была *итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях, в начале XX века, накануне первой всемирной империалистской войны»².

Иначе говоря, при рассматриваемом способе исследования речь идет совсем не о том, чтобы выявить и описать безотносительно друг к другу элементы и связи системы,

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 8 (разрядка наша.— Б. Г.).

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 177.

взятой в одном ее состоянии,— такой подход к делу исключает понимание системы прежде всего как системы¹. Речь идет и не о том, чтобы выявить только структурные связи и зависимости системы (вне отношения к историческому процессу ее развития) или воспроизвести процессы развития только тех или иных отдельных элементов и связей системы,— при таком подходе к делу невозможно понимание системы как системы именно исторической, т. е. не только изменяющейся в своих отдельных составляющих, но и развивающейся в целом. Точно так же речь идет и не о том, чтобы воспроизвести процесс развития системы, исходя непосредственно из ее генетических отношений,— такое понимание равносильно смешению логического способа со способом историческим.

При теоретическом способе воспроизведения развития системы в целом речь идет о том, чтобы воспроизвести структурно данное состояние системы, во-первых, как состояние именно с и с т е м ы (т. е. во всей сложности и во всем многообразии его структурных связей и зависимостей) и, во-вторых, как состояние системы именно и с т о р и ч е с к о й (т. е. во всей сложности и во всем многообразии его генетических связей и зависимостей).

Конечно, при решении этой задачи исследователь необходимо будет анализировать генетический ряд целого (независимо от того, будет ли он дан ему с самого начала или его придется реконструировать из отношений структурного ряда). Более того, без этого анализа исследователю не удастся воспроизвести процесса развития системы. Но факт остается фактом: непосредственным предметом рассмотрения исследователя-«теоретика», из которого он исходит, который он обязан воспроизвести в мышлении и «за» которым он должен «найти» процесс развития системы, является с т р у к т у р а развивающейся системы.

Другое дело — исследователь-«историк». Он имеет дело прежде всего и главным образом с г е н е т и ч е с к и д а н н ы м и формами системы в ряде сменяющих друг друга ее состояний. И так как конечной целью его исследования* является воспроизведение не этой простой последовательности форм, взятой самой по себе, а исторического процесса развития системы в целом, то непосредственная

¹ К. А. Тимирязев указывает, что морфология с ее сравнительным методом не могла объяснить современный строй органического мира («Исторический метод в биологии», гл. III).

задача исследования здесь состоит в том, чтобы воспроизвести исторические и структурные связи между генетически данными формами системы, связи, приводящие к определенному результату в развитии системы. Именно так определил Энгельс задачу «Классовой борьбы во Франции с 1848 по 1850 г.»: изложение в его внутренней связи всего хода французской истории и раскрытие естественного необходимого результата этой связи¹.

При этом исследователь-«историк» должен решить еще одну задачу, от которой свободен «теоретик». Речь идет о воспроизведении эмпирической истории системы как внешней формы проявления процесса развития. «Теоретик» не знает этой задачи, потому что он имеет дело со структурно данным состоянием системы, которое, позволяя воспроизвести закономерности, механизм развития, не дает почти никаких намеков на прошедшую эмпирическую историю системы.

Таким образом, при рассматриваемом способе исследования речь идет совсем не о том, чтобы только выявить и описать безотносительно друг к другу те или иные генетически данные элементы и связи (а также эмпирические факты) системы и установить порядок их временной последовательности; при таком подходе к делу невозможно говорить об исторических связях между составляющими системы, следовательно, о каких-либо исторических процессах развития. Точно так же речь идет и не о том, чтобы выяснить такие исторические связи только между отдельными формами системы; при таком подходе к делу невозможно говорить о процессе развития системы в целом.

При историческом способе воспроизведения развития системы в целом речь идет о том, чтобы воспроизвести генетически данные составляющие системы, во-первых, как определенный процесс развития (т. е. во всей сложности и во всем многообразии их связей и зависимостей) и, во-вторых, как процесс развития системы (т. е. воспроизвести эти составляющие как образующие во всякий фиксированный момент строение системы, ее структуру, в частности как приводящие к определенному состоянию-результату в развитии системы). Наконец, речь идет о том, чтобы воспроизвести эмпирические факты и со-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I. Госполитиздат, 1952, стр. 210.

бытия из истории системы как конкретно-историческую форму проявления закономерного процесса ее развития.

Конечно, при решении этих задач исследователь необходимо будет анализировать структурный ряд целого (независимо от того, будет ли он дан ему с самого начала или его придется реконструировать из отношений генетического ряда). Более того, без такого анализа исследователь вообще не сможет воспроизвести процесса развития системы. Но факт остается фактом: непосредственным материалом рассмотрения исследователя-«историка» являются генетические, полихронические ряды целого.

Таким образом, совпадая по предмету, конечной цели исследования, логический и исторический способы воспроизведения развития системы различаются исходными материалами, непосредственными задачами исследования. И это различие является важнейшим при понимании их специфики.

Оно, во-первых, определяет все остальные специфические стороны рассматриваемых способов, объясняет их. Например, выше мы говорили о таких внешних характеристиках наших способов, как «абстрактно-теоретический» и «конкретно-исторический» подходы к объекту. Теперь они становятся понятными. Конкретно-эмпирическая история (генетический ряд внешних составляющих) объекта не является исходным материалом анализа при логическом способе, поэтому воспроизведение объекта в «абстрактной», «обобщенной» форме, в «чистом виде» и т. д. достигается при этом способе не путем отвлечения от конкретных форм генезиса системы, не путем опускания их, а путем анализа структуры системы (где вся конкретно-историческая форма процесса снята самим объективным развитием). Точно так же конкретно-историческая форма анализа объекта в случае исторического способа объясняется тем, что этот последний имеет дело с генетическим рядом объекта и обрабатывает именно его.

Отмеченные выше специфические закономерности определяют и сам логический механизм рассматриваемых способов, их структуру, элементы их структуры. На первый взгляд, это может показаться сомнительным. Но всякие сомнения тотчас развеиваются, как только мы перейдем от общей постановки вопроса к конкретному исследованию. Ведь если наши способы различаются исходным материалом,

подлежащим непосредственной обработке, и если они при этом должны привести к одной и той же конечной цели, то ясно, что этот различный материал исследования должен быть расчленен, исследован и воспроизведен мышлением различным образом.

Это обстоятельство находит свое выражение в различии рассматриваемых способов как по функциональным нагрузкам и внешней форме выражения их общих приемов, так и по наличию в их системах специфических приемов исследования, вырастающих на базе решения специфических задач. Но главное, конечно, различие в общих принципах расчленения объекта, определяющих способ группирования изучаемого материала, последовательность его рассмотрения, характер воспроизводимой в мышлении картины объекта; принцип расчленения определяет и всю систему приемов исследования, которые применяются в рамках данного способа.

С точки зрения общей характеристики рассматриваемых способов исследования принцип расчленения объекта может быть охарактеризован здесь, по меньшей мере, двумя моментами: 1) направлением, в котором должно проводиться расчленение исследуемого объекта, так сказать, характером самого этого расчленения (нетрудно видеть, что такое расчленение может быть, например, как структурным, горизонтальным, так и генетическим, вертикальным) и 2) совокупностью тех сторон, тех свойств исследуемого объекта, которые выделяются в качестве оснований для проведения его расчленения и определяют конкретные границы этого расчленения. Первую сторону принципа расчленения объекта назовем отношением расчленения объекта, вторую — основанием расчленения объекта.

2. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ В ФОРМЕ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ»

Лежащая перед «теоретиком» система представляет собой, прежде всего, сложное целое, состоящее из массы различных элементов и связей. Все они даны одновременно друг с другом — структурно, и потому первая трудность, с которой сталкивается исследователь при решении своей задачи (воспроизведении данного состояния системы как

исторически развившегося и развивающегося), состоит в определении начального, исходного пункта исследования.

Эта система представляет собой, далее, такое целое, которое включает в себя различные зависимости между входящими в него элементами и связями, такое целое, в котором один и тот же элемент входит в состав нескольких связей, а одна и та же связь связана определенными зависимостями с несколькими другими связями и т. д. При таких условиях даже и после решения вопроса «с чего начать?» исследователь сталкивается с другой трудностью — с трудностью определения последовательности рассмотрения элементов, связей и зависимостей системы, последовательности переходов от отношения исходного к другим, от этих других к третьим и т. д.

Наконец, данная «теоретику» система представляет собой такое целое, различные элементы, связи и зависимости которого относятся к исторически различным ступеням в его развитии (т.е. располагаются не только в синхронический, но и в полихронический ряды). При таких условиях даже и после решения первых двух вопросов исследователь сталкивается еще с одной трудностью — с трудностью изображения системы как системы исторической, с трудностью изображения принятой последовательности рассмотрения и переходов как последовательности и переходов исторических.

Блестящее решение всех этих вопросов исследования мы находим у классиков марксизма-ленинизма.

Приступая к анализу буржуазных экономических отношений, Маркс писал, что расчленение предмета, очевидно, должно выявить «категории, которые образуют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность»¹. И еще: «Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд; государство, внешняя торговля, мировой рынок*. Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная связь трех других рубрик оче-

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 222.

видна»¹. Аналогичное расчленение объекта имеет место и в исследовании В. И. Лениным системы империализма: в качестве выделяемых им «рубрик» фигурируют финансовый капитал, вывоз капитала, раздел мира между союзами капиталистов, раздел мира между великими державами.

Таким образом, говоря о принципе расчленения объекта, характерном для «исторической теории», в частности об отношении расчленения, нужно сказать, что оно носит структурный характер, является структурным расчленением исследуемой системы. Такой тип расчленения объекта характеризуется тем, что система расчленяется на ряд различных и притом одновременно данных сфер, и тем, что момент одновременности и структурной данности при таком выделении сфер является определяющим, в то время как момент исторической последовательности не играет существенной роли.

Это последнее обстоятельство может показаться сомнительным: ведь расчленение объекта, к которому прибегает К. Маркс, позволяет ему воспроизвести процесс развития системы. Но одно дело — результат исследования, другое дело — сам процесс исследования, ведущий к этому результату. Из того, что такое расчленение позволяет воспроизвести исследуемую систему как историческую, т. е. в процессах ее возникновения и развития, совсем не следует, что оно является расчленением генетическим, основывающимся на генетической последовательности появления тех или иных составляющих системы. Маркс так и пишет: «...Недопустимым и ошибочным было бы брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствующим последовательности исторического развития... Речь идет об их расчленении внутри современного буржуазного общества»².

К. Маркс не ограничивается общим структурным расчленением системы в том виде, как мы его только что охарактеризовали. Такого расчленения совсем недостаточно

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 5; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 60.

² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 221.

для того, чтобы ответить хотя бы на один из поставленных выше вопросов, чтобы, следовательно, воспроизвести исследуемый объект в виде исторической системы. Поэтому К. Маркс выясняет определенные отношения, зависимости между сферами системы. При этом характер зависимости является для него определяющим при самом таком выделении структурных сфер.

К. Маркс различает двоякого рода зависимость, определяющую структурное расчленение объекта: 1) по отношению «господствующее — подчиненное» (когда исследуемая система расчленяется на такие составляющие, из которых одни являются определяющими, а другие, напротив, определяемыми) и 2) по отношению «простое — сложное» (когда исследуемая система расчленяется на такие составляющие, из которых одни по своему строению являются более простыми, а другие — более сложными)¹.

По отношению «господствующее — подчиненное» К. Маркс проводит, в частности, расчленение системы на «капитал» и «земельную собственность». «Каждая форма общества, — пишет он, — имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных... Это — общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях. Это — особый эфир, который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося». Такой «господствующей над всем экономической силой буржуазного общества» является капитал; земледелие же «все более и более становится только одной из отраслей промышленности и подпадает совершенно под господство капитала»².

Нетрудно понять значение такого расчленения объекта. Оно не только группирует материал исследования, сортирует его по рубрикам, упорядочивает его, оно определяет общую последовательность рассмотрения материала. На эту сторону дела неоднократно указывал Маркс. Перечисляя все «рубрики» (сферы) своего исследования, он подчеркивал: «я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке...»³. Или еще: «Капитал, это — господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен состав-

¹ Там же, стр. 5 (разрядка наша. — Б. Г.).

² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 220, 221.

³ Там же, стр. 5 (разрядка наша. — Б. Г.).

лять как начальный, так и конечный пункт и должен быть разобран (entwickelt) раньше земельной собственности»¹.

Значение рассматриваемого расчленения объекта состоит и в том, что, приводя к выделению некоторой господствующей сферы, оно тем самым определяет нижнюю временную границу исторического рассмотрения объекта, т. е. тот временный «порог», который отделяет нашу систему от системы ей предшествующей (в последней данная сфера, выделенная исследователем в качестве господствующей, отсутствует). При этом элементы, связи и зависимости, находящиеся выше этого «порога», т. е. возникающие внутри системы, в процессе ее развития, должны быть (при воспроизведении системы в форме «исторической теории») проанализированы исследователем с точки зрения механизма их возникновения. Напротив, элементы, связи и зависимости, находящиеся и ниже этого «порога», т. е. возникающие вне нашей системы, до нее, могут быть введены исследователем и просто как факт, могут и не анализироваться с точки зрения механизма их возникновения (такой анализ выводит за пределы исследуемой системы). В «Капитале» нет буквально ни одной категории, специфической для капиталистической системы, которая не рассматривалась бы Марксом в процессе ее возникновения. Но именно вне этих процессов там рассматриваются многие категории, возникающие в исторически предшествующие капитализму времена (именно так вводится, например, в «Капитале» и сам исходный пункт его анализа — товар)².

Расчленение объекта по отношению «господствующее — подчиненное» может быть многоступенчатым. К. Маркс, например, выделив в качестве господствующей сферы своей

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 221, (разрядка наша.—Б. Г.).

² Здесь очень важно подчеркнуть необходимость различения таких вещей, как возникновение самого *составляющего* системы и возникновение той или иной его *исторической формы*. Выпадая за нижний временный порог системы и потому — с точки зрения процессов его возникновения — за пределы анализа данной исторической системы в форме исторической теории, то или иное составляющее этой системы может и должно быть рассмотрено с точки зрения процессов возникновения его исторической формы, возникающей внутри рассматриваемой системы и в процессе ее развития. Так, не рассматривая возникновения купеческого капитала в его допотопных формах, Маркс анализирует процесс возникновения типично капиталистической формы этого капитала — товарно-торгового капитала.

системы капитал, расчленяет его далее подобным же образом — на его основную, господствующую форму (промышленный капитал) и его подчиненные формы — «производные» (капитал, приносящий процент) и «второстепенные» (товарно-торговый капитал)¹. Но вместе с тем такое расчленение системы, как правило, применяется только при выделении довольно крупных и сложных по своему строению структурных сфер. Оно останавливается на вычленении такой сферы (у Маркса — промышленный капитал), которая, будучи сложной, внутренне многократно расчлененной, может быть анализируема и дальше, но только не с точки зрения отношения «господствующее — подчиненное».

Формой дальнейшего расчленения предмета, позволяющей исследователю дойти до самых дробных единиц рассматриваемой системы, не находящихся между собою в отношении «господствующее — подчиненное», является структурное расчленение по отношению «простое — сложное». С ним связано прежде всего выделение исходного пункта рассмотрения системы в форме «исторической теории», того ее простейшего отношения, которое Маркс и Ленин называли «клеточкой» системы. Значение такого простейшего отношения состоит не только в том, что оно является начальным пунктом воспроизведения системы. Будучи простейшим для всей системы, это отношение позволяет структурно увязать между собой все остальные элементы и связи системы, воспроизвести их в их разнообразных структурных зависимостях. Это же отношение, будучи исторически первичным для всей системы, позволяет исторически увязать между собой все остальные элементы и связи этой системы, воспроизвести их в их разнообразных исторических зависимостях². Правда, такое структурное и историческое увязывание всех составляющих системы (как с «клеточкой», так и между собой) является делом чрезвычайно сложным. Ведь выделенное простейшее отношение в действительности может быть связано (а в мышлении должно быть увязано) с одними связями и отношениями сис-

¹ См. К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 345—346.

² Подробную характеристику «клеточного отношения» системы можно найти у Л. А. Зиновьева в его диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)» — см. Автореферат диссертации, МГУ, 1955.

темы непосредственно, с другими — опосредованно. Все это требует решения сложнейших вопросов о так называемых «промежуточных звеньях», о действительной исторической последовательности составляющих системы и т. д.¹.

Мы не можем останавливаться на том, каким образом определяется и вычленяется простейшее отношение системы, но в связи с различием непосредственных и опосредованных связей «клеточки» нельзя не сделать (в порядке предположения) замечания о той роли, которую в процессе вычленения этой «клеточки» играет, по-видимому, рассмотренное выше структурное расчленение объекта по отношению «господствующее — подчиненное».

Если далеко не всякие связи и зависимости системы непосредственно содержат в себе простейшее отношение, если некоторые из них видимым образом даже противоречат ему, то ясно, что вычленить это простейшее отношение можно, исходя далеко не из всяких связей и зависимостей системы. Иначе говоря, «клеточка» системы, будучи «клеточкой» для всей системы, не может быть вычленена, если исходить из всей этой системы, взятой целиком без каких-либо ограничений. Поскольку же рассмотренная выше форма расчленения объекта известным образом ограничивает связи и зависимости системы, подлежащие рассмотрению в первую очередь (господствующая сфера системы), и поскольку «клеточка» всей системы, вполне понятно, должна быть «клеточкой» и этой сферы, то резонно предположить, что выделение этой господствующей сферы

¹ С проблемой отыскания «посредствующих звеньев», с проблемой опосредствованного увязывания простейшего отношения системы с некоторыми другими ее отношениями, видимым образом противоречащими первому, связаны грубейшие ошибки рикардианской школы в политэкономии. Характеризуя метод самого Рикардо, Маркс писал: «Вот в чем состоит метод Рикардо: он исходит из определения величины стоимостей товаров рабочим временем и затем исследует, не противоречат ли остальные экономические отношения, категории, этому определению стоимости, или насколько они это последнее модифицируют... Научная недостаточность этого метода... проявляется не только в способе изложения (формально), но и приводит к ошибочным результатам, потому что этот метод перепрыгивает через необходимые промежуточные звенья и стремится показать *непосредственным* образом совпадение (Kongruenz) экономических категорий между собою» (Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 11). То же писал Маркс о Мальтусе (Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 7, 19 и др.), о Дж. Милле (там же, стр. 19, 63, 66 и др.).

не только предшествует, но и является условием выявления «клеточки» системы.

Вернемся, однако, к структурному расчленению объекта по отношению «простое — сложное». Как показывает «Капитал», оно является важнейшим при определении последовательности рассмотрения системы. Более простое должно быть рассмотрено и рассматривается раньше более сложного. Элементы рассматриваются раньше связей, их включающих (например, машина — раньше фабрики), более простые связи — раньше связей более сложных (например, Д-Т — раньше Д-Т-Д'), индивидуальный процесс — раньше переплетения индивидуальных процессов (например, метаморфоза индивидуального капитала — раньше метаморфозы общественного капитала), стороны взаимодействия — раньше самого взаимодействия сторон (например, производство и обращение капитала — раньше процесса капиталистического производства, взятого в целом) и т. д. и т. п. При этом более простое должно предшествовать в рассмотрении более сложному даже и тогда, когда оно, так сказать, не типично, встречается как редкое исключение. На это прямо указывает Маркс при анализе влияния времени оборота на величину авансированного капитала¹.

Таков в общих чертах принцип структурного расчленения объекта, лежащий в основе способа воспроизведения развития системы в форме «исторической теории», рассмотренный со стороны его отношения расчленения. Сознвая всю важность вопроса об основании структурного расчленения, мы все же оставляем его в стороне. Отметим только, что решение этого вопроса представляется чрезвычайно трудным. Если с основанием расчленения по отношению «простое — сложное» дело обстоит более или менее ясно (таким основанием, по крайней мере частным, является сложность строения рассматриваемых форм системы — одночленных, двучленных, трехчленных и т. д.),

¹ Выделяя при решении этого вопроса несколько возможностей, — когда рабочий период равен периоду обращения, когда первый больше второго и когда он меньше второго, — Маркс начинает рассмотрение этих возможностей с первой из них. «Хотя этот случай, — пишет он, — в действительности встречается лишь как редкое исключение, он должен послужить исходным пунктом исследования, потому что отношения представляются здесь в наиболее простом и наглядном виде» (Капитал, т. II, стр. 263).

то этого ни в коей мере нельзя сказать об основании расчленения по отношению «господствующее — подчиненное». Гегель в качестве такого основания выдвигал чисто логический критерий (если определение формы «А» возможно без учета формы «В» и если, напротив, определение этой последней должно включать в себя знание об «А», то «А» является формой господствующей и подлежит первоочередному рассмотрению). Теоретическим решением этого вопроса занимался и К. Маркс. Ср., например, его замечание: «земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты»¹ или аналогичное высказывание о кредитных и металлических деньгах².

Последовательность рассмотрения, получающуюся в результате и в самом процессе осуществления принципа структурного расчленения объекта, Маркс (а позднее В. И. Ленин) называл диалектической, или логической, последовательностью рассмотрения.

Значение этой логической последовательности заключается не только в том, что «самые замысловатые экономические проблемы выясняются просто и почти наглядно благодаря только тому, что они ставятся на надлежащее место и в правильную связь...»³. Значение ее также и не только в том, что таким образом расчлененное сложное целое предстает перед нами как система, во всех своих структурных связях и зависимостях, во всех своих сложнейших структурных взаимоотношениях.

Первостепенное значение логической последовательности рассмотрения системы состоит в том, что она является формой воспроизведения исторического процесса развития этой системы, в том, что она обеспечивает отражение исторического процесса, причем отражение «в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное...»⁴. Иначе говоря, первостепенное значение логической последовательности рассмотрения заключается в том, что, исходя из этой последовательности и на ее основе, исследователь может

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 221.

² См. К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 109.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 121.

⁴ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 236.

воспроизвести лежащую перед ним систему как исторически возникшую, развившуюся и развивающуюся¹.

При этом, конечно, приемы такого воспроизведения могут быть весьма различными. И это понятно, если учесть, что весьма различной по своей форме может быть и сама логическая последовательность рассмотрения. Так, Маркс различает логическую последовательность рассмотрения не о б х о д и м у ю и с в о б о д н у ю. Примером первой может быть логический переход от формы господствующей к форме подчиненной (например капитал→земельная рента); от формы одной степени сложности к форме другой (более высокой) степени сложности и т. д. Примером второй может быть переход при рассмотрении форм соподчиненных (например товарно-торговый капитал→капитал, приносящий процент), где принципиально возможен и обратный порядок рассмотрения; от формы одной степени сложности к форме той же самой степени сложности и т. д.

Но все богатство, все разнообразие форм изображения структурно анализируемой системы как системы исторически развившейся и развивающейся можно обнаружить, если учесть те различия в форме логической последовательности рассмотрения, которые вытекают из отношения:

логическая последовательность рассмотрения, или
историческая последовательность появления, или
логический переход
генетическая последовательность.

Тут можно различить такие виды логической последовательности рассмотрения: п р я м о с о в п а д а ю щ у ю с г е н е т и ч е с к о й последовательностью (например, в «Капитале»: о р у д и е труда→машина; деньги→капитал); о б р а т н о с о в п а д а ю щ у ю (например, фабричное производство→работа на дому; капиталистическая земельная рента→докапиталистические формы земельной ренты); н е с о в м е с т и м у ю с г е н е т и ч е с к о й последовательностью, когда последовательность рассмотрения не имеет к последней никакого отношения вообще (например, прибавочная стоимость→прибыль; потребительная стоимость→стоимость→товар как их единство) и др.

¹ Ф. Энгельс отмечал, что в «Капитале» «...дело идет не о чисто логическом лишь процессе, но об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей» (Капитал, т. III, стр. 908).

Выдающаяся, бессмертная заслуга марксистской философии состоит в том, что она дала науке всесторонне разработанный безупречный метод научного исследования, позволяющий при воспроизведении процесса развития системы в теоретической форме получать логическую последовательность рассмотрения системы, определять генетическую последовательность структурных составляющих системы, тем самым воспроизводить и изображать логические переходы как переходы исторические.

3. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ В ФОРМЕ «ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»

В начале III главы мы уже говорили о трудностях исследования, стоящих перед «историком». Взять ту же последовательность рассмотрения. Казалось бы в отличие от «теоретика» «историку» должно быть все ясно: последовательность должна быть временной (сначала рассматриваются генетически предыдущие состояния и составляющие системы, затем — генетически последующие). Но на практике все оказывается гораздо сложнее. Даже если предположить, что границы системы, в том числе ее нижний временной «порог», уже определены, т. е. известно, с чего начинать воспроизведение истории системы (между прочим, с решением вопроса об «исходном пункте» исследования в случае «теоретической истории» дело обстоит не менее сложно, чем в случае «исторической теории»), то и после этого исследователю еще предстоит решить, в какой последовательности рассматривать генетически данную систему. Конечно, главная из всех этих трудностей — проблема общего расчленения системы, воспроизведения отдельных исторических состояний в ее развитии.

Блестящее преодоление этой трудности мы находим в исторических исследованиях классиков марксизма-ленинизма, прежде всего в таких работах К. Маркса, как «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Теории прибавочной стоимости» (в двух первых из них речь идет о воспроизведении небольшого по времени отрезка политической истории Франции, в последнем — почти о двухвековой истории науки политической экономии).

Говоря о принципе расчленения объекта, применяемом К. Марксом в этих работах, в частности об отношении рас-

членения, нужно сказать, что оно имеет исторический характер. Этот тип расчленения объекта характеризуется тем, что система расчленяется на ряд различных, исторически друг за другом следующих сфер (так что сферы выступают в качестве определенных исторических состояний, этапов, периодов) и что при самом таком выделении сфер момент их исторической последовательности является важнейшим.

Характеризуя в предыдущем параграфе структурное расчленение объекта, мы отмечали, что для понимания его существа недостаточно было указания лишь на структурную направленность расчленения. Иначе обстоит дело при понимании существа отношения расчленения, лежащего в основе принципа исторического расчленения объекта. Указания на тот момент, что расчленение проводится здесь по отношению «исторически предыдущее состояние системы — исторически последующее состояние системы», и на тот момент, что выделяемые при этом сферы должны различаться с точки зрения входящих в них составляющих системы, вполне достаточно, чтобы охарактеризовать рассматриваемое отношение расчленения объекта по существу. Однако отношение расчленения составляет только одну сторону принципа расчленения объекта. Ведь, зная, что расчленение должно быть историческим, мы с самого начала не знаем, в каких местах, в каких точках проводить это расчленение: «...эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно-строгими разграничительными линиями»¹. Поэтому необходимо остановиться на другой стороне дела — о с н о в а н и и р а с ч л е н е н и я объекта.

Анализируя исторические работы Маркса и Ленина, можно выявить некоторые логические стороны решения важнейшей проблемы современной исторической науки — проблемы периодизации и ее основания. И сделать это — хотя бы в самом общем виде — тем более необходимо, что в логическом плане эта проблема не решена до сих пор (несмотря на блестящие образцы ее решения К. Марксом и В. И. Лениным!). Проводившаяся несколько лет назад на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссия о

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 377.

периодизации истории СССР отчетливо выявила полную неясность в этом вопросе¹.

Исторические работы К. Маркса и В. И. Ленина прежде всего показывают, что историческое расчленение различных систем должно проводиться по различным основаниям, или, иначе, что конкретная форма, конкретный тип стороны системы, избираемой в качестве основания расчленения, неразрывно связаны с самой этой системой и оказываются различными для различных систем.

Факт этот является, вообще говоря, весьма тривиальным. Но в практике исторического исследования его непонимание превращается в ряд сложнейших проблем. Совпадают ли основания исторического расчленения различных объектов? Совпадают ли границы периодизации различных систем, в частности определяющей и зависимой? Возможно ли историческое расчленение по единому основанию синтетической системы? и т. д. — вот вопросы, которые часто оказываются не только спорными, но и нерешенными².

Между тем основания исторического расчленения различных систем действительно различны. В. И. Ленин, говоря, например, о российском государстве, исторически расчленяет этот объект, исходя прежде всего из структуры самой государственности (русское самодержавие XVII века с боярской думой — самодержавие XVIII века с его чиновничье-дворянскими сословиями — самодержавие XIX века, сверху освобождающее крестьян и насаждающее капитализм и т. д.³). Но В. И. Ленин вовсе не принимает

¹ Редакционная статья журнала «Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР» отмечала: «Участники дискуссии единодушно высказались за пересмотр старой, существующей ныне периодизации. В ее защиту в ходе дискуссии не раздалось ни одного слова... В принятой ныне периодизации непомерно большое место занимает «государственный принцип»... В наших учебниках сохранились элементы периодизации «по векам» и «по царям» («Вопросы истории», 1951, № 3, стр. 54).

О трудностях решения проблемы периодизации см. также Н. М. Страх ов. Задачи и методы исторической геологии; акад. А. А. Бори ся к. Курс исторической геологии, 1935, и т. д.

² Среди участников упомянутой дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории», например, было немало таких, которые не только пытались найти безусловно единое основание расчленения всей истории СССР (во всех ее экономических, социальных, политических и культурных проявлениях), но и всерьез говорили о едином основании периодизации, «пригодном для всех периодов и всех формаций».

³ В. И. Лени н. Соч., т. 15, стр. 308; т. 17, стр. 117 и др.

в расчет структуры государственного строя и выбирает совершенно другие основания исторического расчленения, когда речь идет о других объектах исследования (известна, например, его периодизация процесса развития капитализма в России, проведенная по экономическому основанию. Известна его периодизация классовой борьбы в России, данная, например, в «Памяти Герцена», и т. д.). Точно так же К. Маркс, исследуя в «Классовой борьбе во Франции» политическую историю французского общества на очень коротком отрезке времени, всецело исходит при историческом расчленении этого материала из отношений классовой борьбы, оставляя фактор экономического развития почти без внимания. Напротив, когда Маркс начинает исследовать историю экономических отношений капиталистической формации, в качестве основания расчленения системы он берет уже определенные экономические отношения (способ производства прибавочной стоимости).

Но дело не только в этом. Сопоставляя, например, выделяемые Марксом различные основания расчленения (периодизации) двух безусловно различных систем, нельзя не обнаружить в них ряда существеннейших общих моментов.

И в первом и во втором случаях формы системы, выделенные в качестве основания расчленения, представляют собой не те или иные эмпирические факты и события истории и не те или иные отдельные внутренние формы структуры объекта, но множество, массу таких внутренних форм (элементов, связей). Что касается способа производства прибавочной стоимости, то эта экономическая категория включает в себя и товар, и деньги, и рабочую силу как товар, и различные элементы самого производства, и т. д. Что касается классовой борьбы, то она включает в себя различные классы буржуазного общества, различные его экономические, политические и т. д. элементы.

Выделяемые К. Марксом внутренние стороны системы представляют собой, далее, не массу разрозненных, изолированных элементов и связей, но определенные зависимости между ними. Причем эти зависимости являются специфическими зависимостями систем, совпадающими с самой их сущностью, следовательно, характеризующими все их исторические состояния — от их исходного состояния до состояния-результата.

Выделяемые Марксом в качестве основания расчленения структурные зависимости являются, далее, зависимостями и з м е н я ю щ и м и с я , р а з в и в а ю щ и м и с я с развитием систем. При этом само различие, несовпадение форм существования одной и той же зависимости и является действительным основанием исторического расчленения системы на ряд ее исторических состояний.

Маркс расчленяет историю буржуазных экономических отношений в целом на такие этапы, как домануфактурное производство, мануфактура, крупная промышленность. Все эти этапы характеризуются производством прибавочной стоимости. Но характер структуры этого производства является во всех этих случаях различным. То же самое мы имеем с историческим расчленением политической истории Франции 1848—1851 гг. Выделяемые здесь Марксом различные сферы истории (Февральский период. Комедия всеобщего братания. Период учреждения республики и т. д.), неизменно включая в себя все классы буржуазного общества и их борьбу, различаются друг от друга как раз структурой взаимоотношения всех этих элементов.

Наконец, последнее. Выделяемые Марксом структурные зависимости не являются единственными зависимостями, могущими выступать в качестве основания расчленения рассматриваемых систем. Наряду, например, со способом производства прибавочной стоимости в системе буржуазных экономических отношений может быть выделен способ распределения прибавочной стоимости. Являясь сложной, развивающейся и т. д. зависимостью, этот последний, вообще говоря, также может послужить основанием периодизации. При таких условиях законным оказывается вопрос: какая из структурных зависимостей системы, удовлетворяющая всем перечисленным выше условиям, должна быть выбрана в качестве подлинного основания исторического расчленения этой системы? Ответ К. Маркса: зависимость г о с п о д с т в у ю щ а я , определяющая и подчиняющая себе все остальные связи и зависимости системы.

Что касается способа производства прибавочной стоимости, то применительно к нему это положение ясно само собой. Точно так же оно не может вызывать никаких сомнений и применительно к истории французской революции 1848 г. Маркс занимается здесь политической историей. Поэтому в качестве основания периодизации он мог, вообще говоря, взять и международные взаимоотношения Фран-

ций тех лет. Поступает же так современный ему историк Верморель, который, например, первый этап в жизни Второй республики всецело связывает с так называемой римской экспедицией генерала Удино¹. И если Маркс этого не делает, если он исходит при решении своей задачи из отношений борьбы общественных классов, то это делается им только потому, что он, по словам Ф. Энгельса, открыл тот великий закон движения истории, по которому всякая историческая борьба (политическая, религиозная и т. д.) в действительности является выражением борьбы классов², т. е. выявил эту борьбу классов в ее определенности господствующего отношения рассматриваемой им системы.

Так в общих чертах обстоит дело с принципом исторического расчленения объекта, лежащим в основе способа воспроизведения развития системы в форме «теоретической истории». Разумеется, эта общая характеристика нуждается во всесторонней конкретизации. Причем эта конкретизация должна идти не только по линии дальнейшего логического анализа структуры основания периодизации, способов его вычленения в системе в целом, а также воспроизведения по найденному основанию структуры отдельных исторических состояний (периодов) системы. Общие закономерности исторического расчленения системы претерпевают серьезные модификации и усложнения и как только мы переходим от исследования простой, или определяющей, системы к анализу систем зависимых, синтетических и т. д.

Сейчас же остановимся еще на одной стороне исторического исследования объекта, в которой марксизм произвел подлинный революционный переворот. Мы говорим о методах анализа эмпирической истории системы, связанных с марксовым принципом материалистического понимания истории.

Как уже отмечалось выше, данные исследователю «историку» эмпирические факты и события, внешним образом выражающие закономерный процесс развития исследуемой системы, представляют собой некоторый полихронический ряд. При этом, так как исследователь имеет дело со сложным объектом, те или иные эмпирические факты и события могут не только сменять друг друга во времени, но и сосуществовать друг с другом, быть син-

¹ Верморель. Деятели 1851 г. История президентства и основания Второй империи. СПб, 1870.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. 1, стр. 211.

хронными. Значит, практически речь идет всегда не об одном таком полихроническом ряде, а о нескольких рядах или о таком сложном полихроническом ряде, в каждой временной точке которого имеется не один, а масса эмпирических фактов и событий. Положение усложняется еще более в связи с тем, что на поверхности исторического процесса всегда имеется взаимосвязанный эмпирический материал по развитию различных систем. При исследовании, например, политической истории общества мы, кроме сложного полихронического ряда «собственной» системы, имеем еще сложные полихронические ряды фактов и событий экономических, идеологических и т. д.

Некоторые из всех этих фактов и событий видимым образом связаны между собой, некоторые из них; напротив, представляются совершенно внешними друг другу и появляются как гром с ясного неба. Но все они в процессе исследования должны найти свое действительное, научное объяснение, все они должны быть поняты в их действительных, объективных связях.

Именно эти вопросы стояли перед Марксом-«историком»: «объяснение определенной полосы истории» и «вскрытие внутренней причиной связи», «изложение событий, которое вскрывает их внутреннюю связь», «изложение в его внутренней связи хода истории... и раскрытие естественного, необходимого результата этой связи» и т. д.¹ Именно эти вопросы Марксом и были решены — решены в процессе научного исследования эмпирической истории с помощью открытого им диалектического метода.

Лучше всего этот метод исследования (применительно к собственно историческому исследованию) был охарактеризован Энгельсом. «...Маркс, — писал он, — впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического по-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. 1, стр. 91, 92, 210.

ложения, характером и способом производства и определяемого им обмена»¹.

О принципе материалистического понимания истории можно говорить очень много. Но нас он сейчас интересует только как прием (совокупность приемов) исторического исследования, в частности как ключ к пониманию эмпирической истории. Об этой стороне исторического материализма в нашей литературе не сказано почти ничего, но именно эту сторону дела (а с точки зрения диалектического метода научного исследования это — не сторона, а суть дела) прежде всего отмечал В. И. Ленин. «...Материализм в истории,— писал он,— никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать «единственно научный», по выражению Маркса,... прием объяснения истории»².

С этой точки зрения в принципе материализма важно подчеркнуть следующие две его стороны (их подчеркивает В. И. Ленин в статье «Карл Маркс»³).

1) Все наблюдаемые на поверхности исторического процесса (духовного, социального, политического) факты и события являются лишь внешней формой проявления определенного закономерного исторического процесса. Поэтому при их объяснении и увязывании нужно исходить не из них самих, но из этого скрытого за ними процесса. Этот прием диалектического материализма принципиально отличает исторический метод Маркса—Ленина как от старого материализма, тяготевшего к прагматизму⁴, так и от таких концепций понимания эмпирической истории,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, стр. 211.

² В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 128—129 (разрядка наша.— Б. Г.).

³ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 40.

⁴ Взгляд старого материализма на историю...— писал Ф. Энгельс,— был «по существу прагматический: он судил обо всем по мотивам действий, делил исторических деятелей на честных и плутов... Из этого обстоятельства... для нас вытекает тот вывод, что в исторической области старый материализм изменяет самому себе, считая действующие там идеальные побудительные силы последними причинами событий, вместо того чтобы исследовать, что за ними кроется, каковы побудительные силы этих побудительных сил. Непоследовательность заключается не в том, что признается существование идеальных побудительных сил, а в том, что останавливаются на них, не идут дальше к движущим причинам этих идеальных побудительных сил» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 372).

как субъективизм, психологизм и др., которые пытались представить эту форму проявления внутреннего процесса как сам процесс развития, которые пытались исходить при объяснении фактов и событий истории только из них самих и из их внешних, видимых связей.

2) Все наблюдаемые на поверхности исторического процесса факты и события являются внешней формой выражения закономерного исторического процесса, представляющего собой объективный естественно-исторический процесс. Поэтому при обнаружении и воспроизведении этого процесса нужно исходить не из каких-то потусторонних сущностей, но из самих этих эмпирически данных фактов и отношений объективной истории. Этот прием диалектического материализма принципиально отличает исторический метод Маркса—Ленина от таких концепций понимания эмпирической истории, как провиденциализм, телеологизм и другие, которые хотя и рассматривают эмпирическую историю как форму выражения каких-то закономерностей, но понимают эти последние как закономерности, стоящие по ту сторону вещей, связанные с божественным целеполаганием и пр. и пр.¹

Иначе говоря, материалистическое понимание истории, понятое как прием научного исследования, заключается в целом, в самом общем своем виде, в двух моментах: во-первых, в том, чтобы путем анализа всех сторон исследуемого (с точки зрения воспроизведения его эмпирической истории) объекта выделить такую его сторону, которая составляла бы основу, самую суть исторического процесса его развития, и, во-вторых, в том, чтобы все эмпирические факты и события, относящиеся к истории данного объекта, понять как форму проявления (непосредственную или опосредованную) этой определяющей, сущностной стороны.

Эти принципы характеризуют научное воспроизведение эмпирической истории любого объекта и простой

¹ «...Философия истории,— писал Ф. Энгельс,— особенно в лице Гегеля, признавала, что как выставленные напоказ, так и действительные побуждения исторических деятелей вовсе не представляют собой последних причин исторических событий, что за этими побуждениями стоят другие движущие силы, которые и надо изучать. Но философия истории искала эти силы не в самой истории; напротив, она приносила их туда извне, из философской идеологии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 372).

системы, где в качестве определяющей стороны выступает господствующее отношение этой системы (например, способ производства прибавочной стоимости при воспроизведении эмпирической экономической истории капитализма), и синтетической системы, где на поверхности можно различить несколько групп (систем) эмпирических фактов и событий и где в качестве определяющей стороны выступит господствующая, определяющая система (например, экономическая система при воспроизведении эмпирической политической, духовной и прочей истории). Этими принципами характеризуются и исторические работы К. Маркса о Французской революции, где в качестве определяющей стороны исторического процесса развития выделяется, как известно, процесс развития классовой борьбы и определяющий ее процесс развития экономических отношений и где все эмпирические факты объясняются как в своем содержании, так и в своих внутренних связях друг с другом путем известного отнесения их к этой определяющей стороне.

4. УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО СПОСОБОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, и логический и исторический способы исследования являются способами воспроизведения исторических процессов развития системы. Уже отсюда вытекают, по крайней мере, три вывода относительно условий их применения: 1) способы могут быть приложены только к с и с т е м е, т. е. к сложному, внутренне связанному, объективно (и субъективно) выделенному из других объектов целому (отсюда неприменимость их в науках, занимающихся сопоставительным изучением нескольких различных систем); 2) способы могут быть приложены только к и с т о р и ч е с к о й с и с т е м е (отсюда их неприменимость в науках, не имеющих дела с исторически развивающимся объектом, например, в математике); наконец, 3) способы могут быть приложены только к исследованию и с т о р и ч е с к и х п р о ц е с с о в развития системы (отсюда — неприменимость их в науках, изучающих историческую систему с других точек зрения, нежели ее развитие). Эти три условия применения рассматриваемых способов вытекают из самого определения последних. Но если второе и третье условия не требуют никаких пояснений, то в связи с первым хотелось бы подчеркнуть следующее.

Конечно, и логический и исторический способы могут быть приложены к любой исторической системе. Но необходимым условием их применения является не только объективное существование самой системы, но и субъективное выделение ее как объекта рассмотрения из ряда других, объективно рядом с ней существующих и переплетенных систем. Если исследователь не соблюдает этого условия, если он смешивает несколько различных систем в одну систему, то применение логического или исторического способов оказывается делом безнадёжным. И это понятно: то, что объективно не существует как единое органическое целое, не может быть воспроизведено в качестве такового и в мышлении. Множество примеров из истории науки подтверждают это положение.

Возьмем, например, А. Смита с его антиисторическим методом рассмотрения капиталистических производственных отношений. Ведь антиисторизм А. Смита заключается не в том, что он не признает фактов изменения, развития человеческого общества. Совсем нет. Как мы уже отмечали, типично исторический подход к делу характеризует многие разделы «Богатства народов», и уж совершенно бесспорным является тот факт, что А. Смит в отличие от некоторых вульгарных экономистов признает существование «первобытных» времен, предшествовавших присвоению земли в частную собственность и накоплению капиталов¹. И тем не менее капиталистические отношения не предстают у него как развивавшиеся и развивающиеся.

Помимо всего прочего одной из важнейших причин подобного ошибочного изображения объекта является как раз то, что А. Смит не выделяет капиталистических отношений в качестве строго определенной исторической системы (отличной и отграниченной в пространстве и времени) из ряда других объективных систем. Все находимые исследователем формы, которые могут относиться и в действительности относятся к исторически различным системам и которые поэтому нельзя рассматривать как данные структурно, наряду в одной и той же системе, А. Смит воспринимает и исследует именно как таковые — как относящиеся к одной и той же капиталистической системе. В этом смысле А. Смит не знает никаких других систем, кроме капиталистической. И подобный подход к делу не может оставаться

¹ См. А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I. Соцэкгиз, 1935, стр. 45, 60, 229 и др.

ся безнаказанным — система искажается в важнейших своих характеристиках, исследователь запутывается в неразрешимых противоречиях.

Два примера. В книге I, главе VI «Богатства народов» А. Смит дает два определения закона стоимости. Одно из них говорит об эквивалентном обмене товаров (по их стоимостям), другое — об обмене неэквивалентном (или, как мы бы теперь сказали, об обмене товаров по их ценам производства). Известно, что оба эти определения относятся к различным историческим системам и что специфическим для капиталистического способа производства является только последнее определение¹. Смит же не ставит вопроса о границах капиталистической системы, т. е. относит оба эти определения к системе капиталистической. В результате, вместо того чтобы говорить о процессе развития отношения стоимости в его противоположность и тем самым представить капиталистическую систему в процессах ее возникновения и развития; А. Смит впадает в неразрешимое противоречие с самим собой².

Другой пример. В книге II, главе III А. Смит дает два определения производительности труда. Одно из них также относится к специфически капиталистическому способу производства. Другое же фиксирует производительность труда вообще и получено в результате сопоставления двух исторически различающихся; т. е. относящихся к двум исторически различным системам форм труда, данным в настоящее время исследователю одновременно (у Смита это — труд рабочего мануфактуры и домашнего слуги). Оба эти определения (каждое в своих границах) вполне правомочны и необходимы. Но А. Смит рассматривает их как определения, одновременно специфические для капиталистического способа производства. Тем самым он становится на путь антиисторического понимания исследуемой им системы и приходит к смешению всего и вся. «Только буржуазная ограниченность,— писал об этой ошибке А. Смита Маркс,— считающая капиталистические формы производства абсолютными, а следовательно, и вечными.., способна вопрос о том, что такое производительный труд с точки зрения

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 184—185, а также стр. 908—917.

² Об этой ошибке Смита см. К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 93—94, 106—107 и др.

капитала, смешать с вопросом, какой труд вообще производителен или что такое производительный труд вообще»¹.

Наличие объективно существующей и субъективно осознаваемой (т. е. выделяемой из ряда других систем) системы является необходимым условием применения и исторического способа исследования. Это, конечно, не значит, что исторический способ не может быть применен к анализу сразу нескольких исторических систем. Напротив, при условии различения в сознании этих систем и отделения их друг от друга он может воспроизвести процесс развития, охватывающий несколько сменяющих друг друга систем. Речь идет о том, что исторический способ не может быть применен к анализу нескольких систем, рассматриваемых (или принимаемых исследователем) в качестве одной системы. Доказательство этому — серьезные ошибки в исторических построениях Гегеля.

Гегелевская попытка воспроизведения исторического процесса развития (например «Философия истории») меньше всего была связана с задачей научного объяснения только эмпирической истории. Гегель ставил перед собой цель: раскрыть внутреннюю закономерность процесса развития, представить его как процесс развития системы, следовательно, дать в исторической форме строение, структуру исследуемого объекта. Понятно поэтому, что он не рассматривает историю человеческого общества как сплошной хронологический поток, но расчленяет ее на ряд качественных ступеней. Тем не менее и этот исторический процесс развития в целом, и строение и сущность выделенных Гегелем отдельных исторических состояний объекта предстают у него в искаженном виде.

Это происходит по ряду причин. Одной из важнейших из них является, конечно, отождествление Гегелем процесса человеческого познания с самим ходом объективно-исторического процесса (ошибка, вследствие которой, как указывал Маркс, в исторических исследованиях Гегеля «сын производит на свет мать»²). Но не менее важным является здесь и смешение Гегелем различных, несопадающих друг с другом объектов исследования (систем) в одну и ту же систему. Все выделяемые Гегелем ступени исторического развития понимаются и исследуются им не как различные системы, сменяющие друг дру-

¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 255.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 200.

га, но как ступени в развитии одной и той же системы прусской государственности (вернее, абсолютного духа, воплощением которого она является). «Всемирная история... — пишет Гегель, — излагает развитие сознания духа о его свободе и о производимой этим сознанием реализации. Развитие выражается в том, что оно является рядом ступеней, рядом дальнейших определений свободы, вытекающих из понятия предмета»¹.

Иначе говоря, имея дело с рядом исторически сменяющихся друг друга систем, вместо того чтобы исследовать процесс развития каждой из них и затем процесс смены одной из них другой, Гегель метафизически (совсем в духе А. Смита!) рассматривает эти системы как одну. И такой подход к делу не остается безнаказанным. С одной стороны, происходит насильственное рассмотрение всех предшествующих объектов и их исторических состояний только как преддверия к объектам позднейшим, в частности насильственное обнаружение в первых форм исторически позднейшей системы, которые там отсутствуют (так называемая ошибка модернизации). С другой стороны, искажается сама позднейшая система. Рассматриваемая не в качестве одной из ряда систем, но в качестве результата и конца его предшествующего развития, она лишается саморазвития; в частности, ей приписываются такие формы, которые характерны для исторически предшествующих систем и отсутствуют в ней самой (так называемая ошибка архаизации).

До сих пор мы говорили об условиях применения общих для логического и исторического способов исследования. Но, будучи различными, эти способы предполагают и ряд специфических условий своего применения. Причем речь идет не только об объективных условиях, когда по независящим от исследователя обстоятельствам единственно уместным оказывается или логический, или исторический способ, но и об условиях субъективных, когда в зависимости от конкретных задач исследователь может прибегнуть или к логическому, или к историческому способу.

Возьмем, например, случай когда исследователю объективно дано только одно состояние исторической системы (состояние-результат) и когда все другие ее состояния исчезли (случай, характерный для космогонии.) Ясно,

¹ Гегель. Соч., т. VIII, стр. 61.

что исторический способ, который воспроизводит развитие системы исходя из ее генетического ряда, т. е. из ряда последовательных ее состояний, здесь неприменим. Но подобного условия вполне достаточно для логического способа исследования, который воспроизводит развитие системы исходя из ее структурного ряда.

Частным случаем рассматриваемого условия является так называемая «изолированная система». Тут в единственном числе находится не только непосредственно данное состояние системы, но и сама система в целом, так что всякая возможность генетических и структурных сопоставлений ее с другими, «родственными» системами полностью исключена. Можно ли воспроизвести процесс развития такой системы? На наш взгляд, логическим способом — да. Правда, существует мнение, что наличие еще одной системы, допускающей сравнение с нашей, является все же необходимым. В прямой форме подобная точка зрения высказывалась, например, в свое время В. Г. Фесенковым. «Изолированность планетной системы, — писал он, — чрезвычайно усложняет ее изучение, так как лишает возможности сравнивать ее с другими аналогичными системами. При отсутствии подобного сравнения объяснение происхождения планетной системы является безнадежным делом и не может быть никогда достигнуто однозначным образом»¹. Такого же мнения по существу придерживаются и некоторые лингвисты, когда речь идет о так называемом «изолированном языке», «лишенном истории» (см., например, Ф. Соссюр², А. Мейе³).

Но эта точка зрения, по крайней мере в столь категорической форме, «лишена истории» (что означает, что ничего нельзя сказать об историческом процессе развития системы без сравнения ее с какой-либо аналогичной системой), вряд ли может быть принята. Нет слов, наличие наряду с нашей системой других, родственных с нею систем облегчает работу исследователя-теоретика. Но воспроизвести процесс развития системы, тем более некоторых ее отдельных форм, принципиально возможно логическим способом и при полной изолированности системы.

¹ В. Г. Фесенков. Космогонические характеристики солнечной системы (УАН, 1941, т. 2, стр. 67).

² Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 192—193.

³ А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании, стр. 19.

Можно согласиться с Ф. Соссюром, что «нельзя установить первоначальной формы для одного изолированного знака, тогда как два различных знака общего происхождения... позволяют наметить ту диахроническую единицу, которая связывает их с неким прототипом»¹. Но представляется совершенно неправомерным переход: «то же относится и к языку в целом. Из баскского языка ничего нельзя извлечь, так как, будучи изолирован, он не дает материала для сравнений»². Ведь одно дело — знак — простейшая, элементарнейшая форма системы, и совсем другое дело — сама система. Эта последняя представляет собой сложное целое, включающее в себя в качестве своих составляющих массу различных элементов, связей и зависимостей, находящихся на разных ступенях развития системы в целом. Но если верно, что в современной системе, в наличном состоянии языка рядом с новейшими фактами уживаются древнейшие явления, то дело существенным образом меняется. Отсюда прямо следует, что всякая (в том числе и изолированная) система не только допускает проведение структурных сравнений внутри нее самой, но и позволяет восстановить некоторые исторические ее факты (путем генетического обращения), а следовательно, воспроизвести и процессы развития по крайней мере ее отдельных форм. О такой возможности говорит сама практика научной работы — как успешное продвижение вперед в деле воспроизведения исторического процесса возникновения и развития солнечной системы, так и те интересные (неразработанные с точки зрения их логической структуры) приемы исследования, которые позволяют приоткрывать картину исторического процесса развития, исходя из сравнения гомологичных органов внутри отдельного, изолированно взятого организма, и которые Ч. Дарвин называл серийными гомологиями (т. е. «сравнением разных частей или органов одной и той же особи, а не одних и тех же частей или органов у разных членов одного и того же класса»)³.

Итак, логический способ оказывается единственно возможным, когда речь идет об исследовании системы, конкретно-эмпирическая история которой безвозвратно исчезла.

¹ Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 192 (разрядка наша.—Б. Г.).

² Там же, стр. 193 (разрядка наша.—Б. Г.).

³ Ч. Дарвин. Происхождение видов, стр. 653.

Но ясно, что важнейшим объективным условием применения этого способа является и неизученность истории системы. Тут логический способ воспроизведения развития объекта оказывается гораздо более экономичным и предпочтительным — ведь он не только освобождает исследователя от бесконечной работы по анализу эмпирической истории системы, но и воспроизводит процесс развития в «чистом», «исправленном» виде. Как уже указывалось, именно эти условия характеризовали работу К. Маркса над «Капиталом». «...Нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, — отмечал Энгельс, — а это сделало бы работу бесконечной, так как отсутствует всякая подготавливаемая работа. Таким образом, единственно уместным был логический способ рассмотрения»¹.

Каковы же условия применения исторического способа исследования?

Первое и далеко не самое главное — исследование истории объекта с целью проверки результатов логического способа, а также с целью популяризации этих результатов. Можно напомнить, что писал Марксу Энгельс по поводу своего «логического» анализа форм стоимости: «Самое большее, что можно было бы сделать, это несколько более пространно доказать исторически то, что здесь достигнуто диалектическим путем; так сказать, проверить это на примере истории, хотя самое необходимое для этого и так уже сделано»². И еще: «доказать филистеру историческим путем необходимость образования денег и показать происходящий при этом процесс»³. Об использовании исторического способа в целях популярного изложения результатов, уже достигнутых с помощью логического способа, писал В. И. Ленин: «Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, напр. различных функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает учащемуся, что теоретический анализ этих функций основан не на аб-

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 236 (разрядка наша.— Б. Г.).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 113 (разрядка наша.— Б. Г.).

³ Там же.

страктной спекуляции, а на точном изучении того, что действительно происходило в историческом развитии человечества»¹.

Но, повторяем, это значение (и субъективное условие применения) исторического способа не является важнейшим. В этом значении он уже предполагает предварительное проведение исследования в теоретической форме и, в сущности, направлен на выполнение той самой работы, которая выполняется до него и без него. Гораздо важнее и значительнее решение историческим способом таких задач, которые не могут быть решены способом логическим. И здесь мы прежде всего обращаемся к тем условиям исследования, когда структура системы еще не исследована и когда к воспроизведению процесса развития системы можно идти лишь путем исследования ее генезиса (генетические ряды, конечно, предполагаются данными).

Приступая к логическому воспроизведению капиталистической системы, а следовательно, к логической критике политической экономии, Маркс — еще до такого исследования и с целью такого исследования — анализирует гигантский материал по истории науки политической экономии. «Теории прибавочной стоимости» Маркса исторически предшествуют его «Капиталу». И, безусловно, в этом факте нужно искать смысл такого известного и так мало понятого высказывания исследователя: «Для себя я начал «Капитал» как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой (начав работу с третьей исторической части...)»². Это условие применения исторического способа становится особенно наглядным, когда речь идет об объекте, исторически исчезнувшем. Допустим, необходимо воспроизвести процесс развития, а значит, и структуру феодальной экономической системы или какой-либо прошедшей формации в развитии Земли. Ясно, что эти системы не сохранились и их составляющие не даны исследователю в каком-либо структурном ряду. Но сохранились (зафиксированы в памятниках, реконструированы из позднейших систем — это безразлично) и, следовательно, даны исследователю генетические ряды составляющих этих систем. Ясно, что в этих условиях исторический способ исследования оказывается единственно

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 33.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 201.

Возможным для воспроизведения процесса развития. При этом он является способом, предвещающим логический способ исследования и делающим возможным, обеспечивающим применение этого последнего.

Другое важнейшее условие применения исторического способа исследования — воспроизведение конкретной и исторической формы какого-либо процесса или явления. «...Один и тот же экономический базис,— писал К. Маркс,— один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям, и т. д.— может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств»¹. И понятно, что анализ бесконечно изменяющихся эмпирических обстоятельств (а он нужен не для того, чтобы было что учить в школе, а для понимания современных форм выражения исторического развития, для правильной ориентации в этих формах, для их научного предвидения и т. д.) возможен только в системе исторического способа.

Наконец, важнейшим условием применения исторического способа исследования является воспроизведение исторического процесса развития смены одной системы другой или исторического процесса развития ряда сменяющих друг друга систем. Логический способ здесь неуместен — это ясно. Но из всего сказанного об историческом способе также ясно, что именно здесь он может проявить свои силы во всей полноте (правда, при одном условии, если сменяющие друг друга системы будут поняты как различные системы, но не как одна система, т. е., если исторический процесс развития будет анализироваться как процесс именно смены систем, но не как процесс развития одной и той же системы).

Таковы, в самых общих чертах, условия применения (далеко не полные) логического и исторического способов исследования. Такова их общая характеристика. В заключение хотелось бы остановиться еще на одном моменте, имеющем, по нашему мнению, серьезное значение.

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 804.

Мы говорим о терминах «логический способ» и «исторический способ», широко применяемых в литературе; они представляются нам неудовлетворительными. И вот почему. Во-первых, с этими терминами связано множество самых различных представлений, не имеющих никакого отношения к проблеме воспроизведения развития системы. В самом деле: «логический» часто равно «мыслительный» (в отличие от чувственного), совпадающий с точкой зрения логики как науки и т. д.; «исторический» же — «объективно развивающийся» (развитие самого объекта), «конкретно-исторический» (эмпирическая история объекта), совпадающий с точкой зрения истории как науки и т. д. Во-вторых, эти термины не выделяют рассматриваемых способов из ряда других способов исследования. Так, термин «логический» с таким же успехом применяется и в отношении способов, воспроизводящих объект в теоретической форме без всякого намека на историзм (например, в математике). Точно так же «историческими» называются способы историко-описательного, историко-сравнительного исследования и т. д. С этой точки зрения термин «логический» одинаково распространяется как на метод К. Маркса, так и на метод Д. Рикардо, а термин «исторический» — на метод К. Маркса и на метод Фукидида. В-третьих, в этих терминах невозможно нечетко выделить с у щ е с т в о самих рассматриваемых способов исследования как способов воспроизведения процессов развития системы.

Все это побуждает ставить вопрос о замене существующей терминологии. По нашему мнению, новые термины должны, прежде всего, обязательно подчеркивать существо рассматриваемых способов — то, что они воспроизводят процессы развития системы, т. е. представляют собой определенного рода единство, зависимость исследования генезиса системы и ее структуры. С этой точки зрения целесообразно включение в терминологию обоих слов — и «генезис», и «структура». Вместе с тем новые термины должны подчеркивать специфику, различие, несовпадение обоих способов.

С этой точки зрения наилучшим представляется акцентирование внимания на различиях в исходных материалах, непосредственных задачах обоих способов. «Генетико-структурный способ» — так можно было бы обозначить тот «логический» способ иссле-

дования, который, имея дело непосредственно со структурным рядом системы (будучи способом с т р у к т у р н ы м), воспроизводит, исходя из него, процесс развития системы (и, следовательно, ее генетические отношения) в форме теории. «Структурно-генетический способ» — так можно было бы обозначить тот «исторический» способ исследования, который, имея дело непосредственно с генетическим рядом системы (и, таким образом, будучи способом г е н е т и ч е с к и м), воспроизводит, исходя из генетического ряда, процесс развития системы (и, следовательно, ее структуру) в форме истории.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Историзм как общий принцип исследования пронизывает современное научное мышление. Он захватывает все новые и новые отрасли знания. Процесс совершается на наших глазах: науки, которые еще вчера не могли даже думать о «своем» объекте, как об изменяющемся во времени, развивающемся, сегодня становятся историческими в самом широком и одновременно самом строгом смысле этого слова.

Успешное развитие наук, вступивших на путь воспроизведения исторического процесса развития объектов, прямо связано с использованием диалектического метода, разработанного философией марксизма. С этой точки зрения произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина (как в плане «исторической теории», так и в плане «теоретической истории») имеют непреходящее значение нормы и образца.

Вместе с тем многие современные исследователи, занимающиеся воспроизведением процессов развития объектов, допускают в своем творчестве серьезные методологические ошибки, а потому терпят неудачи. Это хорошо знают советские историки, зачастую грешащие эмпиризмом, лингвисты, геологи, биологи, космогонисты и т. д. Чем можно объяснить такое явление? Помимо всего прочего, очень плохим знакомством исследователей с методом Маркса—Ленина, с логической структурой марксистских способов рассмотрения и воспроизведения исторических объектов. В этом вина, прежде всего, наших логиков. Лишь серьезным отставанием развития диалектической логики можно объяснить тот

факт, что у нас почти нет работ, специально посвященных этой стороне творчества классиков марксизма-ленинизма. Между тем поле деятельности здесь поистине неограниченное.

Современная историческая наука самым настоятельным образом требует пристального логического изучения методов исторического исследования, созданных философией марксизма. Удовлетворить эти потребности науки — актуальнейшая задача советской философии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

Глава I

СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

1. Объект современной исторической науки	9
2. Предмет современной исторической науки	12
3. Формы существования современной исторической науки	18
4. Границы современности	23
5. Задачи логики	29

Глава II

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ

1. Типы элементарных процессов	37
2. Составляющие процесса развития	51
3. Время	54
4. Структура процесса развития	61

Глава III

НАУЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ. ИСХОДНОЕ РАЗЛИЧИЕ И ОСНОВНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Общая характеристика задач исследования	74
2. Синхронический и полихронический ряды	78
3. Зависимость исследования «структурный ряд — генетический ряд»	89

Глава IV

НАУЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ О ПРОЦЕССЕ

1. Трудности решения задачи	99
2. Построение «генетической пары»	103

А. Выбор исходного составляющего процесса в полихроническом ряду системы	103
Б. Выбор исходного составляющего процесса в синхроническом ряду системы	109
В. Реконструирование исходного составляющего процесса	117
3. Первоначальное предположение и исследование в целом	119

Глава V

НАУЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТА И РАСКРЫТИЕ СУЩНОСТИ ПРОЦЕССА

1. Процесс сведения	123
2. Процесс выведения	135

Глава VI

НАУЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ. РАСКРЫТИЕ МЕХАНИЗМА ПРОЦЕССА

1. Анализ исторических состояний. Выявление составляющих-условий процесса	148
2. Раскрытие механизма процесса в рамках теории системы и истории системы	156
3. Еще раз о зависимости исследования «структурный ряд — генетический ряд»	164

Глава VII

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ В ЦЕЛОМ

1. Логический и исторический способы воспроизведения развития системы. Общие замечания	170
А. Общие закономерности	170
Б. Специфические закономерности	174
2. Воспроизведение процесса развития системы в форме «исторической теории»	180
3. Воспроизведение процесса развития системы в форме «теоретической истории»	190
4. Условия применения логического и исторического способов исследования	199
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	211

Борис Андреевич Грушин
ОЧЕРКИ ЛОГИКИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Редактор *В. С. Марков*
Технический редактор *М. Т. Столярова*
Корректоры *Г. Д. Евгенова* и *З. А. Романская*

Сдано в набор 9/VIII-60 г. Подписано в печать 6/II-61 г.
Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32} = 6,75$ печ. л. 11,07 усл. печ. л. 11,85 уч.-изд. л.
Тираж 5000. А-03721. Цена 59 коп. Заказ № 788.

Государственное издательство «Высшая школа».
Москва, Б-62, Подсосенский, 20.
Полиграфический комбинат Ярославского совнархоза.
Ярославль, ул. Свободы, 97.

Список опечаток и исправлений

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
28	—	сноска 1	относится к последним строкам стр. 27
206 209	22 сверху 20 снизу	своего нечетко	его четко

Заказ 788